

Российская академия наук
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт российской истории РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (3)

Москва–Сыктывкар 2009

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2009. №1 (3).

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционный совет

академик Ю.А.Поляков (председатель, Москва), академик В.В.Алексеев (Екатеринбург), В.Б.Жиромская (Москва), А.Е.Загребин (Ижевск), член-корр. РАН В.Н.Лаженцев (Сыктывкар), С.Лаллукка (Хельсинки), В.И.Меньковский (Минск), Л.Л.Рыбаковский (Москва), А.С.Сенявский (Москва), А.Ф.Сметанин (Сыктывкар), А.И. Таскаев (Сыктывкар)

Редакционная коллегия

И.Л.Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.В.Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н.Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В.Аргудяева (Владивосток), Г.Е.Корнилов (Екатеринбург), В.И.Коротаев (Архангельск), Е.Ф.Кринко (Ростов-на-Дону), С.А.Прокопенко (Ульяновск), И.А.Разумова (Апатиты), А.В.Репневский (Архангельск), В.А.Семенов (Сыктывкар), П.В.Федоров (Мурманск), М.С.Черкасова (Вологда)

Издание подготовлено при поддержке программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

© Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2009

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2009

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН,
журнал «Историческая демография».
Тел. (8212)245500 (гл. ред.), (8212)241702 (отв. секр.), факс (8212)245564,
e-mail: erojkin@gmail.com, zherebtsov.hist@mail.komisc.ru

Содержание

Такижбаева Н.З. Философия исторической демографии	4
Муравьев В.В. Становление культуры воспроизводства населения	7
Аверьянов К.А. Использование методов археологии в демографии	9
Биланчук Р.П. О числовой символике в устной исторической традиции Европейского Севера	14
Прокопенко С.А. Проблемы точности методов построения динамичных квазимodelей демографического гомеостаза (на примерах европейского позднего средневековья и раннего Нового времени)	19
Черкасова М.С. Демографические процессы в монастырской деревне центра России в конце XVII в. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры)	23
Васина Т.А. Особенности демографической ситуации в Камбарском заводе в середине XIX в. (по материалам 8-10-й ревизий)	29
Желтов А.А. Репрезентативность информации о состоянии здоровья и болезнях населения Вологодской губернии в источниках середины XIX – начала XX века	34
Михалев Н.А. Особенности процессов брачности населения Обдорского севера в начале XX в.	39
Аргудяева Ю.В. Эмиграция старообрядцев Приморья в Маньчжурию (20–30-е годы XX в.)	45
Баранов Е.Ю. Годовые таблицы естественного движения населения как источник по демографической истории Урала в 1920–1930-е гг.	50
Чащин А.В. Демографическая характеристика городского населения Среднего Урала в 1926–1939 годах	54
Меньковский В.И. Современная историография демографических процессов в Советском Союзе 1930-х гг.	59
Обедкова А.П., Обедкова Н.П. Рост числа и влияния больших городов как ведущий фактор российской урбанизации	63
Фадеева Е.В. Современные социально-демографические процессы у нивхов Сахалина	69
Вербицкая О.М. Сельские жители России во второй половине XX века: демографическое старение	74
Араловец Н.А. Особенности разводов в России, вторая половина XX в.	79
Фаузер В.В., Жеребцов И.Л., Фаузер Г.Н., Макарова В.Н. Особенности социально-демографических структур населения Республики Коми	82
Попова Л.А. Младенческая смертность: история и современность	96

Философия исторической демографии

Историческая демография как самостоятельная наука изучает состояние и динамику демографических процессов в истории стран и народов, а также и историю развития самой демографической науки. Междисциплинарная по своей сути, она предполагает философское обоснование используемых ею понятий, категорий, законов, методов. Всё это необходимо философски обосновать потому, что только такой подход позволит представить демографическую историю как систему знаний о народонаселении. Кстати, в качестве закрытой системы, т.е. без учета влияния миграции [1].

Философия как мировоззренческая форма общественного сознания, как известно, состоит из четырех частей: истории философии, натурфилософии, или философии природы, философии человека (философской антропологии), философии общества (социальной философии).

При изучении историко-демографических проблем с необходимостью следует использовать достижения социальной философии, так как она является не только философской теорией общества, но и методологией изучения других общественных наук, в том числе исторической демографии. Кстати, проблемы и методы социальной философии исходят из общего понимания философии как такого знания, предметом которого является «истина, т.е., что есть, бытие» [2].

Интегрирующим началом, образующим единство всех возможных элементов социальных процессов, т.е. их субстанцией считается деятельность организованных в устойчивые сообщества человеческих индивидов. Этот подход позволяет без натяжек и противоречий обобщить все многообразие социальных явлений в нескольких фундаментальных понятиях, каждое из которых определяется как структурный элемент (часть), отношение частей, свойство субстанциально понятой действительности.

Возникающие между людьми связи и отношения рассматриваются как организационные формы деятельности. Важнейшие вопросы об истоках определенной направленности человеческих действий, необходимой обусловленности видов и форм социальной организации предстанут как вопросы о внутренних регулятивных механизмах деятельности, состояниях или свойствах ее субъектов и образуемых ими в процессе взаимодействия социальных групп.

Человеческой деятельности необходимо присущи те же самые субстратно-энергетические измерения, что и чисто физическим процессом, а воспроизводство населения осуществляется согласно общим законам живой природы. Столетиями размышляя над особенностями органической жизни и человеческого существования, через множество проб и ошибок, философия пришла со временем к созданию методики, оказавшейся способной интегрировать в некоем представительном синтезе субстратные и функциональные характеристики явлений. Такой синтез осуществляется на основе категории «субстанция». Используя мысль Спинозы, определявшего «субстанцию» как *causa sui* (причина самой себя), субстанциональный анализ позволяет исследовать особый класс объектов материального мира, т.е. самопорождения и самоподдержания. К их числу относятся объекты органического мира (живые системы) и объекты мира социального [3].

Рассматривая историческую демографию как особую междисциплинарную форму обществензнания, следует четко определиться с ее базовыми понятиями и категориями, подходами, законами и закономерностями.

Говоря о категориях исторической демографии, отражающих объект междисциплинарных исследований, в первую очередь следует обратить внимание на такие, как народонаселение, развитие, воспроизводство, закон и т.д. Самое главное, изначально условиться о значении терминов, т.е. дать по возможности точное определение понятий. Определяя термин «историческая демография», будем исходить из того, что она представляет собой науку, изучающую статистическое состояние человеческих популяций по их размеру, полу, возрасту, семейному положению, этническому происхождению.

Определяя базовые, философские основы той или иной отрасли знания с необходимостью следует начинать с объекта и предмета данной науки. Объектом исторической демографии, как и демографической науки, являются люди, население. Предметом – история воспроизводства населения в широком социально-экономическом, культурном и природном контексте [4]. Иными словами, если предметом демографии являются законы естественного воспроизводства населения, то для исторической демографии это воспроизводство в прошлом, в процессе смены поколений в прошлом.

Историческая демография имеет тесную связь с различными науками. Некоторые ученые считают, что в наименовании этих отраслей должен выдерживаться следующий принцип, который фактически существует во всех науках: Существительное (в данном случае демография) обозначает предмет науки (воспроизводство насе-

* Такижбаева Найля Закеновна (Алматы, Казахстан) – кандидат исторических наук, доцент. E-mail: takizhbayeva@mail.ru

ления) прилагательное (историческая) – науку, знания которой используются как фактор при изучении предмета демографии [5]. Главное, что следует подчеркнуть, это то, что историческая демография имеет дело с населением прошлых эпох, для которых имеются в наличии письменные источники данных. Если таковые отсутствуют, то говорят о палеодемографии, изучающей население далекого прошлого.

Главная задача исторической демографии как науки – выявление и познание демографических законов, закономерностей, взаимосвязей, имевших место в прошлом.

Немалое значение, а может даже определяющее, играет категория население. Обычно под населением понимают совокупность людей, проживающих на какой-либо территории. Такого понимания, выделяющего в качестве атрибутивных два основных признака – количественный (то, что население – это совокупность) и территориальный (то, что население связано с определенной территорией), вполне достаточной для большинства наук, для которых население – объект исследования. Однако для исторической демографии, такое понимание является недостаточным. Для нее население интересно с точки зрения его воспроизводства в прошлом, т.е. того социального процесса, который и является собственным, исключительным предметом исторической демографии как науки. Таким образом, в исторической демографии население – это самовоспроизводящаяся совокупность людей, имевшая место в прошлом.

Задача изучения всей совокупности демографических явлений и процессов с необходимостью поставила на повестку дня необходимость разработки историками такой научной категории, как «развитие населения», которые выражает социальные, демографические и физические характеристики населения, детерминированные влиянием законов природы и общества и в то же время выступающие факторами исторического развития. Именно в этом аспекте в настоящее время предпринимаются попытки рассмотреть демографические факторы не только в их количественном выражении. Но и в плане исторической эволюции демографических процессов и структур как органической составной части развития населения и естественно-исторического процесса. К сожалению, работа в этом направлении ведется пока явно недостаточно, хотя оно и является одним из основных в проблематике современной исторической демографии [6].

Демографическая сфера обществ, как известно, включает в себя совокупность людей, семей, социальных общностей, поселений и отношений между ними, направленных на удовлетворение фундаментальных (жизненных) потребностей, связанных с воспроизводством людей, их социализацией.

История обществ и человечества, с одной стороны, есть результат деятельности людей, стремящихся к удовлетворению своих потребностей, а с другой стороны, сами потребности меняются под влиянием истории. В диалектическом единстве и борьбе этих противоположностей (потребностей и деятельности) заключается загадка развития обществ и человечества.

В качестве предпосылки истории человек представляет собой совокупность внутренних побуждений (потребностей, интересов, целей), способностей (характера, воли, сознания), практической деятельности.

Демографическая сфера общества не только зависит от географической и биологической сферы, но и сама находится под влиянием вышележащих сфер общества: экономической, политической, духовной. Поэтому данная сфера называется демосоциальной. Она включает как собственно демографические (численность, рост, смертность и т.п.), так и социальные (семьи, поселения, этносы, классы, страты и т.п.) характеристики и процессы.

Демосоциальная сфера общества состоит из демосоциальных общностей: семей, поселений, этносов. Демосоциальная общность – это реально существующее объединение людей, характеризующееся какими-то одинаковыми объективными признаками (потребностями, языком, трудом, проживанием, доходом и т.п.), общностью психологии, взглядов, ментальности, ролью в обществе. Такими общностями являются семьи, казахи, пенсионеры.

При изучении проблем населения особо следует обратить внимание на особенности города и села (большие деревни). Города отличаются от деревни следующими основными признаками: большой численностью населения; занятостью многими видами труда, преимущественно несельского; месторасположением политической власти; значительно более высоким уровнем образованности и цивилизованности; более цивилизованным образом жизни, влекущим к себе деревенских жителей и т.п. Все это тесно переплетено и выходит функционально далеко за пределы демосоциальной сферы [7].

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что место философии в определении ценностей исторической демографии как самостоятельной научной дисциплины является ведущим. Это связано с основным вопросом мировоззрения и полифункциональностью философии. При этом именно общеметодологические функции – конструктивно-эвристическая, координирующая, синтезирующая и логико-методологическая функции – должны быть взяты на вооружение при исследовании демографической истории населения мира и его регионов.

Источники и литература

1. Борисов В.А. Демография. Учебник для вузов. – М., 2005. – С. 14–15; Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хореев Б.С. Миграциология. – М., 1989, Кваша А.Я. Описательная демография // Демография: современное состояние и перспективы развития: Учеб. пособие. – М., 1997. – С. 53; Медков В.М. Демография: Учебник. – М., 2003. – С. 18.
2. Цит по: Философия: Учебник / Под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. – М., 2007. – С. 495.
3. См.: Философия: Учебник / Под ред. А.Ф.Зотова, В.В.Миронова, А.В.Разина. – М., 2007. – С. 498, 502, 503.
4. Шелестов Д.К. Историческая демография // Демография: современное состояние и перспективы развития: Учеб. пособие. – М., 1997. – С. 47.
5. Борисов В.А. Воспроизводство населения как предмет демографической науки // Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР / Отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. – М., 1987. – С. 25; Медков В.М. Демография: Учебник. – М., 2003. – С. 28–29.
6. Шелестов Д.К. Историческая демография // Демография: современное состояние и перспективы развития: Учеб. пособие. – М., 1997. – С. 47.
7. Соколов С.В. Социальная философия. – М., 2003. – С. 108, 111, 116, 117.

Становление культуры воспроизводства населения

Демографическая история начинается в эпоху формирования человечества, когда природные факторы утратили роль единственных регуляторов размножения, смертности и заболеваемости древнейших людей. В этот период происходит становление относительно самостоятельной сферы культуры – культуры воспроизводства народонаселения. К ней относились созданные человеком предметы, накопленные знания, ценности и нормы, включенные в складывающийся из рождений и смертей процесс возобновления поколений. Это элементы культуры, воздействовавшие на структурированность населения по полу, возрасту, семейному положению, состоянию здоровья и миграции. Культура стала формой преобразования биологического воспроизводства в демографические процессы.

Основным противоречием развития культуры воспроизводства народонаселения было взаимное противодействие культурных факторов, способствовавших и препятствовавших росту численности древнего населения и увеличению средней продолжительности жизни. Производство пищи, строительство жилищ и использование одежды, развитие медицины, усилия по сохранению мира в целом превосходили действие войн, карательных акций, аборт, детоубийства, скученности на рост объема человеческой массы в биосфере.

Древнее население делилось на брачные круги, дема, в рамках которых осуществлялось воспроизводство населения, а также группы, связанные так или иначе понимаемым родством, и поселения. Получение еды осуществлялось трудовыми коллективами. Такой коллектив добывал пищу, существовавшую на занимаемой им территории. Вместе со своим ареалом он составлял систему пищевых цепей. Каждая из указанных групп первобытного населения была носителем комплексов духовной культуры, особого информационного поля. В популяциях были приняты определенные нормы брака, в родственных группах – формы отсчета родства, в трудовых коллективах – знания о природной среде и способах получения в ней еды.

В дополнение к демам, поселениям, родственным объединениям и коллективам по обеспечению пищей следует добавить вооруженные группировки, призванные сохранять существование первых четырех групп, в условиях существования других враждебных военных соединений. Задача воинов – уничтожать и калечить солдат из враждебных отрядов, а нередко и всех мирных жителей захватываемых антропогеоценозов, то есть действовать в направлении снижения численности людей. Воинское сословие имело собственную духовную субкультуру.

Воздействие культуры на рождаемость осуществлялось путем установления форм брака, традиционного возраста вступления в брак, постоянного или временного отстранения половозрелых мужчин и женщин от репродуктивной деятельности. Существенное значение имело осуждение или допущение убийств и оставления новорожденных без попечения, абортов, средств, предохранявших от зачатия. Тенденции развития отношений полов в древнем обществе получили завершение в утверждении четырех принципов отношений между ними: а) разделение мужчин и женщин в пространстве, прерываемое в естественно необходимых ситуациях; б) разграничение обязанностей полов; в) оправданное обстоятельствами подчинение женщины мужчине; г) единство, взаимное дополнение полов.

В древних цивилизациях существовали следующие способы соединения мужчин и женщин, приводившего к возникновению семьи или несанкционированной реализации половой потребности: а) овладение женщиной силой или обманом; б) захват женщины в виде добычи в ходе военных действий или ее похищение; в) покупка женщины; г) добровольный союз мужчины и женщины по взаимному выбору или выбору одной из сторон; в) временный или постоянный союз мужчины и женщины, основанный на родственном или религиозном долге; г) союз женщины и мужчины, возникавший по воле родителей.

Нормы отношений между полами в первобытной культуре имели характер запретов, а в древних цивилизациях большее значение приобрели культурные факторы, определявшие соединение женщин и мужчин в браке. Различные формы брака сосуществовали в одних и тех сообществах и семьях. В Передней Азии проституция осуждалась. В Египте, Индии и Китае к этой форме полового поведения относились как оправданной обстоятельствами. Корни проституции находятся в первобытной истории, когда женщины вступали в половое взаимодействие с мужчинами в обмен на пищу для своих детей.

Рождение, беременность, зачатие понимались в первобытной культуре как сверхъестественно обусловленные события и состояния. Зачатие рассматривалось как «непорочное», происходившее без участия мужчины. В древних цивилизациях были установлены реальные причины зачатия и этапы беременности, но представления о возможности «непорочных», сверхъестественных зачатий сохранились. Считалось, что они происходят в каких-то особых ситуациях.

* **Муравьев Виктор Викторович** (Сыктывкар) – кандидат философских наук, доцент, директор Института мировой культуры, иностранных языков. E-mail: muravyev@online.ru

В духовной культуре древнего общества сформировалась идея повторного рождения индивида. Оно понималось как прохождение возрастного рубежа взросления, реинкарнация, постижение истины, продолжение жизни в собственных детях, возвращение к стадии младенчества путем омоложения.

Формами, этапами осознания родства в древности были тотемизм и культ предков. Идею группового родства, обусловленного совместной деятельностью, приемом пищи, общим местом проживания сменило осознания родства по происхождению, идея «общности крови».

В древности сложились многообразные концепции смерти. Во всех культурах имело место ее понимание как окончательного прекращения психической деятельности, полного исчезновения Я. Существовали учения о временном или вечном продолжении жизни души после разложения тела. В учениях о бессмертии души сложились два направления: а) концепции реинкарнации, в которых допускалась возможность возврата души к земной жизни; б) концепции безвозвратного потустороннего существования душ. Вариантами концепций б) были следующие: 1) души умерших продолжают заниматься тем, что делалось при жизни; 2) в потустороннем мире качество существования снижается; 3) загробная жизнь лучше предшествовавшей смерти; 4) учение о воздаянии.

Воздействие древней культуры на показатели насильственной смертности было противоречивым, как сдерживавшим, так и поощрявшим их рост. Культура предоставляла возможности избирать пути агрессии или мира. В идеологии древних цивилизаций мир оценивался как трудно достижимое благо, а война – как вынужденные действия. Основными факторами, воздействовавшими на показатели смертности, и заболеваемости были обеспечение пищей, истребление людей в военных конфликтах и карательных акциях, строительство жилищ и изготовление одежды, образ жизни, задаваемый стратификацией. Понимание древними природы болезней и связанные с ним приемы целительства в большей мере оказывали нейтральное или позитивное воздействие на состояние здоровья и смертность населения.

Единство религиозной веры не являлось фактором сдерживания вооруженного противостояния. Миролюбию в большей степени способствовала религиозная толерантность, терпимое отношение к чужим религиям.

В древнем сознании сложилось понимание существования пяти основных возрастных стадий индивидуальной жизни: а) детства; б) ученичества, активной инкультурации; в) периода самостоятельной хозяйственной и семейной жизни; г) этапа жизни пожилого человека, находившегося на содержании детей; д) периода подготовки к смерти. Для каждой стадии индивидуальной жизни были определены главные цели, содержание естественных этапов возрастных изменений наполнялось смыслом, существенная характеристика населения – возрастная, приобрела культурное звучание.

Использование методов археологии в демографии

Одной из самых сложных проблем современной отечественной демографии является вопрос определения общей численности населения России на начальных этапах ее исторического развития, которые можно условно назвать «достатистическим периодом». Мы не случайно употребили это выражение, поскольку материалы регулярного учета населения, являющиеся основным источником демографических исследований, появляются в России очень поздно. Как известно, первая всеобщая перепись населения была проведена в нашей стране только в 1897 г. Между тем, потребность в самых общих знаниях о расселении населения возникает уже при обращении к начальным этапам демографической истории.

Идя в глубь веков, демографы для определения численности населения обычно используют различные гипотезы о величине естественного прироста, ибо сколько-нибудь полных данных о количестве живших в эти периоды людей просто не сохранилось. Однако специалистам прекрасно известно, что величина естественного прироста не является чем-то постоянным, а зависит от множества порой взаимоисключающих факторов. В качестве наглядной иллюстрации приведем показательный пример. В конце XIX в. рядом западноевропейских демографов на основе изучения тогдашних темпов естественного прироста было выдвинуто предположение, что в дальнейшем население Земли будет удваиваться каждое столетие – если в 1900 г. оно составляло 1600 млн. чел., то к 2000 г. оно должно было увеличиться до 3200 млн. чел. (за это же время число жителей Европы должно было измениться с 400 до 800 млн. чел.) [1]. Жизнь показала, что эти прогнозы не оправдались.

Все это приводит к тому, что встречающиеся в литературе оценки населения за тот или иной исторический период имеют чрезвычайно широкий разброс, явно выходящий за пределы статистической погрешности. В целом их можно представить в виде таблицы.

Таблица 1

Динамика численности населения России до начала XX в., млн чел.

Дата	Европейская Россия в границах 1914 г.	В границах России на соответствующую дату		В границах СССР		
	Б.Ц. Урланис (1941)	Б.П. Вейнберг (1915)	Я.Е. Водарский (1973)	В.И. Козлов (1969)	В.В. Покшишевский (1970)	Д.Дюран (1967)
5 тыс. лет до н.э.	–	–	–	1	–	–
Начало н. э.	–	–	–	5 – 10	–	–
1000	8,5	–	–	10 – 15	13	–
1100	10,0	–	–	–	–	–
1200	11,0	–	–	–	17	–
1300	11,0	–	–	10 – 15	–	–
1400	13,0	–	–	–	17	–
1500	15,5	–	6,5 (серед. XVI в.)	15 – 20	–	–
1600	18,3	8,9 (1613)	7,0 (кон. XVI в.)	18 – 25	22	–
1650	18,3	–	10,5 (1678)	–	–	–
1700	21,0	11,6 (1724)	15,5 (1719)	20 – 30	25	–
1750	24,0	27,2 (1780)	–	25 – 45	–	42 (31 – 52)
1800	39,0	43,3 (1819)	37,2 (1795)	40 – 55	45	56 (46 – 66)
1850	61,6	65,5 (1846)	74,0 (1858)	65 – 80	–	76 (66 – 85)
1863	–	74,8	–	–	80	–
1900	111,2	128,3 (1897)	128,9 (1897)	125 – 135	130	134 (121 – 140)

Лит.: Вейнберг Б.П. Положение центра населенности России с 1613 по 1913 г. // Известия Русского географического общества, 1915. – Т. 51. – Вып. 6; Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. – М., 1941. – С. 414–415; Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). – М., 1973. – С. 151; Козлов В.И. Динамика численности народов. – М., 1969; Покшишевский В.В. О гипотезе динамики численности населения СССР за длительный исторический период // История географических значений и историческая география. Этнография. – М., 1970. – Вып. 4; Детерминанты и последствия демографических тенденций. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 56–57 (данные американского демографа Д. Дюрана, опубликованные в 1967 г.).

* Аверьянов Константин Александрович (Москва) – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: konstantinaveryanov@yandex.ru

Самым слабым звеном в этих подсчетах явилось то, что задача определения численности населения России на ту или иную дату фактически сводилась к вопросу о динамике населения страны, точнее – к вопросу о темпе роста населения. Однако демографам прекрасно известно, что величина естественного прироста не является чем-то постоянным, а зависит от множества порой взаимоисключающих факторов. Другой проблемой является несопоставимость территориальных границ. Это хорошо видно на вышеприведенной таблице, из которой видно, помещенные в ней разные виды оценок относятся к разным территориям.

Тем не менее, в условиях отсутствия источников, содержащих хоть какие-то демографические показатели, исследователи вынуждены были искать новые методы для определения численности населения страны. Еще Б.Ц. Урланисом была предложена методика определения численности населения по его плотности. По его подсчету, основанному на карте Восточной Европы в IX–XI вв., составленной Б.А. Рыбаковым и приложенной к первому вузовскому учебнику «История СССР» (М., 1939), территория Киевской Руси составляла примерно 1330 тыс. кв. км. Для юга Киевской Руси (320 тыс. кв. км) он определил плотность населения в 6 человек на 1 кв. км. Для Центрально-земледельческой полосы, Северо-Запада, Новгородской земли (710 тыс. кв. км) – 4 чел. на 1 кв. км. Плотность населения северо-восточных земель Древнерусского государства он оценивал в два человека на 1 кв. км. Перемножив указанные данные, он получил общую цифру населения Киевской Руси на 1000 г. н.э. немногим превышающую 4 млн. чел.

Позднее, в ходе широкого археологического обследования страны выяснилось, что особенностью расселения на начальных этапах исторического развития было то, что основная масса населения жила по берегам рек, а водоразделы между ними оставались практически незаселенными. В этих условиях говорить о средней плотности населения просто не приходится.

Поэтому демографы, стремясь определить численность населения в самые ранние эпохи, попытались применить метод сравнения. Из приведенной выше таблицы видно, что наиболее ранние оценки численности населения относятся к эпохе, отстоящей от нас на 5–6 тыс. лет. По предположению В.И. Козлова, во всем мире тогда проживало около 30 млн. чел., а на территории бывшего СССР в этот период было около 1 млн. чел. Следующие по времени демографические подсчеты, относящиеся к территории современной России, были сделаны применительно к 1000 г. н.э. По мнению В.И. Козлова, численность населения Древнерусского государства колебалась около пятимиллионной отметки, несколько увеличившись к началу XII в. Эту цифру он сравнил с населенностью других районов Европы к 1000 г. По его мнению, на территории Германии и Италии (взятых в границах 1914 г.) в то время проживали соответственно 5,4 и 7 млн. чел. Даже издавна густонаселенная Франция имела тогда только 9 млн. жителей. Косвенно в пользу указанного показателя свидетельствует также тот факт, что на территории Российского государства в XVI в. жили 6–7 млн. чел. Однако этот метод имел серьезный недостаток – указанные данные во многом строились на сравнении численности этих стран в более позднее время.

Поэтому в последнее время демографы стали искать иные методы определения численности населения в ранние эпохи. К примеру, стремясь определить число кочевников в степях Причерноморья, предлагали использовать данные оптимальной численности населения, способной прокормиться в условиях похожих природных зон. Согласно современным вычислениям, на одном квадратном километре разнотравной степи без ущерба для природы можно выпастать до семи голов крупного рогатого скота или лошадей. Известно, что в предреволюционной Монголии в 1918 г. на душу населения приходилось около 17 голов всех видов домашнего скота. Отсюда делался вывод, что средняя плотность населения в Монголии начала XX в. составляла один человек на площадь чуть более 2 кв. км (что близко к истине), а затем соответствующие данные переносились на причерноморские степи IX–XII вв. Правда, вскоре выяснилось, что цифра количества скота на единицу площади носит весьма условный характер и самым непосредственным образом зависит от погоды. В годы с большим количеством осадков этот же участок степи может прокормить вдвое большее количество скота, но в засуху ресурсы кормовой базы резко снижаются. Все это приводило к тому, что число скота у одной семьи возрастало или уменьшалось в прямой зависимости от климатических условий. По весьма приблизительным подсчетам, древние скотоводы в благоприятные годы имели на душу населения в среднем до 19 голов скота, в пору упадка их число сокращалось до 5–9 голов.

Предпринимались также попытки определить численность населения различных стран по численности армии (в частности, подобная работа была выполнена для Византии). Но этот метод не учитывает степень милитаризации тех или иных стран. Если говорить, к примеру, о современности, данная методика абсолютно не работает для такой страны как Северная Корея, в которой под ружье поставлена значительная масса населения, и Коста-Рикой, где с 1948 г. нет армии как таковой.

Между тем, ситуация оказывается не такой безнадежной, как может показаться на первый взгляд. Выясняется, что имеется возможность проследить динамику численности населения, начиная с глубокой древности. Для этого необходимо привлечь данные археологии.

В последнее время наиболее активная работа в этом направлении идет на территории Подмосковья. В частности, была сделана попытка определить численность населения Подмосковья в эпоху железного века, когда здесь существовала дьяковская культура (VII в. до н. э. – VII в. н.э.).

В современной Московской области было обнаружено значительное число древних поселений. В целом их принято разделять на две большие группы: укрепленные (городища) и неукрепленные (селища) поселения. Самым важным критерием при их характеристике для нас является выяснение их площади, поскольку она может косвенно свидетельствовать о численности проживавшего в них населения.

По состоянию на 2002 г. в бассейне Москвы-реки было выявлено 239 памятников железного века, в том числе 82 городища и 154 селища. Примечательно, что все поселения располагались по берегам рек. Более половины памятников (151) находятся в пределах долины самой Москвы-реки и ее мелких притоков. Наиболее же густо в железном веке была заселена долина среднего течения Москвы-реки от устья Рузы до устья Пахры.

Разумеется, следует учитывать, что размеры городищ и селищ различны, но площадь абсолютного большинства из них укладывается в общие средние размеры, которые указывают на оптимальную численность населения, способность прокормиться земледельческим трудом на землях, окружавших поселения. Поэтому археологи для оценки численности населения отбрасывают наиболее мелкие и наиболее крупные поселения и вводят понятие «базовых поселений» – наиболее типичных для этого времени.

Типичные размеры площадок городищ железного века – от 1200 до 2000 кв. м. По материалам раскопок городищ Кузнечики на Пахре и Дьякова (в нынешней Москве) была сделана приблизительная оценка их заселенности. Отправным пунктом для расчета стала площадь жилых построек (на раннем этапе, в V – III вв. до н.э., это – длинные дома, разделенные на комнаты-отсеки с открытыми очагами внутри; позднее – в первой половине I тыс. н.э. они сменяются постройками меньших размеров прямоугольной или квадратной формы). В археологической литературе предлагается приблизительно оценивать число обитателей этих построек как 1/6 их площади, измеренной в кв.м., т.е., иными словами, на каждого жителя приходилось по 6 кв.м [2].

Площадь указанных городищ равняется соответственно 1300 и 2200 кв. м. В этом случае на них в двух-трех длинных домах, которые могли уместиться на площадке, должно было проживать от 50 до 100 чел.

Всего на отрезке долины Москвы-реки от устья Рузы до устья Пахры находится 38 «базовых поселений». Их суммарная площадь составляет около 64 тыс. кв. м. Если считать, что на Дьяковом городище на 2200 кв. м проживало 100 чел., то, следовательно, во всех «базовых поселениях» среднего течения Москвы-реки в период железного века могло проживать около 3 тыс. чел.

Но эта цифра, судя по всему, представляет собой лишь часть жившего здесь населения, поскольку существует большая вероятность того, что археологами обнаружены далеко не все поселения этого времени. Во многом это объясняется тем, что остатки древних укреплений городищ (валов и рвов) до сих пор видны на поверхности, тогда как селища, лишённые внешних наземных признаков, с трудом обнаруживаются при самых тщательных археологических разведках. Исследования Н.А. Кренке в эталонных микрорегионах, в частности, в округе Дьякова городища, позволили выдвинуть предположение, что количество найденных селищ железного века составляет не более трети их реального числа. Динамика выявления новых памятников (за последние полтора десятилетия в Подмосковье было открыто 75 селищ и три городища железного века) подтверждает это предположение.

Таким образом, можно предположить, что в период железного века на территории среднего течения Москвы-реки проживало около 10 тыс. чел. Разумеется, данная цифра очень приблизительна, так как слишком много параметров приходится реконструировать гипотетически. Тем не менее, она дает общее представление о порядке интересующих нас величин. Плотность тогдашнего населения, вероятно, соответствовала предельной «экологической емкости» заселенной территории. Ресурсной базой для селитбы и хозяйства являлись лишь долины Москвы-реки и ее крупных притоков, а пространства водоразделов, долины малых рек и ручьев почти не заселялись [3].

Следующим важным этапом в истории Подмосковья стал период славянской колонизации, датируемый X–XIII вв. От этого времени до нас дошли данные письменных источников. Но для оценки численности населения Подмосковья они крайне скудны. Кроме упоминания Москвы под 1147 г., мы знаем лишь о строительстве в 1156 г. крепости в устье Неглинной, а известия 1176 и 1209 гг. сообщают о существовании сел около Москвы. Поэтому исследователям снова приходится прибегать к помощи археологии.

Для начала следует выяснить, сколько жителей проживало в Москве этого времени? Археологические изыскания дают некоторые представления о размерах города этого периода. Посад спускался с Боровицкого холма на низменный Подол, где в ту пору уже очертились контуры улицы с ее городскими дворами. Эта улица тянулась к востоку примерно на две трети территории современного Китай-города. К северу же поселение, видимо, немного не доходило до места, где теперь расположена Соборная площадь. По соседству с поселением располагалась небольшая крепость, заложенная Юрием Долгоруким. При строительстве в Кремле, на месте современного Большого Кремлевского дворца, были обнаружены остатки древнего рва, отделявшего территорию мыса Боровицкого холма. Таким образом, видим, что кремлевская крепость имела крайне небольшие размеры, располагаясь между речкой Неглинной и зданием современной Оружейной палаты, и занимая территорию всего около 1,5 гектаров. Само же поселение времен Юрия Долгорукого охватывало территорию приблизительно в 6 раз большую.

В археологической литературе были высказаны некоторые соображения о численности населения древнерусских городов. Из письменных и археологических источников мы знаем, что застройка в них имела усадебный характер. Усадьбы рядовых горожан в Новгороде имели размеры 400-460 кв. м, а в Киеве – 300-800 кв. м. И в том и в другом случае их среднюю площадь можно приравнять к 400 кв. м. На таком дворе проживала одна семья. По ряду источников можно утверждать, что средняя численность семьи (6 чел.) была одинаковой в средние века и в Европе, и на Руси, и в странах Востока. И хотя боярские усадьбы в крупных городах Древней Руси по площади превосходили дворы рядовых горожан в 2,5-4 раза, здесь и проживало приблизительно во столько же раз больше людей.

Таким образом, с известной долей вероятности можно вычислить количество населения. При этом надо учитывать, что не менее 15 % городской площади занимали улицы и проезды, торг, культовые и общественные постройки. Отсюда приходим к выводу, что плотность городского населения в Древней Руси достигала 120-150 чел. на 1 га. Данные цифры вполне соответствуют дворово-усадебному характеру застройки древнерусских городов [4].

Зная общую площадь Москвы в этот период – 9 га, нетрудно подсчитать, что в XII–XIII вв. в ней проживало чуть более 1 тыс. чел.

Выяснение численности подмосковного населения вызывает гораздо больше трудностей. По археологическим данным, в пределах нынешней городской черты Москвы (это около 1 тыс. кв. км) выявлено 53 селища. При этом 31 селище обнаружено возле курганных групп. В ситуации, когда курганы поблизости не известны, зафиксировано 22 селища [5]. Мы не случайно привели данные цифры – в силу особенности тогдашнего погребального обряда курганные группы представляли собой не что иное, как кладбища того или иного поселения. Расстояние от могильников до поселений обычно не превышает нескольких сот метров. Логично предположить, что ближайшая к поселению курганная группа являлась кладбищем именно этого поселения. Во многом это подтверждается тем, что вплоть до XVIII в. **москвичи хоронили своих умерших при приходских церквях, а в сельской местности подобная пространственная структура «деревня – сельское кладбище» сохранялась и в XIX в.** Расстояния от деревень до кладбищ в Подмоскovie были примерно такими же – около 200-400 м.

Отсюда можно сделать важный вывод – если допустить, что каждая курганная группа соответствовала отдельному поселению, то следует признать, что в пределах границ современной Москвы остаются незафиксированными не менее 100 селищ, а их общее число на этой территории можно оценить примерно в 150 поселений. Таким образом реальное количество поселений X–XIII вв. как и в эпоху железного века приблизительно в три раза больше, чем число известных в настоящий момент селищ этого периода.

Размеры поселений Подмоскovie домонгольского периода также как и в предшествующую эпоху различны, но по большей части их площадь колеблется в пределах от 1 до 5 тыс. кв. м. Для определения численности населения самым существенным представляется вопрос о количестве крестьянских дворов на одном поселении. В его решении имеется много трудностей, главной из которых является крайне малое число полностью раскопанных древнерусских селищ, а другой – часто встречающаяся невозможность синхронизировать изученные постройки.

По материалам исследований на селище Мякинино-2, где в раскопе площадью 3400 кв. м было зафиксировано 4-5 дворов XII–XIV вв., было установлено, что в среднем на одну усадьбу приходилось 680 кв. м. Аналогичные исследования селищ в районе Куликова поля дают схожие цифры – по этим материалам в среднем одна усадьба занимала 500-800 кв. м [6]. Если применить эти расчеты для других памятников Подмоскovie, получится, что тогдашние поселения насчитывали от одного до восьми дворов.

Приняв среднюю площадь селищ Подмоскovie этого периода в 3000 кв. м и используя вышеприведенные цифры, можно предположить, что в среднем подмосковные сельские поселения насчитывали от 4 до 6 дворов, в которых проживали 25-30 чел. Эти подсчеты не противоречат аналогичным расчетам археологов по другим районам Древней Руси, согласно которым средняя населенность большинства древнерусских сельских поселений X–XIII вв. колебалась от 15 до 50 чел. [7].

Таким образом, можно говорить о том, что в 150 селищах, располагавшихся в границах современной Москвы (1 тыс. кв. км), проживало в этот период приблизительно 3800-4500 чел. Территория нынешней Московской области составляет 47 тыс. кв. км. Исходя из наших подсчетов, можно выдвинуть предположение, что на ней к моменту монголо-татарского нашествия проживало от 170 тыс. до 210 тыс. чел.

Конечно, полученные цифры носят достаточно условный характер, но тем не менее они дают определенный материал для дальнейших выводов.

Источники и литература

1. Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1897. – Т. 37. – С. 636.
2. Casselberry S.E. Further refinement of formula for determining population from floor area // World archaeology, 1974. – Vol. 6.
3. Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. – М., 2004. – Т. I. – С. 51–55.

4. Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 64–65.
5. Культура средневековой Москвы. – Т. I. – С. 66–67.
6. Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Опыт разведочных археолого-геофизических исследований на древнерусских поселениях конца XII – середины XIV в. района Куликова поля // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? – М., 2000. – С. 27.
7. Древняя Русь. Город, замок, село. – С. 96–100.

О числовой символической в устной исторической традиции Европейского Севера

Изустная передача социально значимой ретроспективной информации являлась универсальным способом поддержания и межпоколенной трансляции культурной памяти традиционных сообществ. Первичные устные тексты лежали в основе летописных и агиографических памятников, провинциальных исторических сочинений, являлись неотъемлемой частью общего фонда исторической культуры Средневековья и Нового времени [1]. Обращение к текстам устной исторической традиции конкретного региона, культурно-исторической зоны, локальной общности позволяет выявить не только собственно «историческую ментальность» конкретного сообщества, но и мировоззренческие основы его существования.

Настоящая статья является результатом предварительных наблюдений за рядом локальных фольклорных традиций Двинско-Важского культурного ареала, зафиксированных в этнографических и иных источниках XIX – начала XX в. и содержащих информацию о некоторых общих чертах и принципах «заселения» и «начала жительства» на определенной территории. В многослойной и полисемантической ткани местных преданий и легенд особое внимание обращается на тексты, в которых присутствуют мотивы культурного освоения территории *группой* первопоселенцев. При этом выделяется и анализируется числовое выражение группы (групп) и выявляются универсальные смысловые пласты, служащие своеобразной «объясняющей моделью» происхождения той или иной локальной общности. Образ «первопоселенца», «основателя», «первопоселенца», является в этой модели (прежде всего, для носителей фольклорного сознания) ключевым, поскольку в народном сознании «первопоселенец» есть одна из производных общей системы представлений о первопродке [2].

Ввиду того, что устная историческая традиция дошла до нас в поздних вариантах, подвергшихся процессу естественной трансформации, содержательная сторона более ранних, «изначальных» версий преданий и легенд остается закрытой. Предположительно, историческое самосознание населения Европейского Севера в своем формировании прошло два крупных этапа, самым непосредственным образом связанных с процессами колонизации, культурного освоения территории. Первый этап открывает эпоха первичной колонизации и, по преимуществу, промыслового освоения Севера в XI–XIV вв. В указанный период формировался комплекс представлений о «своей» и «чужой» земле, специфике взаимодействия «чуждого» и «славянского» этнокультурных компонентов, закреплялась идея первенства «новгородского» или «пониловского» политико-культурного влияния на той или иной территории. Второй этап связан с XIV–XVII вв., временем собственно аграрной колонизации и внутреннего освоения речных водоразделов. В культурном плане этот период характеризуется активным внедрением основ христианства, выразившимся в масштабном храмостроительстве, монастырском учредительстве и соответствующих изменениях в социальной психологии. К этому времени относится и появление культов святых и святых, ставших основой регионально-локального самосознания и исторической памяти в последующие столетия. Относительная завершенность процесса хозяйственно-культурного освоения Двинско-Важского региона на рубеже XVII–XVIII вв., естественно, не могла привести к полной консервации сложившихся локальных вариантов устной традиции. В преданиях и легендах появлялись новые сюжеты, персонажи, органично вписывавшиеся в прежние схемы.

Наиболее рельефно культ предка / первопоселенца находил выражение в преданиях и легендах, повествующих о «трех братьях», положивших начало группе родственных поселений на определенной территории. В данных текстах происходило многослойное «наложение» персонажей, их свойств и функций. Приведем характерные примеры «использования» в приходской среде XIX – начала XX в. **тернарной модели «заселения» локальных территорий Севера.**

Происхождение названий близлежащих деревень Юрельского Николаевского прихода на Пинеге предание объясняло следующим образом: «По сказанию же старожилов, перешедшему к ним от дедов и прадедов, Юрела получила название от имени *Юр*. У Юра было два брата: Тур и Окат. Тур заселил нынешнее Чушельское селение, верхний конец которого и ныне зовется Туровским, а Окат – Окатовскую деревню» [3].

На левом берегу р. Пезмы (Вельский у.), близ деревни Куроптево находилась примечательная возвышенность, почитавшаяся в качестве бывшего местопребывания «предков». «Деревенские рационалисты» (используя удачную характеристику М. Б. Едемского), раскапывая гору на предмет клада, находили «...уголь, обгорелые головни, ...урну глиняную (вокруг по краям орнаменты-узоры)... Жил тут Куропоть. На правом берегу деревня Мокиева – тут жил его брат Мокий; в другой деревне на Владычне – жил Владыка. Куропоть и Мокий и Владыка, – три брата, – они работали одним топором, будто бы перекидывали один топор» [4].

* Биланчук Роман Павлович (Вологда) – главный библиотекарь Вологодской областной универсальной научной библиотеки.

В деревне Зеленой на р. Тавреньге (Вельский у.) рассказывали, что в «очень древние времена» на место будущего поселения сосланы были 3 человека из города Белозерска. Другое предание вносило следующее «уточнение»: ссыльные были тремя «князьями», прибывшими «управлять чужью». Один из них (Шестаков) поселился в шести верстах от деревни Зеленой и это место зовут «Шестаковым пенником»; Стогов поселился близ местности Олюшина (Морозовская волость); Распопа – около села Пономаревское [5].

Образование древнейших поселений в среднем течении р. Устья (Вельский у.) оставило память в следующем предании: «В старые годы, в старопрежние, – кто его знает когда, – когда еще и русских то на Устье мало жило, а может и не было вовсе. Так вот, – старые люди сказывали, – жили три брата-богатыря. Один жил на Веже-горе, другой на Полюдихе, третий на Шалимове-горе. Лес густой рос на этих горах, да и между горами-то жительства было мало. А было у этих братьев один котел, да один топор, да одна ложка. Как надо огонь раскладывать, так топор друг к дружке мечут, а как итти надо варить, так котел бросают, а хлебать надо – ложку кидают. Ишь ведь, какая сила то была! С Вежи на Полюдиху – двадцать семь верст, да и от Полюдихи до Шалимовы двадцать четыре. А они метали, да еще как-то и угрожали, мимо не прокидывали... Проворны, а дики видно были» [6]. Выше по Устье, в деревне Кырканда сходное предание о трех братьях вызывало следующие реплики крестьян: «Кажись старые-те люди баели, что богатыри-те эте жили – один на реке Сие, другой – на Двинском Березнике, а третий – на Усье, ну, быть может, что и на Шалимове-горе. А только не все три на Усье...». Эпические черты могучих предков – основателей первых поселений усиливались представлениями о том, что богатыри «будто бы не умерли, а только в пещерах каких-то, в горах заперты...». Устьянско-двинские богатыри, видимо, выступали и в качестве патронов-охранителей данной местности: «Старики-то говорили ещё, что придет такое время, когда война дойдет до Двинского Березника, тожно, – говорили, – встанут...» [7].

Под воздействием новых культурно-исторических реалий тернарная модель могла претерпевать изменения. На месте братьев – основателей деревень – в преданиях могли появиться, например, старообрядцы. Краеведом и собирателем устьянского фольклора М. И. Романовым был записан вариант версии первоначального заселения местности «Полюдиха» тремя братьями-старообрядцами, сыновьями одного богатого московского купца «державшегося старой веры»: «А были у него три сына на возрасте. И не захотели они совратиться с пути правого, захотели сохранить старую веру. Вздумали они поселиться в пустыне, да душу спасать. А осталось у них от отцовского богатства только топор да котел, да ложка. Вот, и дали они зарок – не заводить никакого имущества, кроме того, которое от отца осталось. Пришли они на Усью и поселились первоначально на Полюдихе. А был еще тогда на Полюдихе лес густой...». В дальнейшем пути братьев разошлись: младший из них остался на Полюдихе, средний ушел на Вежу гору, а старший – на Шалимову гору, близ озера Светик. Обедали братья сообща по вторникам, четвергам и воскресеньям (не стали зарок нарушать), приходя по очереди то к одному, то к другому, то к третьему. В часовенке, срубленной старшим братом на озере Светик, по воскресеньям служили обедню... [8].

Истоки ведущего мотива, закрепившегося в этих преданиях, безусловно, содержат следы глубокой архаики, восходящие к индоевропейской иерархии «трех родов» людей и богов, описанных еще Ж. Дюмезилем [9]. Впрочем, в современных исследованиях можно найти немало данных, подтверждающих, что наиболее архаичные пласты ретроспективной историко-культурной информации содержат предания, повествующие о двух персонажах. По своей структуре подобные тексты соответствуют первичным сказочным сюжетам [10].

Например, трансформировавшаяся со временем основа каких-то изначальных вариантов о заселении местности Бестужево, описанная в предыдущих сюжетах с тремя братьями, видна в тексте следующего содержания: «Бестужево получило свое название от графа Бестужева. Во времена стародавния жил граф Бестужев при царе. Их было два брата. За что-то на них распрогневалась царица и велела их казнить... Одного казнили (по несколько иной версии предания казнен был именно декабрист, граф Бестужев-Рюмин. – Р. Б.), а другой бежал в дремучие устьянские леса, где только водилась чужь. Граф поселился. Поживучи к нему стали селиться люди. Стала деревня. Называться стала Бестужево» [11]. Вариант приведенного выше предания о происхождении деревни Зеленой на Тавреньге также повествует о заселении местности именно двумя крестьянами: Шестаковым и Распой, имена которых носили обширные урочища близ селений Пономаревское и Зеленая. Потом первопоселенцы куда-то пропали, а их место занял некто Потаков, производивший вновь расчистку сенокосов и распашку земли на многие десятки верст. Его свободной заимке положило конец крепостное право [12]. «По всей Кокшеньге, – отмечал в начале XX в. М. Б. Едемский, – а тем более у крестьян деревни Новгородовской, упорно держится предание о том, что Кокшеньга заселилась выходцами из Новгорода, что первыми их поселениями была деревня Новгородовская, жители которой почти все носят фамилию Силинских, по имени первого выходца Силы, и деревня Шкулевская (почти против Новгородовской на другом берегу Кокшеньги), где одновременно с Силой поселился Бусырь...» [13].

В христианизированных версиях легенды о двух-трех первопоселенцах приобретают специфические черты. В роли организатора основ приходской жизни обычно выступал святой, ему принадлежала и важнейшая функция «строителя» культурного ландшафта той или иной локальной территории.

В Шенкурском уезде, на водоразделе Ваги и Северной Двины, на месте будущего Кодимского прихода с конца XVI в. существовала Троицкая пустынь, возникновение которой объясняло следующее предание: у одного из московских купцов «в сениях» находилась икона св. Троицы, которая чудесным образом «ушла» в «пустое место», «где был один только глухой лес»; «Случайно в этом лесу сошедшиеся три охотника: один с Ваги, другой с Устья и третий с Двины, услышав какой-то звон, пошли на этот звон и нашли на пне сию икону и стали после того прорубать три дороги, каждый к месту своего жительства. Говорят, что эти три охотника были первыми обитателями описываемой местности, что подтверждается отчасти тремя господствующими ныне в приходе фамилиями – Лиханиных – выходцев с Устья, Теремичких – с Ваги, и Анисимовых – с Двины, происшедшими от трех первых поселенцев, пришедших сюда с трех разных сторон» [14]. «Пограничный» характер, при крайне низких материальных условиях существования, обеспечивал обитатели значимый сакральный статус: известно, что во второй половине XVII – начале XVIII в. кодимская икона св. Троицы почиталась в Ваге (Шенкурске) и некоторое время (в 1666 г.) хранилась в соборном Архангельском храме [15].

Священник Преображенской Чакульской церкви (Сольвычегодский уезд), составляя церковно-историческое описание своего прихода (1850-е гг.) сообщал следующее: «... предание говорит, что однажды проходили тут [рядом с будущим храмом] св. угодники Божии Логгин Коряжемский, Симон Сойгинский и Христофор Пустынский и остановились в долине между горами при устье упомянутой речки [Чакулы] и по причине красоты местоположения хотели там поселиться и основать монастырь, но грубостью жителей деревни Горки были выгнаны, за каковую дерзость упомянутые жители были прокляты вечною бедностью, каковая бедность и доселе в них замечательна. В следствие сего сии три угодника разлучились между собою, и первый из них – Логгин ушел вниз по Вычегде и основал монастырь Коряжемский за 45 верст от Чакулы, второй – Симон ушел вверх за 25 верст и основал Сойгинский монастырь, превратившийся уже в приходскую церковь, а третий – Христофор ушел в сторону за 70 верст и основал церковь, что ныне Христофорова пустыня...» [16]. В предании, повествующем о начале Верхопежемской Николаевской пустыни, записанном в середине XIX в. со слов 90-летнего старца, повествуется об обстоятельствах чудесного выздоровления одного из крестьян Ембовской волости Вологодского уезда. Будучи уже на «смертном одре», он был призван неким «мужем», трижды являвшемся ему в «сонном видении». Ночной пришелец оказался святителем Николаем, призвавшим больного найти на берегу реки Пежмы его икону. Взяв на себя обет, крестьянин исполнил просьбу Николая Чудотворца и поставил на «явленном месте» сначала часовню, а затем и церковь. Так, на пустынном месте, где был когда-то «густой-дремучий лес», по которому «скитались буйные шайки разбойников», возникла малая обитель, а затем и новый приход [17]. По преданию, рассказанному сторожем Николаевского Маркушевского монастыря, основатель обители преподобный Агапит, будучи в «расслаблении», удостоился явления святителя Николая, который и велел свой иконописный образ перенести на Маркушу, соорудив на указанном месте церковь и новую иноческую обитель. На березовом пне, в топком и сыром месте близ впадения маленькой речки Маркуши в Тарногу было чудесно обретено место для будущей обители. Попытки Агапита выбрать место посуше неизменно пресекались самим угодником Николаем, образ которого вновь и вновь чудесно оказывался на избранном ранее месте [18].

В текстах устной традиции нередки сюжеты, повествующие об особенностях появления отдельных поселений. Например, в церковно-историческом и статистическом описании Кулойской Покровской церкви Вельского уезда указывается, что «Кузнецовской деревни первым жителем был некто Богдан Кузнецов, который всегда изнурял трудами свое тело. Из любви к Богу вздумал идти в Москву для поклонения святым местам и оттуда на руках своих принес образ Николая Чудотворца... И вот он, Богдан, из усердия к святому, вздумал построить своими руками сию часовню, так как в приходе сем не было еще церкви приходской... О времени принесения сего образа ни от кого ничего не известно, равным образом и об основании часовни. Вероятно только то, что был некогда в сей деревне Богдан Кузнецов, ибо по имени его и селение названо Кузнецовским и жители его в 15-ти домах называются Богдановскими» [19]. Главной святыней часовни, расположенной в деревне Марачевской (Спасо-Преображенский приход Тотемского уезда) служила древняя иконка Николая Чудотворца, обретение которой местные крестьяне приписывали двум старикам, выступавшим первопоселенцами-основателями двух соседних деревень – Марачевской и Емельяновской [20].

По наблюдению А.Н. Власова обстоятельства обретения праведником иконы напоминают сюжетику волшебной сказки, где герой должен найти священный предмет и обрести силу (здоровье). Физическое излечение предшествует будущему подвигу святости [21]. Для нас важно подчеркнуть возрождение в легендах древнейших представлений о двух первопоселенцах, «культурных героях», одним из которых выступает христианский святой, опредмеченный своей иконой, а другим – человек, праведность коего и избранность доказывается последующим развитием сюжета.

Обращает внимание наличие в ряде версий местных преданий четырех и более персонажей. Эти новые элементы могут служить своеобразным смысловым закреплением культурного факта *относительной освоенности* какой-либо локальной территории. Во всяком случае, именно в ключе универсальной идеологемы рассматривается «архетип кватерности» (применительно к связке социальная общность / осваиваемая территория) в

современных исследованиях [22]. Такую универсальную схему несет, например, изустный рассказ об обретении мощей местно чтимого святого Афанасия Наволоцкого. В следственном деле, произведенном по указу преосвященного Варнавы, архиепископа Холмогорского и Важского в 1722 г., священники из Шенкурска и Рабальского погоста, обследовав часовню и мощи Афанасия, записали со слов старожилів следующее: «Слышали они (крестьяне – Р. Б.)... от родителей своих: явился он, праведный Афанасий, некоим четьрем человекам разных волостей, страждущим разными болезнями, веля им идти в Верхолетскую слоботку на волок, и на том волоку погребсти тело свое и поставить над телом часовню, и оныя страждущия, прияша от недугов своих и болезней облегчение и здравие снискошася на этот волок и место во един час без согласия, аки огласяся, и погребоша тело его все вкупе и над телом же поставили помянутую часовню во имя святого Афанасия Александрийскаго...» [23]. Дату происшедшего события, равно как и время и место рождения «блаженного и приснопамятного Афанасия» старожилы припомнить не смогли, но ясно, что к началу XVIII столетия прошло достаточно времени для того, чтобы обстоятельства обретения мощей на дальней периферии можно было встроить в привычную фольклорному сознанию «кватерную» схему. Добавим, что в середине XVIII в. на месте часовни с мощами возникла церковь во имя святого Афанасия Александрийского и самостоятельный приход, к которому были причислены пять деревень из Верхоледского прихода [24].

Серьезную смысловую нагрузку несло и число семь. Неслучайно одна из волостей, сложившихся в XV в. на водоразделе Сухоны и Ваги называлась «Семигородняя» – по числу семи поселений, появившихся на семи холмах («горах»). Построение иноками ближайших монастырей (Покровско-Глушицкого и Сосновецкого) пустыни в честь иконы Успения Пресвятой Богородицы стало завершающим актом культурного освоения данной микротерритории [25].

Итогом длительной эволюции цикла преданий о заселении какой-либо местности могло быть складывание в рамках локальной традиции своего «метатекста» местной истории, соединявшего в одном повествовании совокупный образ нескольких «первопоселенцев». Таковым, например, является редкое по полноте и информативности предание, в котором нашли совмещение представления о двух, трех и более предках-первопоселенцах. Текст этот записан в 1900 году М. И. Федоровой-Шалауровой у одной из крестьянок села Бестужево.

«Бестужево основано во времена то далекие, во времена то стародревния. А вковды – этого не помнят наши старожилы, ещо задолго до того время, вковды с нами воевал Хранцуз. Товдыся, здисе-ка леса были дремучие, непроходимые. Вот сюды то, в наши непроходимые леса наши, прибежал граф Бестужев, спасаясь от смерти. Их было два брата. Царь на них разгневался и велел казнить их. Того то брата казнили, а этот то, спасаясь в дремучих усьянских лесах, граф, успел скрыться и прибежал сюды, да здисека и стал жить. С ним еще прибежало четьре человека: Шалим, Тим, Жох и Холоп. Шалим на горе над Бестужевой стал жить. Стала деревня называться “Шалимова”. Тим и Жох около речки Верюги. И стали деревни называться: “Тимоневская” и “Жоховская”. А Холоп недалеко от Верюги на берегу Устья, стала деревня «Холоповская». Граф Бестужев в деревне Бестужево. Граф стал жить на берегу р[еки] Устья и стала именем графа Бестужева и Бестужево. И стала наша Бестужева самоглавнющей деревней по всей Усье и повсюду. Стали ярманги: 8-го июля “Прокопьевская” и 21-го ноября “Введенская”. И стали к нам в Бестужево наезжать купцы отовсюль. А народу на ярмангах было видимо-невидимо. Наезжали из Устюга с Вологды, из Каргополя, с Архангельска, из Новгорода, с большой реки Волхова. Всяких то товаров навезут, всякой то всячины. А изо пушнины-то, всякой птицы лежит видимо-невидимо.

Вот стал и наша, Матушка-Бестужева красивиться, да славиться. Отовсюль к ней народ идет и идет пеший и конный – урыва нет. Со всех сторон. Кто на ярмарки, а больше нашему угоднику Прокопию Праведному поклониться. Да и местом полюбоваться. Бестужевой-то любуются, да красоте ея дивуются. Уж и хороша же наша Матушка-Бестужева. Что деревня-то наша славная, да на красоте поставлена. Стоит, красуется Бестужева нам на раденье и всему люду православному на великое хваленье, да на большое прославление!» [26].

Числовая символика органично входила в годичный и сезонный циклы праздничной культуры традиционных сообществ, способствуя упорядочению временного измерения жизнедеятельности локального коллектива. Важным элементом социального единения прихожан во время проведения престольного или часовенного праздника являлись обязательные «молебные вары» пива, сопутствовавшие праздничному застолью. Поводом к появлению и обычноправовому узаконению малых престольных праздников становилось, как правило, какое-либо бедственное («окказиональное», стихийное) обстоятельство, преодоление которого посредством «умилостивительной жертвы» и было приурочено к праздничному кануну. Следует подчеркнуть, что в исследуемом ареале традиция общеприходских праздников-канунов к середине XIX века не исчезла и вряд ли может считаться пережитком старинного церковно-приходского быта. Обычай пивных трапез (братчин) у часовен во второй половине XIX – начале XX в. наблюдался на всей территории Подвинья и Поважья. Так, в приходе Устькулойской Благовещенской церкви вплоть до 1840-х гг. годовой праздничный цикл включал 12 канунов, справлявшихся от Пасхи до 25 марта (храмового праздника для родственников и гостей из других приходов) и приуроченных к избранным господским, богородичным и иным служениям [27]. В праздничных обрядах, христианских по форме

и общей направленности, происходила актуализация коллектива со своим прошлым, с «предками», давшими первые (сакральные) образцы поведения [28].

Таким образом, в текстах устной исторической традиции Двинско-Важского региона XIX – начала XX в., повествующих о «изначальных» временах исторического бытия традиционных сообществ, нашли отражение достаточно архаичные принципы структурирования ретроспективной социальной информации, основанные на «привязке» преданий и легенд о деяниях первопоселенцев к определенному числовому ряду. Этот ряд носит универсальный характер и прослеживается не только в локальных традициях Европейского Севера [29], но и в большинстве древних культур Евразии [30].

Источники и литература

1. О влиянии устной исторической культуры на средневековую книжность см., напр.: Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. – М., 1976. – С. 78–89; Он же. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. – СПб., 2007; Алексеев С. В. От предания к летописи: эволюция исторического сознания древних славян // Вопросы истории. – 2006. – № 1. – С. 97–104; Петров А. Е. Эволюция памяти о Куликовской битве 1380 г. в эпоху становления Московского самодержавия (рубеж XV–XVI вв.): К вопросу о моменте трансформации места памяти // Исторические записки. – М., 2004. – Т. 7 (125). – С. 35–56.
2. Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1988. – Т. 2. – С. 25–28.
3. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии (КИОПЦ). Вып. II. Уезды: Шенкурский, Пинежский, Мезенский и Печерский. – Архангельск, 1895. – С. 223.
4. Архангельский областной краеведческий музей // Научный архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 40. Л. 88.
5. Шустиков А. А. Тавреньга Вельского уезда // Живая старина. – 1895. – Вып. 2. – С. 183.
6. Вельский муниципальный районный краеведческий музей (ВКМ). Н-всп. ф. № 342. Романов М. И. Фольклор Устья (очерки). Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни. (Машинопись). – С. 121–122.
7. Там же. – С. 122–123.
8. Там же. – С. 123–125. В комментарии к тексту предания автор указывает, что в православной литературе мотив о трех святых старцах имел широкое распространение и составлял своего рода «идеальный множественный образ святого».
9. См., напр.: Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. с франц. Т. В. Цивьян. – М., 1986.
10. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII в. – СПб., 2000. – С. 248.
11. ВКМ. Н-всп. ф. Шалаурова М. И. Фольклор, собранный в августе-сентябре 1939/1940 г. по Устьянскому, Шенкурскому и Ровдинскому району. Тетрадь 1. (Фольклорные записки велись автором без нумерации тетрадных листов – Р. Б.).
12. Шустиков А. А. Тавреньга Вельского уезда // Живая старина. – 1895. – Вып. 3–4. – С. 368.
13. Едемский М. Б. Кокшеньгская старина. – СПб., 1906. – С. 9. См. также: *Свистунов К.* Кокшеньга // Вологодские губернские ведомости. – 1847. – № 35. Ч. неофиц. – С. 344.
14. КИОПЦ. – Вып. II. – С. 31–32.
15. Там же. – С. 32.
16. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 883. Оп. 1. Д. 146. Л. 13.
17. ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 162. Л. 230–234.
18. Следников Н. В местах священных по воспоминаниям о преподобном Агапите Маркушевском // Вологодские епархиальные ведомости (ВЕВ). – 1905. – № 17. Приб. – С. 344–345.
19. ГАВО. Ф. 883. Д. 162. Л. 391 – 391 об.
20. Бурцев Е. Спас на Кокшеньге // ВЕВ. – 1911. – № 18. – С. 457–458.
21. Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII веков. Историко-литературный аспект. – Сыктывкар, 1995. – С. 180–181.
22. Об этом подробнее см.: Подосинов А. В. *Ex oriente Lux!* Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. – М., 1999.
23. Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей. Q I. № 1216. Л. 39–40; КИОПЦ. – Вып. II. – С. 126.
24. КИОПЦ. – Вып. II. – С. 127.
25. См.: О почитании вологжанами Семигородней иконы Успения Божией Матери / Публ. Л. Н. Мясниковой // Вологда. Краеведческий альманах. – Вологда, 2000. – Вып. 3. – С. 233, 237–238.
26. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 218. Д. 3. Л. 33–34. Цифровая составляющая данного предания разворачивается по сюжетно-хронологической схеме от двух (братья Бестужевы) к четырем (Шалим, Тим, Жох, Холоп) и от четырех к пяти ((2–1) + 4 = 5). Число «пять» также можно определить в качестве символически значимого, поскольку оно служит в качестве возможного производного (5 + 2) от универсальной «семерки».
27. ВКМ. № 1449. Церковно-приходская летопись Устькулойской Благовещенской церкви. Л. 17–18.
28. Байбурун А. К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. – М., 1991. – С. 29.
29. См.: Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Сост. Н. А. Криничная. – Л., 1978. – С. 44; Криничная Н. А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. – С. 30–38.
30. Петрухин В. Я. Три «центра» Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык средневековья. – М., 1982. – С. 143–158.

Проблемы точности методов построения динамичных квазимodelей демографического гомеостаза (на примерах европейского позднего средневековья и раннего Нового времени)

Большинство специалистов считает, что историческая демография как наука сформировалась только после Второй мировой войны в ходе так называемой «историографической революции». Не вдаваясь в дискуссию по поводу этого довольно спорного положения, можно согласиться с тем, что массовое обращение к приходским актам привело к разработке новых специальных методов и, в целом, породило новую исследовательскую ситуацию. Как отмечал известный французский демограф Ж. Дюпакье, историческая демография в отличие от «истории населения» стала научно реконструировать демографические характеристики населения прошлых эпох [5, 9]. Системный подход к изучению этих проблем превратил моделирование в самый популярный способ осмысления эмпирического материала. В перечень базовых элементов изучаемой демографической системы вошли рождаемость/плодовитость, смертность и брачность.

В 1950–1960-е гг. в области исторической демографии несомненными лидерами были французы. Серьёзный вклад в разработку специальных методов внесли демографы, выковавшие инструментарий для анализа ситуации в странах «третьего мира», обладавших некачественной статистикой. В свою очередь, можно согласиться с Л. Анри и А. Блюмом в том, что на создание специальных методик исторической демографии очень сильно повлиял тип имеющейся документации. Во Франции это были более-менее длительные «поимённые годовые списки» (в переводе Ю. Егоровой «последовательные переписные листы») [9, 1]. Наибольшую популярность у французских историков приобрёл метод составления «карт семьи» (или «метод реконструкции семьи», или «метод восстановления семьи» – ВИС или «метод Луи Анри»), предложенный в 1956 г. Л. Анри и М. Флери. Ж. Дюпакье и Д. Кесслер назвали его, может с излишней категоричностью, «самой важной методологической новацией последних пятидесяти лет в области социальных наук» [3, 24, 26]. Он заключается в переносе из приходских актов всей информации о крещениях, браках и смерти членов одной семьи на отдельную карточку (файл) и в последующей классификации этих данных. Существует несомненная связь этого метода с приёмами наработанными специалистами в сфере генеалогии и просопографии. Особенно стоит отметить анализ так называемых нисходящих генеалогий (например, «циркулярный метод» представляющий собой в графическом виде концентрическое расположение поколений предков вокруг искомого лица), хотя эти методы хуже отражают географическую и социальную мобильность, чем анализ восходящих генеалогий (т. н. «вертикальный метод») [5, 43-51].

Как отмечал П. Шоню в предисловии к одной из монографий Ж. Дюпакье, уже к началу 1980-х гг. по сюжетам исторической демографии Франции было подготовлено 558 региональных монографий [4, 12], большая часть которых была выполнена при помощи «метода реконструкции семьи». Однако эти успехи не могли скрыть начавшееся снижение популярности указанного метода сначала за рубежом Франции, а потом и в ней самой. Это объяснялось не только трудоёмкостью подобных исследований. По подсчётам Ж. Дюпакье, для восстановления движения населения за два-три столетия только одного города в 80 тысяч человек требуется 20 тысяч рабочих часов [14, 467]. Очень скоро стал заметен другой серьёзный дефект метода: невозможность учёта миграционного фактора. Были попытки пренебречь им. Например, Ж. Дюпакье в представительном сборнике (статьи 53 учёных по вопросам брачного поведения в прошлом) указал, что создать брачные таблицы можно только для стационарного населения, но это «почти невозможно» в реальности из-за миграций, ибо такая информация бывает лишь в исключительных случаях. Тем не менее, известный специалист предложил не учитывать миграционный фактор на том основании, что население большинства деревень прежних эпох (**pre-modern**) «имело тенденцию почти к стабильности» [6, 188-189]. Но такое заявление явно противоречит действительности. Например, в том же сборнике Л. Анри справедливо указал на то, что брачные рынки никогда не замыкались только на одной деревне [10, 191-198]. О масштабах перемещений свидетельствует индекс региональной брачной экзогамии в Испании. В Кордобе и Севилье XVI – первой половине XVII в. он составил соответственно 40 и 60 % [7, 46]. И очень многие из этих мигрантов нашедших здесь свою «вторую половину» были селянами в первом поколении.

Необходимость учёта миграционного фактора заставила учёных перейти к использованию косвенных, более сложных методик, так или иначе основанных на принципе ретроспекции. Общим для методов инверс-проекции, бэк-проекции и обобщающей модели инверс-проекции или GIP было использование альтернативного моделирования, а также перепроверка промежуточных результатов с помощью «поперечных» демографических срезов (гендерно-возрастные пирамиды). Созданные в результате модели, в отличие от стационарных, стали называться

* Прокопенко Сергей Алексеевич (Ульяновск) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ульяновского государственного педагогического университета. E-mail: sergio1957@mail.ru

динамичными. Но в виду того, что качество статистики в прошлые эпохи существенно уступает современной, то применительно к исторической демографии, думается, правильнее говорить о динамических квазимоделях.

Больше всего в исследовании в этом направлении преуспели британцы из «Кембриджской группы истории населения и социальной структуры», созданной в 1964 г. Образцовым исследованием в этом жанре следует считать монографию Э.А. Ригли и Р.С. Шэфилда «История населения Англии за 1541–1871 гг.». Математическое описание квазимodelей было сделано Дж. Иппеном и американцем Р. Ли. Они же выполнили и ряд технических задач [16]. Первичную обработку четырёхпроцентной выборки приходов (404 прихода и около 3,7 млн. приходских актов) сделали 230 краеведов-добровольцев, имена которых перечислены в Приложении I **указанной монографии**.

Однако в последствие выводы и методы этого, ставшего сегодня уже классическим, исследования были подвергнуты серьёзной критике. Первоначально С. Раглс поставил под сомнение показатели возраста вступления в первый брак, которые использовали Ригли и Шэфилд. По мнению Раглса, игнорирование миграций взрослого населения существенно занизили этот показатель [12, с. 507-522]. Не так давно Дж. Хэтчер не согласился с выводом Ригли и Шэфилда о том, что умеренная смертность была отличительной чертой демографической системы старой Англии. По данным Хэтчера, для всего XV в. и первой половины XVI столетия была характерна высокая смертность, а 1520-е гг. вообще выделяются сильным кризисом смертности. Причины ошибки мэтров коренятся в недооценке ими детской смертности, на что во многом повлияли особенности источников [8, с. 95-99, 102]. Следовательно, и все формулы (включая соответствующие коэффициенты) для определения численности населения нуждаются в коррекции.

К этим наблюдениям британского историка можно добавить малоизвестные выводы российского историка А.Г. Румянцева о некоторых элементах социальной демографической субмодели английской аристократии XV в. Заново проанализировав с помощью просопографического метода список т.н. «Полного состава пэров», он получил результаты, сильно расходящиеся с классическими выводами известного британского историка Т.Х. Холлингворта (Холлингурта в транслитерации автора). Напомню, что данные последнего взял за основу своей типологии брачности и демографических моделей Дж. Хаджнал, на них ссылались Ригли и Шэфилд. Однако по корректным подсчётам Румянцева, Холлингворт неоправданно зависил средний возраст вступления в брак (а также модальный показатель брачного возраста) и среднюю продолжительность жизни. Если для последнего случая у британца она составляла в 1330–1479 гг. примерно 24 года (а в спокойные годы вырастала и до 32 лет), то у российского исследователя показатель средней продолжительности жизни колебался в интервале 15-18 лет. Столь разительный контраст объясняется, по мнению Румянцева, неоправданным занижением Холлингвортом уровня детской смертности. И далее важное методологическое замечание, касающееся конкретного источника [списка «Полного состава пэров» – С.П.]: на базе массовых документов можно вести речь о средней продолжительности жизни только для той когорты английского титулованного дворянства, что перешагнула рубеж совершеннолетия [2, 187 и 136-137].

В условиях начавшейся полемики о достоверности выводов и методологии ретроспективного моделирования [см., напр., 11, 33-68], хотелось бы обратить внимание на эвристические возможности модификаций «метода реконструкции семьи». В 1989 г. вышла в свет монография гранадского историка Ф. Санчес-Монтеса Гонсалеса «Население города Гранада в XVII веке» – **переработанная версия его докторской диссертации** [13]. В основу исследования была положена методика, применённая в монографии французского историка Г. Вейре-Верне. Главная особенность этого подхода – сведение показателей крестин, браков и смерти в отдельные ряды данных с последующим сопоставлением кривых [15]. В отличие от XVI и XVIII столетий XVII в. в Испании плохо представлен цензами. Кроме того, ситуацию запутывает смена вектора демографической динамики в этот период. В подобной ситуации приходские акты становятся главными демографическими источниками. Также автор использовал местные падронес – здесь они представляли собой ежегодные отчёты о «состоянии душ» (акты контроля за практикой исповеди прихожан), а также некоторые другие источники для компенсации лакун и интерпретации демографических процессов. Из 24 приходов города проанализированы книги 16 приходов (всего проанализировано 322.852 акта), остальные приходы были исключены из-за неприемлемо низкого уровня имеющейся статистики. При окончательном суммировании данных исключённые приходы были соотнесены с выделенными типами приходов с последующей экстраполяцией показателей последних и частичной перепроверкой гипотетических результатов по первичным материалам.

Не вдаваясь в тонкости техники анализа, во многом обусловленной особенностями источников, сосредоточусь на аспектах проблем связанных с созданием демографических динамических квазимodelей. Для выяснения внутренних миграций Санчес-Монтес Гонсалес привязал демографические количественные данные к физической карте города. Для этого были использованы падронес, которые позволили установить улицы, входившие в конкретные приходы, нумерацию домов, проживающие там семьи, местные топографические достопримечательности («лавка», «постоялый двор», «погребок»). Правда, этот источник страдает серьёзными лакунами. Падронес не распространялись на военных, клир, на не достигших возраста причастия детей, на тех, кто не был

уверен, что осядет в приходе, а также ускользали из поля зрения те прихожане, которые в день «переписи» оказывались вне города.

Базовыми для историка в изучении миграций стали брачные акты (52202 за столетие). Хотя с нашей точки зрения автор сделал досадное упущение: полностью проигнорировав проблему соответствия канонического брака реальной практике. В связи с тем, что прихожане тяготели к заключению браков в центральных приходах, эти данные перепроверялись с помощью актов крещений и усопших. Показатели браков в соответствии со стандартной процедурой были сгруппированы по приходам и по десятилетиям (в соответствии с церковным календарём рубежными стали нулевые годы). Результаты обязательно визуализированы в виде графиков и карт.

Анализ приходских серий показал, что как минимум в 45% браков один из супругов был или негранадцем, или же был крещён в другом приходе города (формула «сказал/а, что происходит из...»). Иммиграционный поток был сильным до середины столетия. Наибольшее число браков с мигрантами было зарегистрировано в кризисные десятилетия: в 1600–1610 и 1620–1630 гг. Соотнесение браков с кривой крестин показывает, что иммигранты серьёзно влияли на демографическую ситуацию. Так сокращение числа крестин в 1631–1654 гг. в незначительной степени связано с уменьшением притока мигрантов.

Детальный анализ обнаружил серьёзные нюансы в общей картине. Первоначально автором из числа мигрантов были выведены жители других приходов города. Поражает ярко выраженная гендерная специализация пришлых мигрантов: из 8698 человек 8493 были мужчинами. Всего автор скомпоновал четыре группы: иностранцы; из Испании; из Андалусии; из провинции Гранада. Динамика кривых мигрантов разных групп выявила разный тип миграционного поведения. Например, чем дальше была родина мигрантов от Гранады, тем меньше влияла на поток социально-экономическая конъюнктура. Поэтому иностранцы распределились по десятилетиям очень равномерно. Крупные общины иностранцев (французы, португальцы, итальянцы), землячества испанцев из-за пределов провинции Гранада концентрировались в конкретных 4-5 приходах. И, напротив, в некоторых приходах браки с пришлыми вообще не зарегистрированы. Списки строго локализованных братств французов, португальцев, итальянцев позволяют перепроверить данные приходских актов, что тем более важно, так как французы, например, обычно назывались испанскими именами. Особое место в анализе отведено «африканцам» (рабам и вольноотпущеникам) – 1,8% от всех браков за столетие. География происхождения испанцев-иммигрантов в городе Гранада несколько отличается от ситуации в провинции [см.: 1, 253–261]. Здесь в большей степени представлены выходцы из Старой Кастилии и Галисии (19,6 % и 19,5 % соответственно), но в целом и в городе среди мигрантов-испанцев преобладали переселенцы из близлежащих регионов.

Внутри города за столетие зарегистрировано 14832 брака между прихожанами разных приходов. Движение внутри города не совпадает с маршрутами пришлых (исключая 2 прихода). Горожане предпочитали старые районы, а в целом наблюдался переток в менее заселённые кварталы. Типология браков мигрантов серьёзно отличалась от браков с участием горожан (у последних явно преобладал брак первого типа: между холостыми и незамужними). Пришлые, как правило, заключали брак третьего типа (холостой с вдовой) и четвёртого (вдовец с вдовой). Сопоставление динамики браков и усопших мужчин и женщин с политическими событиями косвенным образом объясняют такую востребованность мужчин-мигрантов на брачном рынке: призыв в армию местных, часто их преждевременная смерть, эмиграция. Вместе с тем, автор сознает, что не все мигранты создали семью, поэтому их число «учесть невозможно». К этой проблеме стоит приплюсовать трудно поддающийся оценке фактор эмиграции из города [13, 219]. Однако, кажется, что скепсис Ф. Санчеса-Монтеса Гонсалеса преувеличен, так как в данном случае падение, акты смертей и другие источники позволили учесть миграционный эффект (по крайней мере, как тенденцию) при исследовании движения населения. Однако для решения конкретной исследовательской задачи всякий раз требуется модификация специального метода с учётом особенностей источников.

Источники и литература

1. Прокопенко С. А. Мифы и реальности реколонизации Гранады // Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. Сборник статей / Отв. ред. В. Л. Матросов. – М.: Прометей, 2005. – С. 253–261.
2. Румянцев А.Г. Английская социальная элита в XV веке. Демографические проблемы: Дис. на соиск. ... к. ист. н. – СПб., 2003.
3. La société française au XIX siècle. Tradition, transition, transformations // Sous la dir. de J. Dupâquier et D. Kessler. – Paris: Fayard, 1992. – 529 p.
4. Chaunu P. Préface // Dupâquier J. Pour la Démographie Historique. – Paris: Presses Universitaires de France, 1984. – 188 p.
5. Dupâquier J. Introduction a la Démographie historique. – Paris: Gamma, 1974. – 126 p.
6. Dupâquier J. Quelques réflexions sur la mesure de la nuptialité dans les monographies paroissiales // Marriage and Remarriage in Populations of the Past / Eds. J. Dupâquier, E. Hélin, P. Laslett, M. Livi-Bacci and S. Sogner. – London: Academic Press, 1981. – P. 177–190.
7. Eiras Roel A. Migraciones internas y medium-distance en España en la Edad Moderna // Migraciones internas y medium-distance en la Península Ibérica, 1500-1900. Vol. II / Eds. A. Eiras Roel y O. Rey Castelão. – Santiago de Compostela, 1994. – P. 37–83.
8. Hatcher J. Understanding the Population History of England, 1450–1750 // Past & Present. – 2003. – № 180. – P. 83–130.

9. Henry L. et Blum A. Techniques d'analyse en démographie historique. – 2 éd. – Paris: Editions de l'IN d'ED, 1988. – VIII, 180 p. (или см.: Анри Л., Блюм А. Методика анализа в исторической демографии. – М.: РГГУ, 1997. – 207 с.).
10. Henry L. Le fonctionnement du marché matrimonial // Marriage and Remarriage in Populations of the Past. – / Eds. J. Dupâquier, E. Hélin, P. Laslett, M. Livi-Bacci and S. Sogner. – London: Academic Press, 1981. – XIX, 663 p.
11. Nightingale P. Some new evidence of crisis and trends of mortality in late medieval England // Past & Present. – 2005. – № 187. – P. 33–68.
12. Ruggles S. Migration, marriage and mortality: correcting sources of bias in English family reconstitutions // Population Studies. – 1991. – № 46. – P. 507–522.
13. Sánchez-Montes González F. La población granadina del siglo XVII. – Granada: Univers. de Granada, 1989. – 318 p.
14. Santini A. Techniques and methods in historical demography (17-18th centuries) // The Journal of European Economic History (Roma). – 1972. – Vol. 1. – № 2. – P. 459–469.
15. Veyret-Vernet G. Population, movements, structures, repartitions. – Paris, Arthaud, 1959. – 267 p.
16. Wrigley E. A., Schofield R. S. with contr. by Lee R. and Oeppen J. The Population History of England 1541–1871. – Cambr. (Mass.): Harvard UP, 1981. – XV, 779 p.

Демографические процессы в монастырской деревне центра России в конце XVII в. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры)

Обширный комплекс материалов общерусской дворовой переписи 1677–1678 гг. был и остается ценнейшим источником для изучения проблем народонаселения в России в конце XVII в. В масштабных работах М.М.Богословского, Н.П.Воскобойниковой, П.А.Колесникова, Я.Е.Водарского, многих других ученых переписные книги рассматривались и поуздно, и в более крупных региональных рамках. Наряду с традиционными – общестатистическими – возможны и более современные – социокультурные и антропологические – подходы к их прочтению. Формы крестьянской семьи, её «детность», возраст детей, положение женщин-вдов, люди семейные и одиночки, коллективное и индивидуальное, связь города и деревни в демографических процессах – рассмотрение этих и других вопросов способствует обогащению общей картины истории социальной.

Нами была изучена переписная книга Ростовского уезда Е.П.Бортенева и подьячего Д. Ратмонова 1678 г. применительно к владениям крупнейшего в России Троице-Сергиева монастыря. Привлекался её монастырский список начала XVIII в. в составе обширного сборника переписных книг 1677–1678 г., включающего описание Троицких вотчин, помимо Ростовского, еще и в Переяславском, Ярославском, Угличском, Кашинском, Бежецком, Дмитровском, Белозерском, Вологодском и ряде других уездов центра, севера и Поволжья. Сборник форматом в лист, скреплен подписями приказного Василия Тургенева и слуги Семена Туленина («с подлинными читал») [1].

В момент проведения переписи 1678 г. у Троице-Сергиева монастыря было в Ростовском уезде 46 жилых селений: 3 села, 4 приселка, 1 слободка, 38 с половиной деревень. По сравнению с концом XVI в. на сопоставимой территории новых поселений не возникло, а их прежнее число сократилось вдвое, зато в три раза увеличилась дворность сел и деревень (в среднем до 15 дворов) и на 26 % возросло общее количество крестьянских (в абсолютном выражении 620) и бобыльских (в абс. 63) дворов [2]. Средняя «людность» последних в 1678 г. составляла 3,7 чел. на крестьянский и 2,5 чел. на бобыльский двор. Наиболее плотно населены были вотчинные комплексы, расположенные к юго-западу (Саввин стан) и северо-востоку (Лутский стан) от Ростова (табл.1). Исходя из принятой в научной литературе средней численности сельских дворов в XVI–XVII в. в 6 чел. обоюбого пола, все население ростовских вотчин Троице-Сергиева монастыря в конце столетия можно ориентировочно определить в 4.100 чел. об.п., а всего зависимое население этой гигантской вотчины-сеньории составляло 21-22 тыс. дворов. Кроме крестьянских и бобыльских дворов, в ростовской переписи было отмечено четыре монастырских двора (в с.Новое и с.Деболы), в которых жили поселские старцы и приказчики «погодно». Сведений о пустых дворах и местах дворовых в книге нет: скорее всего, к 1670-м гг. произошло окончательное восстановление системы сельского расселения и хозяйства, нарушенного событиями смуты. Перепись, по-видимому, фиксирует наиболее оптимальное демографическое состояние Троицкой вотчины вообще.

Материалы изученной книги свидетельствуют о стабильности зависимого населения Троице-Сергиева монастыря в его ростовских вотчинах. К концу XVII в. произошла потомственная поземельная закрепляемость сельских жителей (как крестьян, так и бобылей), и выразилась она в определениях «Троецкие вотчины крестьянские дети», «...бобыльские дети». В книге отмечены отсутствующими лишь 7 чел. из двух с лишним тысяч поименованных: один «сшел безвесно», один бежал в Москву, где «кормится черной работой, переходя», один ушел на Волгу в судовые работники, оставив 8-летнего сына во дворе отца; два брата сбежали после морового поветрия 1654/55 г. также в Москву, «а в какую слободу, неведомо». Выход двух троицких крестьян на другие земли Ростовского уезда указан в митрополичью волость Караш и в вотчину стольника кн. П.С.Урусова [3]. Еще 3 крестьянских семьи показаны беглыми, но общее количество людей в них не определено.

В переписных книгах 1640-х и 1670-х гг. полнее, чем в более ранних описаниях, был отражен мужской состав крестьянских и бобыльских дворов. Наряду с «людьми» (традиционно понимаемыми как женатые главы дворохозяйств), в них были зафиксированы их родственники (сыновья, внуки, племянники, зятья, шурины), а также чужие для семьи люди (пасынки, приимыши, захребетники, подсоседники). Женское население отмечалось переписчиками только применительно к вдовам-дворовладелицам. Нами было обчислено 686 крестьянских и бобыльских семей. Классификация их была проведена по трем принятым в этнографической литературе основным группам: 1) семьи прямого родства; 2) семьи бокового родства и 3) семьи с неродственниками.

Среди всей совокупности семей преобладали семьи прямого родства, прежде всего состоящие из женатой пары с детьми (52,1 %). Это были так называемые отцовские двухпоколенные семьи. Имелись среди отцовских и трехпоколенные семьи, включавшие, помимо 1-4 сыновей, еще и внуков. Их общая доля составляла 12,4 %

* Черкасова Марина Сергеевна (Вологда) – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета. E-mail: mscherkasova@mail.ru

(табл. 2). В единственном случае удалось обнаружить отцовскую четырехпоколенную семью, в которой один из внуков уже имел своего годовалого сына [4]. Доля же семей, состоящих из женатой пары без сыновей (как бы с выпавшим средним поколением), но с внуками, была ничтожно мала, и среди них также удалось обнаружить одно упоминание правнука.

К группе семей прямого родства нами отнесены вдовьи семьи, доля которых оказалась небольшой – 1,4 % (в абс. – 10). Вдовы в переписных книгах XVII в. чаще всего определялись как «бобылицы». Они жили в собственных дворах со своими детьми. Порой вдовый двор мог быть единственным во всей деревне. Таким он показан, например, в четверти дер. Горбуновой, а другую четверть той деревни «пашню пашут на монастырь» [5]. Иногда у вдов-бобылиц во дворах, в свою очередь, могли проживать целые бобыльские семьи «в соседях» [6].

Второй по численности была группа семей бокового родства – так называемые братские. Наиболее высокую долю среди них занимали семьи, состоящие из женатого брата с детьми и его холостых младших братьев (7,1 % – табл.2). К типу семей бокового родства можно также отнести братские семьи, состоящие из женатых братьев с детьми (3,7 %) и женатых братьев без сыновей с младшими братьями (1,3 %). Немногочисленными оказались семьи, в которых проживали шурины и зятя дворохозяев – около 4%. Указания на зятьев косвенно высвечивают женских обитательниц дворов, имеем в виду замужних дочерей, оставшихся в семье отца. Нередко именно от дочерей рождались первые внуки в данной семье. Шурины же входили в новую для них семью, будучи братьями жены дворохозяина. В переписи 1678 г. содержатся указания на то, что иногда шурины с собственными семьями жили во дворе мужа своей сестры. Но фигурируют и шурины детского возраста (8-10 лет), значит, сестра с мужем поднимали этих детей в дополнение к своим [7].

Среди семей всех типов (и прямого, и бокового родства, с неродственниками) были такие, в которых супруги, не имея родных сыновей или имея холостых сыновей, растили племянников или брали на воспитание пасынков. Не всегда захребетники являлись чужими членами для данной семьи. В переписи в одном случае захребетником назван зять дворохозяина, в другом – его сын [8].

В переписях XVI–VII вв. двор обычно совпадал с семьей того или иного численного и поколенного состава. В изученной переписной книге удалось обнаружить лишь три случая, когда в одном дворе особо отмечалось проживание двух семей, что было связано с выделом от отца старшего сына («двор такого-то, да в том же дворе сын его в отделе в другой избе» или: «да у него ж, Сенки, на дворе в отделе в другой избе сын его Ивашко Семенов», «да он же отделил сына своего, а двора у него нет» [9]).

Почти половина мужского населения, отмеченного переписью 1678 г., являлась сыновьями либо внуками, племянниками дворохозяев. Из них у 947 чел. был указан возраст и еще у 447 чел. он определен не был. Несомненно, под первыми понимались еще неженатые сыновья, что с очевидностью вытекает из показателей лет у этих погодков – 12, 10, 8, 6 и т.д. (годы шли по убывающей), а вторые уже были женаты. Общий диапазон фиксируемого возраста простирается от 5 недель до 14 лет. С заметной тщательностью были отмечены недавно родившиеся младенцы – 5-ти, 8-ми, 10-ти, 15-ти и 25 недель, затем – 6-месячные, годо- и 1,5-годовалые, по «другому и по третьему году» (см. табл.3). Начиная с трех лет возраст мальчиков указывался уже только по годам.

По-видимому, в условиях большой детской смертности, трудной выхаживаемости и выживаемости детей, характерных для феодальной эпохи, важной считалась точная фиксация детского возраста до 3 лет. Предельные регистрируемые в переписи годы для сыновей (и в одном случае для младшего брата) – 14 лет – свидетельствует о начале с этого момента брачного возраста у деревенских подростков. Именно такой возраст – свыше 14 лет – и можно предполагать у 447 сыновей, живущих во дворах со своими отцами, у которых перепись отметила своих детей, как правило, младенцев.

Наиболее заметными были следующие возрастные группы детей: годовалые младенцы (6,3 %), дети 3-4-х лет (20,2 %) и 10 лет (13,5 %). По-видимому, 1668-1675 гг. стали временем наиболее активной рождаемости в данной вотчине. Помимо родных сыновей, детский возраст в переписи указан иногда у пасынков, приемышей, племянников и шуринов. Это свидетельствует о детском сиротстве и ранней смертности определенной части родителей. Отдельные штрихи к положению крестьянских детей добавляют нередкие ремарки переписчиков типа «не видит», «слеп, не видит», «уродивой», «увечен ногою», «малоумен».

В переписной книге Троицких вотчин Ростовского уезда 1678 г. содержится разнообразный антропонимический материал, важный для изучения крестьянских имен и прозвищ, процесса становления фамилий в центре России во второй половине XVII в. Он содержит дополнительные сведения о внутривотчинных миграциях крестьян, характере их семейно-родственных ассоциаций, процессе разделения семей, самом механизме роста дворности, укрупнения монастырской деревни. Думается, что вслед за филологами-ономастами и историкам надо внимательнее изучать антропонимию переписных книг России. Это, помимо прочего, придаст определенную социокультурную, антропологическую направленность историко-демографическим исследованиям, «насекает» их живыми людьми.

Формула именования большей части крестьян и бобылей (77,5 %) содержит два компонента – личное имя и имя отца. Употребляются они применительно к братьям-дворохозяевам, жившим в соседних дворах и, как

правило, в одной деревне: Елисейко Веденихтов и Елфимко Веденихтов; Ивашко Якимов и Трофимко Якимов; Парфенко Елистратов, Першко Елистратов и Матюшка Елистратов; Емельянка Харитонов и Оска Харитонов; Оводокимко Трофимов и его брат Спиридонко Трофимов.

В 12 % случаев к отмеченной формуле добавлен третий компонент, образованный или с помощью суффиксов -ов, -ев, -ин, или какого-то характерного слова: Игнашко Максимов, прозвище Лепешкин; Якушко Сидоров сын Богданов, прозвище Гремячев; Ивашко Солуянов Прилом, Сидорко Евсегнеев Стюня, Васка Ильин Волк, Поташко Егупов Горноста́й, Петрушко Семенов Шах. Третий компонент данной формулы мог быть представлен и прилагательными с окончанием на -ево, -его: Красного, Нехорошево, Грановитого, Лонского, Мосалского («Ивашко Никитин Грановитого»). Последние можно рассматривать как указание на изначальную принадлежность называемых лиц (или их предков) светским владельцам, имевшим фамилии – Грановитый, Лонский, Мосальский и т.п.

В более редких случаях прозвища употребляются как дополнительный признак называемого лица: Марчко, прозвище Первушка, Никифоров; Трушка, прозвище Смирка, Кузмин. Все выявленные нами в переписной книге прозвища в алфавитном порядке могут быть представлены следующим образом: Бабок, Балуга / Балув, Бандура, Баран, Бахор, Быченок, Богдан / Богдашко, Бурло, Волк, Волченок, Горноста́й, Грановитой / -го, Дерябко, Долгово, Дружинко, Жиряк, Житкой, Зоря, Калинка, Кулик, Козик, Комар, Корняка / Корняков, Коряка / Корякин, Красной / -го, Лобан, Лонской / -го, Любимко, Медведица, Молодого, Мороз, Нехорошево, Новик / Новиков, Мураш, Палец, Пахолок, Первушка, Полежай, Прилом, Путило, Пятунка / Пятунин, Родимец, Ростегай, Скипа / Скипин, Смирка, Стюня, Тельной, Тренка / Третьяк, Харахора, Черного, Черныш, Шалыга, Шевел, Шах, Шиш, Шулга, Щуренок. И хотя перед прозвищами нет привычного слова «сын», они словно уже выполняют функцию фамилий, тем более что могли прилагаться к определенному кругу родственных лиц, прежде всего братьев, сыновей одного отца.

Лишь раз встретилось прозвище, связанное с деревенским ремеслом, – Кузнец, несколько раз – прозвища, обусловленные происхождением крестьян из монастырских сел других уездов – Суздальского (села Шухобалова) и Переславского (села Доратикова) – «Прокофьевы дети, прозвище Шухобаловы» и даже «вдова Устиньца Афонасьевская жена Шухобалова», «Иванов сын и Микитин сын, прозвище Доратиковы». Значит, существовали внутривотчинные переселения крестьян – для Суздальского уезда они, несомненно, объясняются фактором аграрной перенаселенности, когда численность населения здесь выходила уже за пределы вместимости, возможностей аграрного производства. И хотя основной поток миграций из троицких вотчин центральных уездов был направлен в Поволжье (Алатырский прежде всего уезд), имели место миграции и внутри вотчинных комплексов центральных уездов.

Некоторый гендерный аспект (понимаемый как социальные роли полов) также может быть изучен по данной книге. Женщины в книге поименованы весьма разнообразно. Это и односложные определения типа «бобылка Домница», «бобылка Марьяца», и более пространная формула типа «дочь такого-то, жена такого-то» – «вдова бобылка Февроньца Митрофанова дочь Сидоровская Ларионова», «вдова Оксиньца Андреева дочь Антоновская жена Иванова». Они указывают на ведущую роль мужчин (отца, мужа) в определении женской принадлежности. Вероятно, упрощенная форма именованья могла прилагаться к одинокой не бывшей замужем бобылке с сыновьями или без них, а более распространенная – к бывшей замужней женщине, теперь вдове с детьми.

Наряду с сугубо индивидуальным употреблением ряда распространенных прозвищ (типа Лобан, Любимко, Нежданко, Третьяк, Тренка), источник показывает использование одних и тех же прозвищ применительно к широкому кругу братьев, живущих, как правило, в одной деревне. Это усваивает прозвищам, как нам представляется, функции фамилий. Например, в деревнях Назарьевой и Чесноковой по одной антропонимической формуле писцы отметили пятерых братьев:

во дворе Першка Лукьянов сын, прозвище Балув
во дворе Тришка Лукьянов сын, прозвище Балув
во дворе Оводокимко Лукьянов сын, прозвище Балув
во дворе Гришка Лукьянов сын, прозвище Балув
во дворе Дмитрейко Лукьянов сын, прозвище Балув.

В приселке Берлюкове по такому же принципу – каждый в своем дворе – зафиксированы Сидорко и Евсвейко Антипьевы дети, прозвище Брязгины; Никитка Никитин и Пантелейко Никитины дети, прозвище Гагарины; Купряшко, Мишка и Никифорко Яковлевы дети, прозвище Корякины. В дер. Остров четыре родных брата, проживавшие – каждый – в собственном дворе, имели прозвище Дворяниновы; в двух других дворах, также населенных родными братьями, у последних отмечено прозвище Окованицыны; у четырех «Максимовых детей», двух «Клементьевых детей» и пятерых «Фофановых детей» – прозвище Глазуновы; двух «Митрофановых детей» – прозвище Масалского; двух «Прокофьевых детей» – прозвище Комовы; двух «Антипьевых детей» – прозвище Потанины; трех «Яковлевых детей» – прозвище Сукины; трех «Васильевых детей» – прозвище

Облезовы»; трех Иевлевых детей – прозвище Буртимовы (причем жили они в разных деревнях); у пятерых «Артемьевых детей» – прозвище Белоглазовы. И такие примеры можно умножить.

Прозвища типа Быченки, Волченки, Медведица, Щуренки, не имевшие суффикса -ов или -ин, являясь по сути своей уже фамилией, третьим компонентом антропонимической формулы, не меняя при этом своей изначальной формы. Например, в дер. Щипачево по соседству были отмечены :

- во дворе Андрюшка Яковлев сын, прозвище Щуренки
- во дворе Максимко Яковлев сын прозвище Щуренки
- во дворе Ивашко Яковлев сын, прозвище Щуренки
- во дворе Тимошка Яковлев сын, прозвище Щуренки.

Имеются тождественности прозвищной и фамильной формулы третьего компонента именованного лица: «во дворе Остафейко Тимофеев сын, прозвище Скипа и во дворе Лаврко Тимофеев сын, прозвище Скипин». Аналогичный пример: «во дворе крестьянин Ивашко Иванов сын, прозвище Бурло и во дворе бобыль Федка Иванов сын, прозвище Бурло». О «фамильнообразующем» значении прозвищ может свидетельствовать, что все они употреблены в переписной книге 1678 г. применительно только ко взрослым женатым дворохозяевам, а не к их детям. Те обозначены лишь именами в уменьшительной форме.

Обилие сведений о распространении одного и того же прозвища на широкий круг братьев не только рисует отмечаемый для второй половины XVII в. активный процесс формирования крестьянских фамилий в России. Оно также раскрывает сам механизм увеличения дворности селений в XVII в. – за счет семейных разделов, когда сыновья отделялись от отца, обзаводясь собственным двором и тяглым наделом. При этом общее прозвище-фамилия оставалось для них скрепляющим родственным началом. Разница в социальном положении – крестьянин или бобыль – для братьев значения не имела. В дер. Зелендеево указаны:

- во дворе крестьянин Филка Григорьев сын Пелепелицын
- во дворе бобыль Аврамко Григорьев сын Пелепелицын.

Дальнейшая динамика народонаселения Троицкой вотчины и происходящие в ней историко-демографические процессы могут быть изучены по переписным материалам первой половины XVIII в. В любом случае и приведенного по концу XVII столетия материала достаточно для такой очевидной качественной характеристики крупной феодальной вотчины, как её плотная населенность и хорошая обеспеченность рабочими руками. И не с этого ли самого момента взял старт хорошо известный в XVIII в. процесс превосходящего, прямо-таки стремительного роста населения над ростом пригодных для земледельческого производства площадей?

Источники и литература

1. Отдел Рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 303 (Архив Троице-Сергиевой Лавры). Оп. 1. Кн. 583.
2. Там же. Л. 68об., 69об., 79, 89об, 92об.
3. Там же. Л. 36.
4. Там же. Л. 69.
5. Там же. Л. 60об.
6. Там же. Л. 70об., 73, 83.
7. Там же. Л. 88, 90.
8. Там же. Л. 64, 90об., 92об.
9. Там же. Л. 87.

*Приложение
Таблица 1*

Население Троицких вотчин в Ростовском уезде в 1678 г.

Вотчинный комплекс	Дворов			Людей	
	монастырских	крестьянских	бобыльских	крестьян	бобылей
Саввин стан					
с.Новое прис.Поддубное с.Деболы слоб.Потаповка 4 деревни	4	163	29	629	78
Печехотский стан					
д.Гусарниково д.Щипачево	–	35	–	177	–

Окончание табл. 1

Вотчинный комплекс	Дворов			Людей	
	монастырских	крестьянских	бобыльских	крестьян	бобылей
Песий стан					
д.Микитина 8 с половиной деревень прис. Николы на Талице	–	116	19	469	47
Согильский стан					
прис. Поникарово 5 деревень	–	88	2	315	6
Лутский стан					
с.Ивашково 12 деревень с.Берлюково 4 деревень	–	218	14	752	39
Итого : 3 села 4 приселка 1 слободка 38 с половиной деревень	4	620	63	2352	170

Таблица 2

Крестьянские и бобыльские семьи в ростовских вотчинах Троице-Сергиева монастыря в 1678 г.

Формы семьи	Количество семей	% к общему числу семей
I. Семьи прямого родства		
- супруги без сыновей	40	5,8
- супруги с неженатыми сыновьями	358	52,1
- супруги без сыновей со внуками	2	0,2
- супруги с 1-2 женатым сыном и внуками	49	7,1
- супруги с 3-4 женатыми сыновьями и внуками	37	5,3
- вдова с детьми	10	1,4
II. Семьи бокового родства		
- женатые братья с детьми	26	3,7
- женатый брат с холостыми сыновьями и младшие братья	49	7,1
- женатый брат без сыновей с младши- ми братьями	9	1,3
- супруги без сыновей или с холосты- ми сыновьями и племянниками	10	1,4
- женатые братья без сыновей	24	3,4
- семьи с зятем	18	2,6
- семьи с шурином	9	1,3
III. Семьи с неродственниками		
- супруги с неженатыми сыновьями, пасынками, приемьшами, подсосед- ками	23	3,3
- супруги с холостыми сыновьями или без сыновей с пасынками и приемьшами	13	1,8
- семья с захребетниками и их детьми	9	1,3
Всего семей	686	100

Возраст мужского потомства в крестьянских и бобыльских семьях

Возраст	Количество детей	Процентное соотношение
5 недель	1	0,1
8 недель	3	0,3
10 недель	13	1,3
15 недель	1	0,1
25 недель	1	0,1
«полугоду»	11	1,1
«году»	60	6,3
«полутора году»	8	0,8
«по другому году»	5	0,5
двух лет	90	9,5
«по третьему году»	5	0,5
3 лет	96	10,1
4 лет	96	10,1
5 лет	91	9,6
6 лет	59	6,2
7 лет	63	6,6
8 лет	88	9,2
9 лет	31	3,2
10 лет	128	13,5
11 лет	26	2,7
12 лет	61	6,4
13 лет	11	1,1
14 лет	8	0,8
Итого детей	947	100

Примечание. К детям в переписи отнесены не только сыновья и племянники, но и пасынки, подсоседники, примыши, возраст которых (до 14 лет был указан переписчиками).

Табл.1-3 составлены по : АТСЛ. Кн.583. Л.53-94об.

Особенности демографической ситуации в Камбарском заводе в середине XIX в. (по материалам 8-10-й ревизий)**

Камбарский железодельный завод (ныне г. Камбарка Удмуртской Республики) был основан в XVIII в. в Осинском уезде Пермской губернии. Указом от 22 августа 1760 г. Берг-коллегия разрешила построить на р. Камбарке две «молотовые фабрики» для переработки чугуна Ревдинского и Уткинского заводов Демидовых. В 1761 г. Г.А. Демидов начал строительство, которое было закончено только в 1767 г. В том же году Камбарский завод был продан А.Г. Демидову и стал числиться в составе Суксунского горного округа. В первой половине XIX в. темпы производства замедлились, и в 1832 г. владельцы обратились с прошением к императору Николаю I принять предприятие в казну по причине несостоятельности. В 1835 г. было учреждено попечительство, а в 1848 г. – акционерное «Товарищество Суксунских горных заводов» на правах 12-летней аренды [1]. Завод использовал труд крепостных заводских крестьян, которые составляли основной контингент жителей рабочего поселка.

На примере Камбарского завода в данной статье рассматриваются вопросы демографии горнозаводского населения в середине XIX в. Источником послужили ревизские сказки (подворные переписи), которые содержат ф.и.о. главы домохозяйства и членов его семьи (мужского и женского пола) с указанием родственных отношений и возраста. Были проанализированы «Ревизская сказка крестьян Камбарского завода наследников Демидова» 1834 г., «Ревизская сказка крестьян Камбарского завода товарищества Суксунских горных заводов» 1850 г. и «Ревизская сказка крепостных владельческих людей Камбарского завода товарищества Суксунских горных заводов по 10-й ревизии» (1858 г.) [2]. На основании этих материалов основная социальная категория Камбарского завода (крепостные крестьяне) была исследована по ряду статистических показателей: показана общая демографическая ситуация (половозрастной баланс), выявлено количество семей, их поколенный и родственный состав, число супружеских пар, людность домохозяйств, проведено сопоставление возрастов супругов, определен процент населения, состоявшего в браке, доли неполных семей и повторных браков, наличие приемных и незаконнорожденных детей, средний возраст вдовцов, вдов и солдаток.

В 1834 г. в Камбарском заводе проживали 2814 крестьян (1347 мужчин и 1467 женщин). К 1850 г. их число возросло до 3707 (1779 чел. м.п. и 1928 – чел. ж.п.), к 1858 г. – до 4220 (2046 душ м.п. и 2174 душ ж.п.). Демографический баланс полов, как видно из этих данных, отличался небольшим перевесом в сторону населения женского пола: в 1834 г. женщины составляли 52,13 % крепостных крестьян, в 1850 г. – 52,01 %, в 1858 г. – 51,52 %.

Общая демографическая ситуация в Камбарском заводе в середине XIX в. представлена в табл. 1.

Таблица 1

Демографическая характеристика крестьянского населения Камбарского завода по данным 8, 9, 10-й ревизий

Возрастные категории	1834 г.		1850 г.		1858 г.	
	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.
До 1 года	17 (1,26 %)	16 (1,09 %)	58 (3,26 %)	81 (4,20 %)	82 (4,01 %)	78 (3,59 %)
1-4	182 (13,51 %)	161 (10,97 %)	251 (14,11 %)	225 (11,67 %)	273 (13,34 %)	293 (13,48 %)
5-9	210 (15,59 %)	210 (14,32 %)	204 (11,47 %)	234 (12,14 %)	299 (14,61 %)	300 (13,80 %)
10-14	160 (11,88 %)	180 (12,27 %)	232 (13,04 %)	209 (10,84 %)	233 (11,39 %)	239 (10,99 %)
15-19	170 (12,62 %)	158 (10,77 %)	173 (9,72 %)	184 (9,54 %)	220 (10,75 %)	214 (9,84 %)
20-24	123 (9,13 %)	132 (9,00 %)	199 (11,19 %)	173 (8,97 %)	170 (8,31 %)	188 (8,65 %)
25-29	96 (7,13 %)	120 (8,18 %)	143 (8,04 %)	170 (8,82 %)	151 (7,38 %)	155 (7,13 %)
30-34	85 (6,31 %)	104 (7,09 %)	102 (5,73 %)	148 (7,68 %)	139 (6,79 %)	113 (5,20 %)
35-39	64 (4,75 %)	78 (5,32 %)	122 (6,86 %)	100 (5,19 %)	91 (4,45 %)	143 (6,58 %)
40-44	52 (3,86 %)	67 (4,57 %)	75 (4,21 %)	112 (5,81 %)	132 (6,45 %)	108 (4,97 %)
45-49	59 (4,38 %)	69 (4,70 %)	64 (3,60 %)	84 (4,36 %)	58 (2,84 %)	93 (4,28 %)
50-54	53 (3,93 %)	63 (4,29 %)	41 (2,30 %)	65 (3,37 %)	74 (3,62 %)	97 (4,46 %)

* Васина Татьяна Анатольевна (Ижевск) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. E-mail: vasina@ni.udm.ru

** Исследование выполнено в рамках Научного проекта молодых ученых и аспирантов Президиума УрО РАН «Динамика демографических процессов в полиэтничном регионе: исторический опыт и современное состояние».

<i>Окончание табл. 1</i>						
Возрастные категории	1834 г.		1850 г.		1858 г.	
	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.
55-59	37 (2,75 %)	44 (3,00 %)	42 (2,36 %)	45 (2,33 %)	42 (2,05 %)	48 (2,21 %)
60-64	20 (1,49 %)	28 (1,91 %)	25 (1,41 %)	42 (2,18 %)	33 (1,61 %)	49 (2,25 %)
65-69	12 (0,89 %)	11 (0,75 %)	30 (1,69 %)	27 (1,40 %)	20 (0,98 %)	26 (1,19 %)
70-74	5 (0,37 %)	14 (0,95 %)	15 (0,84 %)	21 (1,09 %)	18 (0,88 %)	23 (1,06 %)
75-79	2 (0,15 %)	11 (0,75 %)	3 (0,17 %)	6 (0,31 %)	11 (0,54 %)	5 (0,23 %)
80-84	–	1 (0,07 %)	–	1 (0,05 %)	–	2 (0,09 %)
85-89	–	–	–	1 (0,05 %)	–	–
Всего	1347 чел.	1467 чел.	1779 чел.	1928 чел.	2046 чел.	2174 чел.

Источник: ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1994. Л. 1–86; Д. 2018. Л. 1–162; Д. 2061. Л. 1–207.

Согласно классификации возрастов Б.Ц. Урланиса, период от 16 до 24 лет относится к юности, 25–44 лет – к зрелости, 45–59 лет – к поздней зрелости, 60–75 лет – к пожилому возрасту, более 75 лет – к старости, люди в возрасте более 90 лет – к долгожителям [3]. Применение этой классификации позволяет увидеть, что демографическая ситуация в Камбарском заводе в середине XIX в. отличалась преобладанием лиц молодых возрастов (более 60 %). Крестьяне зрелого возраста составляли четвертую часть населения, поздней зрелости – в среднем около 10 %. Людей пожилого и старческого возрастов было существенно меньше (в сумме они насчитывали менее 5 % населения). Долгожителей в Камбарском заводе зафиксировано не было (табл. 1). Значительный перевес детских и юношеских поколений в представленной пирамиде возрастов может говорить о высоком уровне рождаемости в середине XIX в., а стремительное убывание людей с увеличением возрастных категорий – о высокой смертности и небольшой продолжительности жизни (а в целом, о наличии традиционного типа воспроизводства населения).

По данным 8-й ревизии в Камбарском заводе проживала 491 крестьянская семья (не считая 25 опустевших домохозяйств – умерших и переведенных на другие заводы Демидовых). К 9-й «народной переписи» число крепостных семейств сократилось до 462, к 10-й ревизии – до 457. С уменьшением числа семей возрастала их людность. В среднем размер домохозяйства составлял в 1834 г. 5,73 чел., в 1850 г. – 8,02, в 1858 г. – 9,23. Более полно размеры семей крепостных заводских крестьян отражены в табл. 2.

Таблица 2

Людность домохозяйств крепостных крестьян Камбарского завода по данным 8, 9, 10-й ревизий

Число человек в семье	Количество семей (в абсолютных показателях и %)		
	1834 г.	1850 г.	1858 г.
1.	13 (2,65 %)	26 (5,64 %)	28 (6,13 %)
2.	41 (8,35 %)	26 (5,64 %)	19 (4,15 %)
3.	43 (8,76 %)	20 (4,34 %)	17 (3,72 %)
4.	54 (11,00 %)	27 (5,86 %)	28 (6,13 %)
5.	81 (16,50 %)	37 (8,00 %)	25 (5,47 %)
6.	77 (15,68 %)	36 (7,81 %)	39 (8,53 %)
7.	63 (12,83 %)	59 (12,8 %)	32 (7,00 %)
8.	55 (11,20 %)	47 (10,2 %)	34 (7,44 %)
9.	34 (6,92 %)	38 (8,24 %)	42 (9,19 %)
10.	18 (3,67 %)	32 (6,94 %)	31 (6,78 %)
11.	6 (1,22 %)	24 (5,21 %)	27 (5,91 %)
12.	5 (1,02 %)	17 (3,69 %)	24 (5,25 %)
13.	–	14 (3,04 %)	21 (4,59 %)
14.	1 (0,20 %)	16 (3,47 %)	18 (3,94 %)
15.	–	11 (2,39 %)	11 (2,41 %)
16.	–	10 (2,17 %)	17 (3,72 %)
17.	–	6 (1,3 %)	8 (1,75 %)
18.	–	2 (0,43 %)	15 (3,28 %)

<i>Окончание табл. 2</i>			
Число человек в семье	Количество семей (в абсолютных показателях и %)		
	1834 г.	1850 г.	1858 г.
19.	–	4 (0,87 %)	2 (0,44 %)
20.	–	2 (0,43 %)	3 (0,66 %)
21.	–	4 (0,87 %)	2 (0,44 %)
22.	–	1 (0,22 %)	5 (1,09 %)
23.	–	–	1 (0,22 %)
24.	–	1 (0,22 %)	–
25.	–	–	3 (0,66 %)
26.	–	1 (0,22 %)	2 (0,44 %)
27.	–	–	1 (0,22 %)
33.	–	–	1 (0,22 %)
35.	–	–	1 (0,22 %)
Итого	491 (100 %)	462 (100 %)	457 (100 %)

Источник: ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1994. Л. 1–86; Д. 2018. Л. 1–162; Д. 2061. Л. 1–207.

Табл. 2 свидетельствует, что к 1850-м гг. намечился рост домохозяйств крепостных крестьян Камбарского завода. Если в 1834 г. размеры семьи не превышали 14 чел., то в 1850 и 1858 гг. были выявлены дворы людностью свыше 20-30 жителей. Но максимальная доля все же приходилась на семейства из пяти (1834 г.), семи (1850 г.) и девяти (1858 г.) родственников.

Главой домохозяйства являлся представитель старшего поколения (отец, муж, вдовая мать), лишь за некоторым исключением во главе двора записывался старший женатый сын. В 1834 г. таких семей было 4,89 %, в 1850 г. – 3,91 %, в 1858 г. – 7,00 %.

По числу поколений все семьи заводских работников делились на одно-, двух-, трех- и четырехпоколенные. К первому типу относились одиноко проживавшие, супружеские пары, дети-сироты, женатые братья. Ко второму – супруги с детьми и другими родственниками (зятем, снохой, братом или сестрой, племянниками и т.д.), женатые братья с детьми. К третьему типу – большие патриархальные отцовские семьи, братские и семьи из дядей, племянников и их детей. К четвертому – соответственно домохозяйства, включавшие родителей, детей, внуков и правнуков.

Согласно 8-й ревизии, в Камбарском заводе преобладали двухпоколенные семьи (277 дворов, или 56,42 %), трехпоколенные – находились на втором по численности месте (164 двора, или 33,40 %). Однопоколенные домохозяйства составляли 8,76 % (43 двора), а четырехпоколенные – всего 1,42 % (7 семей). К 9-й ревизии доля однопоколенных домохозяйств увеличилась до 46 (9,98 %), а четырехпоколенных до 16 (3,47 %). Напротив, количество двухпоколенных существенно сократилось (до 166 дворов, или 36,01 %), вследствие чего стали превалировать трехпоколенные семьи (233, или 50,54 %). Данная тенденция сохранялась вплоть до 10-й ревизии. В 1858 г. по-прежнему доминировали трехпоколенные семьи (245 дворов, или 53,61 %), на втором месте находились двухпоколенные (144 семьи, 31,51 %). Однопоколенные составляли 44 (9,63 %) семейства крепостных крестьян, а четырехпоколенные – уже 24 (5,25 %).

По характеру родства у горнозаводского населения различались следующие варианты семей: одинокие, малые, расширенные и сложные.

К первой категории относились преимущественно вдовцы, вдовы, солдатки, жены ссыльных, сироты, не имевшие родственников и проживавшие отдельно. В 1834 г. одиноких было 13 чел. (2,65 % крестьянских хозяйств), в 1850 г. – 26 (5,64 %), в 1858 г. – 28 (6,12 %). Отличительной чертой являлось преобладание в этой группе лиц женского пола. Так, в 1834 г. численность одиноко проживавших женщин в 1,6 раз превышала количество мужчин-одиночек, в 1850 г. – уже в 2,7 раз, а в 1858 г. соотношение полов было равным 6 : 1. Значительная доля одиноких объясняется высокой смертностью крестьян (вдовство), рекрутскими наборами (отцы, мужья, сыновья могли быть сданы в солдаты), ссылками за провинности.

Малые, или нуклеарные, семьи объединяли два основных типа домохозяйств: это супружеские пары и родители с несовершеннолетними детьми, не вступившими в брак. По 8-й ревизии данный вариант семейных отношений являлся преобладающим и насчитывал 51,73 % дворов крепостных заводских крестьян (в том числе 28 семей, или 5,70 % составляли супружеские пары и 226 семей, или 46,03 % – супруги с детьми). Следует отметить, что в числе указанных 28 супружеских пар только в трех муж и жена были новобрачными (19–26 лет), в прочих

возраст супругов насчитывал 30-75 лет. Отсутствие в таких семьях детей можно объяснить рядом причин: бездетностью, высокой детской смертностью, рекрутскими наборами, переводами на другие заводы Демидовых, проживанием выросших дочерей в семье мужа (вилокальностью браков), выделением сыновей.

Дополнительно к малым семейным формам можно отнести детей-сирот, родители которых умерли или взяты в рекруты. По материалам 8-й ревизии была выявлена одна такая семья (0,20 %). Следовательно, в целом небольшие по численности и несложные по структуре семьи в 1834 г. насчитывали 51,93 %.

К 9-й ревизии численность малых семей в Камбарском заводе сократилась до 106 дворов, или 22,99 %, в том числе супружеские пары проживали в 17 домохозяйствах (3,69 %), родители с детьми – в 88 (19,09 %) и дети-сироты – в одном (0,22 %). К 10-й ревизии доля нуклеарных семей заметно уменьшилась: до 68 дворов, или 14,88 %. В их числе отмечено 12 (2,63 %) бездетных супружеских пар. Родители с детьми, не вступившими в брак, проживали в 56 домохозяйствах (12,25 %). Кроме того, в 1858 г. появились и другие варианты небольших по численности и не сложных по структуре семейств, представлявших собой различные этапы т.н. «жизненного цикла»: супружеская пара, с которой проживал брат мужа (0,22 %); супружеская пара со снохой – вдовой брата (0,22 %); дети-сироты (0,44 %) – все это вариации бывших или будущих братских семей; дед или бабка, воспитывавшие внуков (0,44 %) – «осколок» сложной семьи.

Расширенные двухпоколенные домохозяйства являлись переходной формой от малой семьи к сложной и включали семьи, состоящие из родителей, детей и других родственников (прежде всего зятя/снохи, брата/сестры родителей, племянников). В 1834 г. расширенные семьи крепостных крестьян Камбарского завода насчитывали 49 дворов (9,98 %), в 1850 г. – 37 (8,03 %), в 1858 г. – 37 (8,09 %).

Наибольшей вариативностью структуры отличались сложные семьи заводских крестьян. В их число входили большие патриархальные отцовские семьи (родители, дети, внуки и правнуки), братские одно-, двух- и трехпоколенные, семьи из дядей и племянников. Виды семей существенно отличались количеством супружеских пар (наличием женатых и неженатых детей, братьев или сестер, племянников, внуков) и делились на полные и неполные. Например, братская двухпоколенная семья крестьянина Н.С. Турыгина состояла из 25 человек и пяти супружеских пар: кроме самого хозяина, его жены и детей с ним проживали еще три женатых брата с детьми. В 1834 г. сложные домохозяйства насчитывали в Камбарском заводе 174 (35,44 %) крестьянских двора. К 1850 г. их доля увеличилась до 63,34 % (292 домохозяйства). В 1858 г. сложные семьи охватывали уже 318 дворов (69,59 %) заводских крестьян.

Население Камбарского завода отличалось значительной долей неполных семей, в которых отсутствовал один из супругов в первом или втором поколениях по причинам смерти, рекрутства, ссылки или бегства. По переписи 1834 г. было отмечено 36,25 % таких домохозяйств. К 1850 г. доля неполных семей увеличилась до 45,77 %, а к 1858 г. вновь сократилась до 28,01 %. Процент неполных семей оставался заметным главным образом за счет женщин – вдов, солдаток, жен ссыльных и «пропавших без вести». Так, в 1834 г. одиноких женщин насчитывалось в 3,71 раз больше, чем глав семей, не имеющих хозяйки (а в 1850 г. – уже в 5 раз). Женщины вдовели раньше: в изучаемый период средний возраст вдов составлял 53,22 года (солдаток – 31,68, жен ссыльных – 47,17), вдовцов – 61,12.

По количеству супружеских пар домохозяйства крестьян Камбарского завода первоначально были относительно небольшими: в 1834 г. преобладали семьи с одной супружеской парой – 329 (67,01 %), семей с двумя парами было выявлено 93 (18,94 %), с тремя – всего 8 (1,63 %). При этом в большинстве случаев муж был старше жены (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение возрастов супругов в семьях крестьян Камбарского завода в 1834 г.

Разница в возрасте	Кол-во пар	На 1 год	На 2 года	На 3 года	На 4 года	На 5 лет	На 6 лет	На 7 лет	На 8 лет	На 9 лет	На 10 лет	На 11-19 лет	На 20, 22 года	На 30 лет
Одногодки	115	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Муж старше жены	217	69	37	35	20	17	6	3	5	6	2	14	2	1
Жена старше мужа	207	70	55	39	22	12	7	1	–	1	–	–	–	–

Источник: ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1994. Л. 1–86.

В 1850 г. превалировали семьи с двумя (159 дворов, 34,49 %) и одной (153 двора, 33,19 %) супружескими парами, домохозяйства с тремя парами составили 65 семей (14,10 %), с четырьмя – 20 (4,34 %) и пятью – 3 (0,65 %). По-прежнему в большинстве пар муж был старше жены (разница в возрасте значительно варьировалась) (табл. 4).

Соотношение возрастов супругов в семьях крестьян Камбарского завода в 1850 г.

Разница в возрасте	Кол-во пар	На 1 год	На 2 года	На 3 года	На 4 года	На 5 лет	На 6 лет	На 7 лет	На 8 лет	На 9 лет	На 10 лет	На 11-19 лет	На 23 года
Одногодки	148	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Муж старше жены	360	122	85	52	30	18	9	7	8	6	5	17	1
Жена старше мужа	253	97	72	47	19	13	4	–	1	–	–	–	–

Источник: ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2018. Л. 1–162.

К 1858 г. домохозяйства крестьян Камбарского завода еще более укрупнились. Были выявлены семьи с шестью и семью супружескими парами (2 домохозяйства, 0,44 %). Преобладали дворы с двумя (145 семей, 31,73 %) и одной парой (133 семьи, 29,10 %); три пары были выявлены в 90 домохозяйствах (19,69 %), четыре – в 28 (6,13 %), пять – в 9 (1,97 %). По-прежнему, в основной массе домохозяйств муж был старше жены (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение возрастов супругов в семьях крестьян Камбарского завода в 1858 г.

Разница в возрасте	Кол-во пар	На 1 год	На 2 года	На 3 года	На 4 года	На 5 лет	На 6 лет	На 7 лет	На 8 лет	На 9 лет	На 10 лет	На 11-19 лет	На 20-23 года
Одногодки	159	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Муж старше жены	452	130	101	79	40	20	15	16	12	5	4	25	5
Жена старше мужа	252	103	74	44	19	10	2	–	–	–	–	–	–

Источник: ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2061. Л. 1–207.

В числе наиболее крупных можно назвать четырехпоколенную семью крестьянина А.И. Щербакова, состоявшую из 4 супружеских пар и 18 человек: самого хозяина, его жены, женатого сына, снохи, женатых внуков и правнуков. Четырехпоколенная семья вдовы М.А. Вавиловой включала семь супружеских пар и 35 человек: кроме хозяйки, с ней проживали шесть женатых сыновей с внуками и правнуками.

В 1834 г. на 1000 жителей Камбарского завода приходилось 191,54 супружеств, следовательно, в браке состояло 38,31 % крестьянского населения. К 1850 г. это число увеличилось до 205,29 (в браке состояло 41,06 % крестьян). В 1858 г. на 1000 жителей насчитывалось 204,50 супружеств, соответственно, в матримониальные отношения было вовлечено 40,90 % заводских работников.

Среди наличного числа супружеских пар в 1834 г. доля повторных венчаний составляла 4,07 %, третий раз в брак вступил только один человек; в 1850 г. повторных венчаний насчитывалось 4,47 % от числа супружеских пар, третьих браков – всего один. В 1858 г. повторных браков выявлено 44 (5,10 % от числа супружеских пар), третьих – также один (0,12 %).

Браки были вилокальными, примачество (проживание зятя в семье тестя) было распространено слабо: к примеру, в 1834 г. – лишь в четырех случаях, в 1850 г. – только в двух семьях.

Приемные дети в изучаемый период были отмечены всего в пяти домохозяйствах; незаконнорожденные – в 1,30 % семей.

Таким образом, материалы 8-10-й «народных переписей» свидетельствуют о наличии в среде основной категории горнозаводского населения (крепостных крестьян) традиционного типа воспроизводства, характеризовавшегося высокой степенью рождаемости и смертности. В качестве отличительных черт жителей рабочего поселка были выделены: преобладание лиц молодого возраста, некоторое смещение демографического баланса в пользу населения женского пола, заметная доля неполных семей, сокращение числа домохозяйств при увеличении их размеров (в течение 1834–1858 гг. стали доминировать сложные трехпоколенные семьи, возросло количество супружеских пар и людность двора). В целом, проведенный анализ ревизских сказок Камбарского завода середины XIX в. позволил раскрыть некоторые особенности демографической ситуации, в немалой степени обусловленной образом жизни горнозаводского населения Российской империи.

Источники и литература

1. Камбарка: Документы, материалы. 1741–2002. – Ижевск, 2004. – С. 5–7.
2. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 111. Оп. 1. Д. 1994. Л. 1–86; Д. 2018. Л. 1–162; Д. 2061. Л. 1–207.
3. Цит. по: Мотревич В.П. Историческая демография России: Учеб. пособие. – Екатеринбург, 2000. – С. 123.

Репрезентативность информации о состоянии здоровья и болезнях населения Вологодской губернии в источниках середины XIX – начала XX века**

Сведения о заболеваемости и состоянии здоровья населения Вологодской губернии начинают появляться в публикуемых источниках с середины XIX в. Первым следует упомянуть описание, составленное инспектором Вологодской врачебной управы М.Н. Максимовичем «Медикотопографическое описание Вологодской губернии», которое отражает еще ситуацию последних десятилетий первой половины XIX в. [1]. Последующие описания и обзоры, посвященные вопросам санитарных условий, состояния здоровья и заболеваемости населения появляются лишь в 1870-х гг. Они публикуются как в виде статей в газете «Вологодские губернские ведомости», так в виде отдельных монографических изданий. Среди них можно назвать обзор санитарного состояния Вологодской губернии за 1878 год, опубликованный в Губернских ведомостях [2]. В этот период (в 1871 и 1880 гг.), как не парадоксально, появляется больше публикаций, посвященных санитарному состоянию и заболеваемости населения в удаленном Усть-Сысольском уезде, чем в отношении центральных (юго-западных) уездах [3]. В эти же десятилетия выходят в свет две монографии, представляющие собой диссертационные исследования местных врачей. В монографии В.И. Орнатского обобщаются данные по эпидемической ситуации и заболеваемости населения в городе Вологде в 1882–1887 гг., и лишь по отдельным заболеваниям ретроспективно прослеживается ситуация до середины XIX в. [4]. В работе П. Грязнова, детально рассмотрена территория обширного Череповецкого уезда, по материалам собранным в 1874–1876 и 1879 гг. [5]. Данный уезд находился уже за пределами Вологодской губернии (и в тот период относился к Новгородской губернии), но непосредственно примыкал к вологодским землям, а в настоящее время его территория располагается в Вологодской области.

Некоторые данные о состоянии здоровья и заболеваемости населения появляются в материалах первого съезда земских врачей Вологодской губернии, хотя преимущественное внимание на съезде было уделено организации работы сети медицинских учреждений и проблемам их становления [6]. В последствии съезды земских врачей в Вологодской области проводились регулярно. После первого съезда, прошедшего в 1887 г., последующие проводились в 1891, 1894, 1898, 1901, 1904 и 1912 [7], т.е. через 3-4 года. Доклады подготовленные в качестве выступлений к съездам и статистические данные касающиеся развития земской медицины в губернии публиковались в отдельных сборниках, именуемых «Протоколы заседаний съезда земских врачей Вологодской губернии», а также «Труды губернского съезда земских врачей и представителей земств Вологодской губернии» или просто «Съезд земских врачей Вологодской губернии», с указанием цифры соответствующего съезда [8]. Данные сборники в большей степени представляют интерес для изучения развития земской медицины в губернии, т.к. их материалы отражают именно эту динамику, иллюстрируя ее соответствующими данными. Сами съезды были нацелены на решение проблемных вопросов и в целом улучшение организации системы здравоохранения в губернии. В то же время целый цикл докладов на них был посвящен состоянию дел и в том числе заболеваемости в отдельных врачебных участках. Делегаты съезда были обязаны представить весьма обширную статистическую информацию о территории своего медицинского участка и о количестве заболеваний за предшествующие годы (напр., на VII съезд за 1904, 1905, 1906 и 1907 гг.) [9], и именно эти сведения составляли большинство опубликованных докладов. Представленную информацию можно охарактеризовать как весьма разрозненную, хотя и обширную, но не дающую полной картины. Наряду с этим изредка публиковались и обобщающие доклады по состоянию заболеваемости отдельными болезнями или группами болезней по губернии за год или за более продолжительный период. Например, доклад С.Ф. Галюна был посвящен распространению 8 «главнейших форм заразных болезней» (тифов, скарлатины, дифтерита, кори, натуральной оспы и дизентерии) в губернии за 1903 год [10].

В 1880-х гг. появляется работа земского врача 3-го участка Вологодского уезда Н.П. Козловского «Селения Вологодского уезда в санитарно-статистическом отношении за 1873 по 1883 гг.», но наблюдения и заключения в ней сделаны преимущественно лишь по одной деревне Марково, находившееся в Вологодском уезде на реке Тошне в 17 верстах от г. Вологды [11]. Впрочем, это не уменьшает достоинства данной работы, дающей весьма полную картину условий жизни и быта населения, а также их влияния на состояние здоровья.

В последующее десятилетие (1890-е гг.) сколь либо значительные публикации, посвященные состоянию здоровья и заболеваемости населения Вологодской губернии, в местной периодической печати практически не

* Желтов Андрей Александрович (Вологда) – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России. E-mail: ztv73@mail.ru

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-00371а, «Культура питания и здоровье населения Вологодской земли в конце XIX – начале XX в.»).

появляются. Однако с началом же XX в. количество таких публикаций увеличивается многократно. Во многом это было обусловлено появлением у вологодской земской медицины своего периодического издания.

Обзоры и публикации по состоянию здоровья и заболеваемости населения в Вологодской губернии, появившиеся в начале XX в., существенно отличались от обобщающих работ XIX в. В XIX в. система медицинских учреждений была еще весьма слаборазвита, и не было возможности осуществлять в полной мере учет числа заболеваний. Единственное что имело относительно неплохо поставленный учет – это число смертных случаев от эпидемий опасных инфекционных заболеваний (таких как холера и натуральная оспа). Возможно, последнее было во многом обусловлено причиной налогообложения, т.к. данная причина смертности могла серьезно влиять на сокращение податного населения. Так, в работе М.Н. Максимовича перечисляются господствующие болезни, но не даются данные о числе заболевших. Зато в ней приводится статистика по причинам смертности.

До учреждения земств (до земской реформы Александра II) и последующего создания земской медицины, в уездах, как правило, имелся один государственный врач, обслуживавший преимущественно жителей уездного города. Сельское население не имело возможности получить медицинскую помощь и обращалось к местным знахарям. Данная ситуация хорошо описана у Е.П. Попова: «Врач выезжал из Кадникова в уезд не для врачебного пособия, а только для судебно-медицинской экспертизы, а крестьяне лечились “своими средствами” или обращались к знахарям. Средства этой самобытной народной медицины были иногда убийственны в буквальном смысле слова и обращали легкую болезнь в неизлечимую» [12]. Конечно, в случае инфекционных эпидемических заболеваний «народная медицина» оказывалась бессильной, но некоторые традицино-местные заболевания вполне поддавались ее лечению. Медики конца XIX – начала XX в. относились с предубеждением к народным способам лечения, что в их работах отчетливо проявляется.

Однако и после введения земской медицины становление сети медицинских учреждений в уездах происходило постепенно. Первоначально в каждом уезде появилось лишь по одному земскому врачу, но уже к 1870–1880-м гг. в уездах было создано по 2-3 врачебных участка. Например, Вологодский уезд был разделен на три врачебных участка в 1880 году [13]. Однако даже в 1887 г. Вельский, Грязовецкий, Устьсысольский, Яренский уезды еще не были разделены на врачебные участки. В Яренском уезде в это время на весь уезд был один земский врач, а в Вельском, Грязовецком по два врача. Максимально в этот период уезды делились на три врачебных участка [14].

Деятельность земских врачей практически сразу дала свои результаты, т.к. многие из них были энтузиастами своего дела. П. Грязнов и Н.П. Козловский, оставившие свои описания по Череповецкому и Вологодскому уездам, являлись земскими врачами в этот ранний период существования земской медицины. В работах этих авторов уже появляются более подробные статистические материалы, но применительно к ограниченным по территории местностям.

С июля 1902 г. начинает издаваться периодический журнал «Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии». Журнал издавался до 1916 г., но в центральной областной библиотеке последним из изданных сохранился лишь первый номер за 1914 год. Из статистических данных в нем содержатся сведения за январь, февраль, март 1914 г. В связи с этим в местных печатных упоминаниях обычно указывается, что журнал издавался с 1902 по 1914 г. [15]. Однако в центральных обзорах периодической медицинской печати отмечается период издания данного журнала как 1902–1916 гг. [16].

Особенно информативно-насыщенным журнал был в первый период своей деятельности примерно до 1910 г. В это период в нем публиковались отчеты врачей и фельдшеров, выезжавших на борьбу с эпидемиями. На протяжении всего времени существования в нем также размещались ежемесячные итоги по количеству заболевания в каждой волости. К сожалению, в этих сводных итоговых таблицах информация в некоторые месяцы могла отсутствовать по отдельным волостям и даже целым врачебным участкам, так как не всегда присылалась из них. В период с 1909 по 1911 г. также публиковались сводные итоги заболеваемости различными болезнями за предыдущий год и дополнительные сведения по заболеваемости, не вошедшие в помесечные обзоры. Однако начиная с 1912 г. в этих таблицах сокращается разнообразие учитываемых заболеваний. В частности перестают фиксироваться авитаминозы. К тому же, с 1911 г. информация, публикуемая в журнале, в значительной степени формализуется и начинает представлять только узко-медицинский интерес. В первый период (1902–1910 гг.) публикуются достаточно информативные и образные отчеты врачей и фельдшеров на место эпидемий, где показаны условия жизни и быта населения и вскрываются причины распространения заболеваний. Во второй же период (с 1911 г.) в журнале публикуются в основном наблюдения врачей городских больниц за пациентами и в связи с применяемыми к ним методиками лечения.

Из опубликованных в первый период деятельности журнала значительный интерес представляют богатые фактическим материалом санитарные обзоры отдельных территорий. По своей сути они являются комплексными исследованиями условия жизни и гигиенической обстановки для определенных местностей. Среди них нужно назвать работы Е.П. Попова «Западная часть Сычевской волости Вологодского уезда» и «Север Кадниковского уезда, медико-топографический очерк шести волостей», С.Ф. Галюна «Медико-топографический очерк западной

части Палемской волости Велико-Устюгского уезда», А. Черновского «Санитарный обзор Архангельской вол. Вологодского уезда», А. Чтецова «Краткий санитарный очерк Лузянской волости» [17].

В отношении статистических материалов по числу заболеваний различными болезнями, опубликованных во «Врачебно-санитарном обзоре Вологодской губернии» возникает очевидный вопрос: насколько они соответствуют действительной ситуации, т.е. насколько они репрезентативны.

Нужно признать, что цифры, приводимые отчетами земской статистики, были несколько (а иногда и значительно) ниже реального количества случаев заболеваний. Причин тому было несколько. В частности, полноценную информацию о заболеваниях просто не представлялось возможным собрать. Сеть земских медицинских пунктов (даже в начале XX в. – **когда она уже достаточно развилась**) была довольно редкой, и значительно число случаев заболеваний проходило мимо внимания земских врачей и фельдшеров. Если в центральной России в 1890-х гг. один врачебный участок обслуживал от 9500 до 28 тыс. чел., а радиус участков колебался от 17 до 39 верст, то в вологодских землях и в начале XX в. в некоторых уездах (Никольском, Кадниковском, Вологодском) на одного земского врача приходилось до 40 и более тыс. населения, а средние радиусы врачебных участков в северных уездах достигали сотен верст [18]. В более ранний период (в последние десятилетия XIX в.) ситуация с обеспечением населения медицинской помощью была еще сложнее. На первом съезде земских врачей Вологодской губернии в 1887 г., была отмечена следующая картина: «Величина врачебного участка по населению колеблется между 88 тыс. жителей (Грязовецкий уезд) и 25 тыс. жителей (один из участков Устюгского уезда). Средняя величина участка немного менее 49 тыс. жителей. По пространству средняя величина врачебного участка около 16,5 тысяч кв. верст. Самая значительная величина врачебного участка 150 т. кв. верст (весь Устьсысольский уезд)» [19]. На столь внушительную численность населения и обширное пространство уездов этого было явно недостаточно. Зачастую земские медики не успевали выявлять всех заболевших и фиксировать случаи заболеваний. Хорошей иллюстрацией тому может быть описание обследования населения в Архангельской волости Вологодского уезда в июне-июле 1903 года во время вспышки цинги эпидемическим фельдшером губернского земства И.П. Зарюгиным: «из числа этих больных до моего приезда зарегистрировано было 6, мною же зарегистрировано было 16. Из этих вновь обнаруженных больных большинство заболело еще в Великом Посту и лишь немногие в конце апреля и в мае» [20]. Командировка И.П. Зарюгина происходила в период с 5 июня по 13 июля, т.е. обнаруженные им больные заболели уже 3-4 месяца назад.

Недостаточное (неполное) выявление даже наиболее опасных заразных заболеваний признавалось самими земскими врачами: «Если принимать эти сведения об острозаразных заболеваниях за верные, то можно было бы придти к заключению о сравнительном благополучии описываемого района. Однако, повторяю, отсутствие правильной регистрации не может дать верной картины заболеваемости населения такого рода болезнями» [21]. Население же удаленных от врачебных пунктов селений вообще предпочитало не обращаться за медицинской помощью. С менее серьезными заболеваниями (например, с простудными которые были весьма многочисленны, но показывают весьма малую цифру в статистике) населения, проживавшее даже непосредственно рядом с врачебным пунктом, к врачам, как правило, не обращалось. Так же к врачам не общались с болезнями не представлявшими опасности для жизни: «... только когда в деревне помрут человека два, три от скарлатины, население обращается за медицинской помощью» [22]. Поэтому, например количество зафиксированных медиками простудных заболеваний составляло весьма незначительную долю от реального их количества.

К тому же многие болезни, в особенности незаразные, или совершенно не фиксировались, или регистрировались нерегулярно и не во всех уездах. Так, совершенно не отражается в официальной статистике рахит у детей, а по авитаминозам информация появляется лишь спорадически и лишь по отдельным уездам. Кроме того, земским врачам было предписано отражать в статистике каждого больного только один раз, даже если он болел за отчетный период разными болезнями (или сразу несколькими одновременно). Поэтому часть случаев заболевания не фиксировалась в статистических данных – если приходилось выбирать, то указывались наиболее тяжелые (инфекционные). К тому же крестьяне из удаленных от фельдшерских и врачебных пунктов деревень, в связи с сложностью добираться до них, нередко предпочитали лечиться самостоятельно, если имели необходимые лекарства.

Как уже отмечалось выше, в разные месяцы далеко не все фельдшерские пункты и врачебные участки представляли информацию о количестве заболевших. В общих итогах, при анализе это не учитывалось. Таким образом, выводы и заключения которые делались в «Обзорах распространение заразных заболеваний» нередко не соответствовали действительности и показывать спад заболеваемости в то время, когда, напротив, шла активная вспышка какой-либо болезни. Например, нередко заключения о сокращении числа заболеваний малярией в Кадниковском или Устюженском уездах делалось при сопоставлении данных с данными за аналогичный месяц прошлого года, хотя причина был лишь в не присланных данных (как указывалось в комментариях к самой же таблице).

К тому же в различных уездах и на разных врачебных участках по-разному подходили к учету и сбору информации по заболеваниям. Если по важнейшим опасным инфекционным заболеваниям частота случаев учиты-

валась практически всеми, то по простудным болезням и авитаминозам информация большинством врачебно-фельдшерских пунктов не предоставлялась.

Дополнительные искажения в общую статистику вносило существовавшее требование, учитывать одного человека в течении года лишь один раз, даже если за этот период болел несколькими разными болезнями. Эта специфика врачебно-санитарного учета также снижало общее число заболеваний по сравнению с реальной их цифрой.

В целом, земской статистике можно доверять (не меньше, а возможно даже больше чем современной статистике). Однако при этом необходимо принимать во внимание, что цифры будут несколько меньше реальных в связи со всеми вышеперечисленными обстоятельствами. Причем в отношении разных видов заболеваний их учетность будет различной. Так, число случаев заболеваний опасными инфекционными эпидемическими болезнями будет практически соответствовать реальному их количеству, тогда как простудные заболевания и болезни недостаточности были учтены лишь частично. Также при обращении к сведениям о заболеваемости, опубликованным во «Врачебно-санитарном обзоре Вологодской губернии» следует ориентироваться на непосредственные статистические (табличные) материалы, но не на сопутствующее им обзоры, которые своей буквальной оценкой могут вести в серьезное заблуждение.

Помимо статистики о заболеваемости публикуемой во «Врачебно-санитарном обзоре Вологодской губернии» была сделана попытка публиковать более подробные годовые итоги отдельным изданием. Известна лишь одна такая публикация включившая гораздо больший спектр болезней, разделенных на XX классов, внутри которых иногда выделялись еще и группы. Количество заболевших указывается по уездам с разделением по возрасту, семейному положению, сословной принадлежности, занятиям грамотности, но без указания на конкретное место проживания (волости и селения) [23].

Из прочих источников земской медицинской информации можно упомянуть публиковавшиеся во втором десятилетии XX в. отдельными ежегодными изданиями «Медико-хозяйственные отчеты губернского земства». В Вологодской областной научной библиотеке сохранились отчеты с 1911 по 1915 г. [24]. Однако несмотря на данное название отчеты отражают лишь деятельность одной центральной губернской земской больницы. В каждом отчете приводятся подробные сведения за один год о проведенных операциях и статистическая информация о больных, проходивших лечение стационарно и амбулаторно. Для целей оценки состояния здоровья и заболеваемости населения данные сведения малополезны, т.к. сложно определяема территория с которой поступали больные. Скорее всего, она преимущественно ограничивалась городом Вологдой и окрестными селениями. Впрочем, в некоторых случаях не исключено поступление заболевших и из более удаленных мест. В то же время в данных отчетах прослеживается гораздо больший список заболеваний, чем он отражался в общих по-губернских отчетах, публикуемых во «Врачебно-санитарном обзоре ...». Кроме вышеприведенных изданий также публиковались «Медико-хозяйственные отчеты по лечебным учреждениям Вологодского губернского земства» содержавшие опять же информацию по Губернской земской больнице и в качестве добавления к ней по Глазной больнице. Также в это время появляются отдельные издания отчетов по глазной и психиатрической больницам.

Источники и литература

1. Максимович М. Н. Медико-топографическое описание Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. – 1848. – № 43. (Суббота, октября 23 дня 1848 года. Часть неофициальная). – С. 495–498; – № 44. (Суббота, октября 30 дня 1848 года. Часть неофициальная). – С. 505–508; – № 45. (Суббота, ноября 6 дня 1848 года. Часть неофициальная). – С. 518–520; – № 46. (Суббота, ноября 13 дня 1848 года. Часть неофициальная). – С. 525–527; – № 47. (Суббота, ноября 20 дня 1848 года. Часть неофициальная). – С. 534–537.
2. Санитарное состояние Вологодской губернии в 1878 году // Вологодские губернские ведомости. – 1879. – № 67-71.
3. Држевецкий А.И. Медико-Топография Устьсысольскаго уезда, Вологодской губернии // Медико-Топографический Сборник. – 1871. – Т. II. – С. 451–556; и отдельно: СПб., 1872 (8, 105 стр.); Тур М. Эпидемические болезни, зырян Устьсысольскаго уезда Вологодской губернии // Врачебные Ведомости. – СПб., 1880. – № 416, 417 и Вологодские губернские ведомости. – 1880. – № 32, 34.
4. Орнатский В.И. Медикотопография и санитарное состояние губернского города Вологды. Диссертация на степень доктора медицины В.И. Орнатского, врача Вологодского местного военного лазарета. – СПб.: Типография департамента уделов, 1888.
5. Грязнов П. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда (с 12 диаграммами и картою). Диссертация на степень доктора медицины Павла Грязнова. – СПб., 1880.
6. Протоколы заседаний съезда земских врачей Вологодской губернии с 25-31 мая 1887 года. – Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления, 1887. – 299 с.
7. Голикова Н.И. Становление земской санитарно-гигиенической службы в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века // Стратегия и механизм управления: опыт и перспектива. Материалы научно-практической конференции (г. Вологда, 4-5 апреля 2008 г.). – Вологда, 2008. – С. 113–118.
8. Протоколы заседаний и доклады секций 2-го съезда земских врачей Вологодской губернии с 20-31 мая 1891 года. – Вологда, 1891. – 606 с.; Протоколы 3-го съезда земских врачей Вологодской губернии с 1-10 июня 1894 г. Часть 1-я.

- Вологда, 1894. – 665 с.; V съезд земских врачей Вологодской губернии (с 1-го по 10 июля 1901 г.). – Вологда, 1901; Труды VI губернского съезда земских врачей и представителей земств Вологодской губернии (15-28 августа 1904 года). – Вологда, 1904. 7-й съезд врачей и представителей земств и городов Вологодской губернии. 1-11 июля 1908 г. – Вологда, 1909; Труды VII губернского съезда земских врачей и представителей земств Вологодской губернии. 1-11 июля 1908 года. – Вологда, 1910. Труды VIII губернского съезда земских врачей и представителей земств Вологодской губернии. 5-14 июля 1912 года. – Вологда, 1913.
9. Протоколы вологодского губернского санитарного совета 1908 года и совещаний провизоров (с приложениями). – Вологда, 1909. – Вып. 3. – С. 55–62.
10. Галюн С.Ф. Распространение заразных заболеваний в Вологодской губернии в 1903 году. VI Съезд врачей Вологодской губернии. – Вологда, отд. изд., без года.
11. Козловский Н. П. Селения Вологодского уезда в санитарно-статистическом отношении за 1873 по 1883 гг. // Вологодский сборник. – Вологда, 1885. – Т. IV. – С. 234–270.
12. Север Кадниковского уезда, медико-топографический очерк шести волостей. Санитарно-эпидемического врача Е. П. Попова // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. – 1909. – Февраль – Вып. 2. – С. 307.
13. Протоколы заседаний Врачебного Совета при Вологодской Уездной Земской Управе. Заседание 20-го ноября 1902 г. // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. – 1902. – Вып. 3. (ноябрь-декабрь) (С. 19-24). – С. 19.
14. Свод сведений о существующей организации земской медицины в уездах Вологодской губернии, составленный второй секцией I-го съезда земских врачей // Протоколы заседаний съезда ...
15. Формирование и развитие службы // Сайт ФЗУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Вологодской области. <http://fguz.vologda.ru/history1.html>; Голикова Н.И. Указ. соч. – С. 117.
16. Большая медицинская энциклопедия. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1936. – Т. 17. – С. 289.
17. Западная часть Сычевской волости Вологодского уезда. (Медико-санитарный очерк эпидемич. врача Е.П. Попова) // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. – 1907. – Вып. 7. – Июль 1907 г. – Вологда, 1907. – С. 560-593; Север Кадниковского уезда, медико-топографический очерк шести волостей. Санитарно-эпидемического врача Е.П. Попова // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. 1909. – Вып. 4. – Апрель 1909 г. – С. 276- 341; Галюн С.Ф. Медико-топографический очерк западной части Палемской волости Велико-Устюгского уезда // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. – 1904. – Вып. 4. – № 4, 5. – С. 25–38; Санитарный обзор Архангельской вол. Вологодского уезда. Студента Воен.-Медиц. Академии А. Черновского // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. – 1906. – Вып. 7. – Июль 1906 г. (Сведения за июнь 1906 года). – С. 478–491; Чтецов А. Краткий санитарный очерк Лузянской волости // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. – Вып. 8. – Август 1907 г. (Сведения за июль 1907 года). – С. 698–704.
18. К характеристике деятельности Вологодского Губернского Земства по врачебно-медицинской части в 1901 году // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. – 1902. – Вып. 1. (июль-август). – С. 23–27.
19. Доклад секции по организации земской медицины в существующем ее устройстве и желательных частных изменениях // Протоколы заседаний съезда земских врачей Вологодской губернии с 25–31 мая 1887 года. – Вологда, 1887. – С. 31–34.
20. Отчет о командировке в Архангельскую волость Вологодского уезда по поводу развития в ней цынготных. Эпидемического фельдшера Губернского земства И.П. Зарюгина // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. – 1903. – № 6 (июнь). – С. 31–33.
21. Западная часть Сычевской волости Вологодского уезда. (Медико-санитарный очерк эпидемич. врача Е.П. Попова) // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. – Вологда, 1907. – Вып. 7. – Июль 1907 г. – С. 589.
22. Об эпидемиях оспы и скарлатины в IV врачебном Несвойском участке Вологодского уезда. Эпидемического фельдшера Вологодского Губ. Зем. П.П. Лукачева // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. 1907. – Август 1907 г. – Вып. 8. (Сведения за июль 1907 года). – С. 661.
23. Материалы заболеваемости населения Вологодской губернии за 1905 год. По данным карточной регистрации. Год первый. Вологда, б.г. – 89 с.
24. Медико-хозяйственные отчеты губернского земства за время с 1-го января 1911 по 1-е января 1912 года. – Вологда, 1912. – 158 с.; Медико-хозяйственные отчеты губернского земства за время с 1-го января 1912 по 1-е января 1913 года. – Вологда, 1913. – 137 с.; Медико-хозяйственные отчеты губернского земства за время с 1-го января 1912 по 1-е января 1913 года. – Вологда, 1913. – 137 с.; Медико-хозяйственные отчеты губернского земства за время с 1-го января 1910 по 1-е января 1911 года. – Вологда, 1911. – 170 с.; Медико-хозяйственные отчеты губернского земства за время с 1-го января 1913 по 1-е января 1914 года. – Вологда, 1914. – 291 с.; Медико-хозяйственные отчеты губернского земства за время с 1-го января 1914 по 1-е января 1915 года. – Вологда, 1916. – 189 с.; Медико-хозяйственные отчеты губернского земства за время с 1-го января 1915 по 1-е января 1916 года. – Вологда, 1918. – 162 с.

Особенности процессов брачности населения Обдорского севера в начале XX в.

Несмотря на значительное повышение в последнее время исследовательского интереса к различным аспектам истории Ямала (Ямало-Ненецкого автономного округа), проблемы демографического развития края как оставались, так и продолжают оставаться на некоторой периферии исторических исследований. Особенно это заметно по отношению к первой половине XX в., когда территория округа неоднократно передавалась в подчинение разным административным центрам.

Что касается более узкого хронологического отрезка, охватывающего самое начало XX в., то в этот период большая часть современной территории региона входила в состав Куноватской и Обдорской волостей Березовского уезда Тобольской губернии. Именно из этих волостей впоследствии будет образован сначала Обдорский район, а затем и Ямальский округ. Учетом движения населения в рамках Тобольской губернии занимался Губернский статистический комитет. Документация, отложившаяся в результате деятельности которого, дополненная документами церковных властей, предоставляет возможность изучить особенности естественного движения населения Ямала в первые десятилетия XX столетия. В данном случае остановимся на рассмотрении некоторых аспектов брачности.

Используемые источники имеют свою специфику, заключающуюся, прежде всего, в том, что население в них учитывалось в разрезе двух основных категорий: «православные» и «идолопоклонники». А поскольку регистрация браков находилась в руках церкви, то, следовательно, последняя категория автоматически выпадает из сферы анализа. Учет православного населения велся в соответствующих приходах. На территории Куноватской и Обдорской волостей в рассматриваемый период располагалось четыре православных прихода: Кушеватский, Мужевской, Обдорский Петро-Павловский и Обдорский миссионерский. Какие же этнические группы относились к ним? Под категорию «православных», прежде всего, попадали русские и зыряне. «По своему экономическому положению и быту, – писал В.В. Бартенов, – русские и зыряне до известной степени сливаются в одну общую массу. Русификация зырян и смешанные браки все более и более содействуют этому слиянию» [1]. Сюда относилась и определенная часть туземного населения, обращенного в православие. Его удельный вес, а также общее число жителей, относившихся к указанным приходам по состоянию на 1907–1908 гг. представлены в табл. 1, составленной на основании данных «Ведомостей» соответствующих церквей. Для сравнения приведем также данные об общей численности населения на тот же период (табл. 2).

Таблица 1

Численность и этнический состав православного населения приходов Куноватской и Обдорской волостей (1907–1908 гг.)*

Год	Название приходов	Волости, в которых находился приход	Общее количество прихожан			В том числе								
						Ханты			Ненцы			Прочие (русские и зыряне)		
			М.	Ж.	О.п.	М.	Ж.	О.п.	М.	Ж.	О.п.	М.	Ж.	О.п.
1908	Кушеватский	Куноватская	627	626	1253	586	576	1162	–	–	–	41	50	91
1907	Мужевской	Куноватская	890	870	1760	455	443	898	19	25	44	416	402	818
1908	Обдорский Петро-Павловский	Обдорская	364	416	780	–	–	–	–	–	–	364	416	780

* Составлено по: Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГУТО ГАТ) Ф. 156. Оп. 19. Д. 57. Л. 20 об., 66 об., 72 об.

Таблица 2

Численность и этнический состав населения Обдорского севера (1907 г.)*

Названия волостей	Зыряне		Ханты		Ненцы		Русские		Прочие		Всего	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Куноватская	370	387	1105	990	–	–	68	82	–	–	1543	1459
Обдорская	520	490	2106	1580	2345	2370	698	584	5	5	5674	5029
Итого	890	877	3211	2570	2345	2370	766	665	5	5	7217	6488

* Составлено по: ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 587. Л. 9об.-10.

* **Михалев Николай Анатольевич** (Екатеринбург) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: n.mikhalev@mail.ru

Как видно из сопоставления данных табл. 1 и табл. 2, суммарные показатели численности групп русских и зырян по Куноватской волости почти точно совпадают с численностью населения, отнесенного нами к графе «Прочие» (в источнике такое распределение отсутствует); совпадают и показатели общей численности населения волости и двух составлявших ее приходов. Видно также, что значительную часть прихожан соответствующих церквей (68%) составляло хантыйское население волости, большая часть которого (98%) относилась к категории «православных». По Обдорской волости за неимением данных такого сравнения провести нельзя. Известно, однако, что всего за 56-летний период с 1854 по 1910 г. Обдорской миссией было обращено «велико-возрастных инородцев» 2896 чел. обоего пола, а за время с 1897 по 1910 г. – 485 чел. [2]. И хотя эти данные не говорят об удельном весе принявших православие в общем количестве туземного населения волости, ясно, что их доля все же была невелика.

Исходным показателем для анализа любого демографического явления выступает абсолютный. Однако абсолютные показатели как таковые обладают чрезвычайно низким информационным потенциалом и требуют перехода к относительным показателям брачности. Определить последние возможно только для трех приходов. Причем, располагая соответствующими данными о рождаемости и смертности по указанным приходам, численность населения за 1909–1914 гг. при их расчете была вычислена на основе уравнения демографического баланса, в котором сальдо миграции условно приравнено нулю. А поскольку следующий из этого вывод о том, что население указанных приходов носило статус закрытого не является корректным, то и полученные таким образом общие коэффициенты брачности (табл. 3), за исключением показателей для 1908 г., носят приближенный, вероятностный характер. Тем не менее, из-за отсутствия иных сведений это допущение является вынужденным.

Таблица 3

*Динамика абсолютных чисел браков и общих коэффициентов брачности (ОКБр.) в двух волостях Обдорского севера, 1908–1914 гг.**

Год	Куноватская волость				Обдорская волость				Всего по двум волостям	
	Кушеватский приход		Мужевской приход		Петро-Павловский приход		Миссионерский приход			
	Число браков	ОКБр. (‰)	Число браков	ОКБр. (‰)	Число браков	ОКБр. (‰)	Число браков	ОКБр.	Число браков	ОКБр. (‰)**
1908	1	0,8	16	8,7	11	14,1	9	Нет сведений	37	7,2
1909	—	0	7	3,7	15	18,7	12		34	5,6
1910	2	1,6	11	5,7	20	24,8	11		44	8,2
1911	—	0	13	6,6	11	13,1	21		45	5,8
1912	—	0	9	4,4	12	13,8	26		47	5,0
1913	2	1,5	11	5,3	14	16,4	11		38	6,3
1914	1	0,8	19	8,9	15	16,9	8		43	8,0
Итого	6		86		98		98		288	

*Составлено по: ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. Д. 203. Л. 1; Д. 211. Л. 8; Д. 222. Л. 1; Д. 238. Л. 1; Д. 255. Л. 7; Д. 273. Л. 53 об., 41 об., 61 об., 57 об.; Д. 297. Л. 37, 37 об.

** За исключением Миссионерского прихода Обдорской волости.

Как показывает табл. 3., общие коэффициенты брачности в каждом из приходов демонстрировали в целом ряде случаев явно выраженную тенденцию к вариации. Интервал, внутри которого варьировали их значения вокруг среднеарифметической (среднее квадратичное отклонение), для Кушеватского прихода составлял 0,6, для Мужевского 1,9 и для Петро-Павловского прихода 3,7 ‰. Обращает на себя внимание и то, что интенсивность брачных процессов в разных приходах заметно отличалась. Так, наименьшее значение общих коэффициентов брачности имел в Кушеватском приходе, где он колебался от 0 (в 1911–1912 гг.) до 1,6 ‰ (1910 г.), в Мужевском его крайние значения равнялись 3,7 (1909 г.) и 8,9 ‰ (1914 г.), наибольшие значения коэффициента и наибольший их размах фиксировались по Петро-Павловскому приходу (от 13,1 в 1911 г. до 24,8 ‰ в 1910 г.), в связи с чем и среднее квадратичное отклонение здесь также было самым значительным.

Как показал Б.Н. Миронов, начиная с последней трети XIX в. в стране наметилась тенденция к повсеместному снижению уровня брачности, который в 1911–1913 гг. упал до 8,2, в том числе в деревне – до 8,4, а в городе – до 6,7 браков на тысячу [3]. Аналогичные тенденции фиксируются исследователями и по отношению к населению городов Западной Сибири [4]. На Обдорском севере, однако, как свидетельствуют приведенные выше данные, такого снижения не наблюдалось. Обладая склонностью к вариации, общие коэффициенты брачности в целом не формировали какой-либо ярко выраженной тенденции ни к своему увеличению, ни к снижению. По отдельным приходам, если сравнивать начальную и конечную точку отсчета (т.е. 1908 и 1914 гг.), данный коэффициент или увеличился (что вообще может объясняться не совсем корректными показателями численности населения, использованными для его расчета), или остался примерно на том же уровне.

Одной из важнейших характеристик процессов брачности является сезонность браков. В.А. Зверев, подробно изучивший семейный демографический календарь сибирского крестьянства второй половины XIX – начала XX в., пришел к выводу о наличии двух всплесков матримониальной активности в году: зимнего в январе-феврале, когда заключали 50–60 % всех браков, и осеннего в октябре-ноябре, на который приходилось почти 20 % свадеб. В марте и декабре брачная активность населения практически замирала совсем, в августе она была крайне низкой и в остальные месяцы количество свадеб было относительно невелико. Причем, автор подчеркивает, что эти закономерности были присущи селениям всей Сибири [5]. В табл. 4. показано помесечное распределение браков православного населения Обдорского севера по суммарным данным за 1908–1914 гг. [6].

Таблица 4

*Распределение браков православного населения Куноватской и Обдорской волостей по месяцам года**

Месяцы	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	Итого		Средняя помесечная	Индекс сезонности
								Абс.	%		
I	12	11	6	9	17	7	20	82	28,5	11,7	344,1
II	10	0	12	8	0	11	6	47	16,3	6,7	197,0
III	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
IV	2	3	3	5	4	1	2	20	6,9	2,8	82,3
V	2	4	1	1	2	6	2	18	6,2	2,6	76,5
VI	0	0	1	0	5	2	1	9	3,1	1,3	38,2
VII	0	1	1	0	0	0	0	2	0,7	0,3	8,8
VIII	0	1	0	0	2	3	0	6	2,1	0,8	23,5
IX	1	2	5	3	3	1	2	17	5,9	2,4	70,6
X	1	4	10	4	5	1	2	27	9,4	3,8	111,8
XI	8	5	5	15	9	6	5	53	18,4	7,6	223,5
XII	1	3	0	0	0	0	3	7	2,4	1	29,4
Итого	37	34	44	45	47	38	43	288	100	41	1205,5
Средняя месячная за год	3,1	2,8	3,7	3,8	3,9	3,2	3,6	3,4		3,4	100

* Составлено по и подсчитано по: ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 203. Л. 38 об., 36 об., 34 об., 35 об.; Д. 211. Л. 42 об., 41 об., 39 об., 40 об.; Д. 222. Л. 39 об., 38 об., 36 об., 37 об.; Д. 238. Л. 40 об., 39 об., 37 об., 38 об.; Д. 255. Л. 32 об., 31 об., 41 об., 42 об.; Д. 273. Л. 53 об., 41 об., 57 об., 61 об., Д. 297. Л. 73 об., 75 об., 79 об., 77 об.

Приведенные данные также свидетельствуют о наличии зимнего и осеннего пиков брачной активности. На январь и февраль приходилось почти 45 % заключенных браков, чем и были обусловлены высокие индексы сезонности этих месяцев: у января – 344,1 %, у февраля – 197,0 %. В ходе осеннего всплеска было заключено почти 30% браков в рамках исследуемого семилетнего периода (9,4 % в октябре и 18,4 % в ноябре), индекс сезонности этих осенних месяцев составил 111,8 и 223,5 % соответственно. Март был отмечен абсолютным минимумом брачной активности, на протяжении семи лет в марте не было заключено ни одного брака. Следующий спад, как и у В.А. Зверева, приходился на летние месяцы, доля браков в течение которых равнялась примерно 6%, правда наименьшее количество браков фиксируется не в августе, а в июле (0,7 %, индекс сезонности 8,8 %). Несколько большая, чем по данным В.А. Зверева, доля браков наблюдалась в апреле (6,9 %), мае (6,2 %) и сентябре (5,9%), индекс сезонности которых составлял 82,4, 76,5 и 70,6 % соответственно. Наконец, декабрьские данные не позволяют сделать вывод о почти полном замирании брачной активности в этот месяц, хотя значение его индекса сезонности было все же невысоким (29,4 %).

Говоря о сезонной волне браков, нельзя не отметить, что в значительной степени ход последней определялся действием культурно-религиозного фактора. Православная церковь не венчала браки во время четырех многодневных постов: Великого (он длился 48 дней перед Пасхой и почти всегда включал в себя март), Петрова (20 дней в мае-июне), Успенского (1-14 августа) и Рождественского (15 ноября-24 декабря). Действовал религиозный запрет на браки между Рождеством и Крещением (25 декабря-6 января), а также во все дни масленицы – недели перед Великим постом и в пасхальную неделю. Именно указанные церковные запреты и предопределяли резкое снижение брачной активности православного населения в марте, августе и декабре. Однако определенную часть населения, относившегося к рассматриваемым приходам, составляли представители коренных народов, обращенных в православие. Эта часть требовала к себе особо гибкого подхода. Так, И.С. Шемановского в частности отмечал: «Остяки ... венчаются во время летних приездов к ним пастырей с походной церковью; са-

моеды, за редкими исключениями, обыкновенно венчаются при просвещении св[ятой] верою... ». Причем, дабы не было препятствий к повенчанию последних, Священный Синод специальным указом от 29 апреля 1900 г. за № 2636 разрешил венчать кочевников Обдорского севера между 25 декабря и 6 января, когда были нередки случаи обращения самоедов, подкочевывавших к Обдорску, к миссионерам с просьбами о крещении [7].

Следующей немаловажной характеристикой брачности является возраст вступления в брак. Распределение населения по возрасту вступления в брак показано в табл. 5.

Таблица 5

Распределение православного населения Куноватской и Обдорской волостей по полу и возрасту вступления в брак*

Возрастные группы, лет	Год									
	1908		1909		1910		1911		1912	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
До 20	5	15	4	13	4	24	3	15	3	20
21-25	8	11	10	13	19	11	12	14	20	15
26-30	12	7	10	3	10	5	13	7	15	6
31-35	7	1	3	2	8	3	11	5	6	3
36-40	3	1	0	2	2	1	3	2	1	2
41-45	2	2	1	1	1	0	0	1	0	0
46-50	0	0	2	0	0	0	1	1	0	0
50 и выше	0	0	4	0	0	0	2	0	2	1
Итого	37	37	34	34	44	44	45	45	47	47

Окончание табл. 5

Возрастные группы, лет	Год			
	1913		1914	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
До 20	3	15	2	14
20-25	15	16	13	19
25-30	11	2	16	6
30-35	5	3	6	0
35-40	2	1	1	2
40-45	1	0	3	1
45-50	0	0	0	0
50 и выше	1	1	2	1
Итого	38	38	43	43

* Составлено и подсчитано по тем же источникам, что и табл. 4.

Исходя из этих данных можно определить такие структурные показатели, как коэффициент склонности к ранним бракам, коэффициент потенциально продуктивных браков и коэффициент поздних браков, значения которых применительно к православному населению рассматриваемых северных волостей приведены в табл. 6.

Таблица 6

Структурные характеристики браков населения Куноватской и Обдорской волостей*

Показатель, %	1908 г.		1909 г.		1910 г.		1911 г.		1912 г.		1913 г.		1914 г.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Коэффициент склонности к ранним бракам	13,5	40,5	11,8	38,2	9,1	54,5	6,7	33,3	6,4	42,6	7,9	39,5	4,6	32,6
Доля потенциально-продуктивных браков	100	100	88,2	100	100	100	95,6	100	95,7	97,9	97,4	97,4	95,3	97,7
Доля поздних браков	---	---	11,8	---	---	---	4,4	---	4,2	2,1	2,6	2,6	4,6	2,3

* Составлено по данным табл. 5.

Данные табл. 5 и 6 наглядно свидетельствуют о том, что подавляющее большинство браков как мужчинами, так и женщинами заключалось в возрасте до 50 лет. Отсюда коэффициент потенциально продуктивных браков,

т.е. браков заключенных в детородном возрасте, у мужчин колебался от 88,2 до 100 %, составляя в среднем за семь лет 96 %, у женщин этот показатель находился в пределах от 95,3 до 100% и в среднем составлял 99 %. Значения же коэффициента склонности к ранним бракам у мужчин и женщин расходились гораздо заметнее. Доля браков, заключенных женщинами в возрасте до 20 лет составляла в разные годы от 32,6 до 54,5 %, равняясь в среднем 40 %. Количество мужчин, заключивших подобные браки, было намного меньшим, в результате чего коэффициент склонности к ранним бракам в данном случае колебался всего от 4,6 до 13,5 % (в среднем – 8,5 %). Доля поздних браков, т.е. заключенных в возрасте, превышающем границу детородного, и у мужчин, и у женщин была невелика, причем мужчины вступали в такие браки чаще, для них соответствующий коэффициент в среднем за период 1908–1914 гг. имел величину 4 % (у женщин – всего 1 %).

Наряду с рассмотренными выше показателями возраст вступления в брак характеризует также средний, медианный и модальный возраст брачующихся женщин и мужчин.

Таблица 7

**Средние характеристики возраста вступления в брак православного населения
Куноватской и Обдорской волостей, 1908–1914 гг.***

Возраст	1908 г.		1909 г.		1910 г.		1911 г.		1912 г.		1913 г.		1914 г.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Средний	28,1	23,7	30,2	23,6	26,6	21,9	29,4	24,9	27,1	23,4	27,0	22,8	28,7	23,4
Медианный	27,8	22,3	27,2	22,2	24,8	19,7	28,3	23,1	26,1	21,9	25,4	21,2	27,0	22,0
Модальный	27,8	19,2	25,0	20,0	23,5	18,6	27,3	19,8	24,1	19,2	23,8	20,3	26,1	21,4

* Рассчитано по данным табл. 5.

Имеющиеся данные показывают, что средний возраст вступления в брак у мужчин в разные годы рассматриваемого семилетнего отрезка колебался от 26,6 до 30,2 лет (среднее квадратичное отклонение – 1,2 года, коэффициент вариации – 4,4 %), рассчитанный же для всего периода 1908–1914 гг. он составил 28,1 года. У женщин этот показатель варьировал от 21,9 до 24,9 лет (среднее квадратичное отклонение при этом 0,8 лет, коэффициент вариации – 3,6 %), а для семилетнего периода был равен 23,3 лет. В силу этого обстоятельства разность между средним возрастом вступления в брак мужчин и женщин хотя и доходила в 1909 г. до 6,6 лет, в среднем все же составляла 4,8 года. Медианный возраст брачующихся, т.е. возраст, до и после которого в брак вступает половина людей изучаемой совокупности, у мужчин изменялся в течение 1908–1914 гг. от 24,8 до 28,3 лет (его среднее квадратичное отклонение составило 1,2 года, а коэффициент вариации – 4,4 %), в среднем за семь лет он был равен 26,6 лет. Колебания медианного возраста у женщин были также незначительны, находясь в границах от 19,7 до 23,1 года (среднее квадратичное отклонение в этом случае 1 год, коэффициент вариации – 4,5 %), в среднем он составлял 21,8 года. Модальный возраст брачующихся, т.е. возраст, в котором число вступивших в брак достигает своего максимального значения, наиболее распространенный возраст вступления в брак, также неизбежно сохранял различия между возрастом мужчин и женщин. Значение этого показателя для мужчин отклонялось в сторону от своего среднего уровня на 1,6 года (коэффициент вариации – 6,3 %) и в среднем за период 1908–1914 гг. достигло 25 лет. У женщин модальный возраст вступления в брак, обладая еще меньшей тенденцией к какой-либо флуктуации (среднее квадратичное отклонение – 0,8 года, коэффициент вариации – 4,3 %), за семь лет оказался равен 20 годам.

Методологической основой большей части историко-демографических работ сегодня выступает теория модернизации, применительно к демографической сфере общества выражающаяся в концепции демографического перехода. В соответствии с этой концепцией в процессе трансформации, перехода от традиционного общества к современному происходят качественные изменения типа воспроизводства населения.

Что касается брака, то его объективный смысл всегда заключался в том, что он создавал социальные рамки отношений мужчины и женщины в той части этих отношений, которая касалась сексуальной жизни и воспроизводства потомства. Эта система отношений между супругами с необходимостью предписывалась всеми условиями, в которых жил человек, но прежде всего – условиями демографическими. Высокая смертность, свойственная традиционному типу воспроизводства населения, делала необходимой устойчиво высокую рождаемость, обеспечить которую можно было, только подчинив связанное с производством потомства массовое поведение людей жестким правилам [8]. Именно отсюда, в частности, вытекла традиция ранних браков, обуславливавшая то, что в начале XX столетия более половины всех невест и около трети женихов в Европейской России были не старше 20 лет. Для Сибири и Севера Европейской части России традиционная модель брачности предусматривала несколько более высокий возраст вступления в брак, но и там 80 и более процентов девушек вступали в брак до 25 лет [9].

Таким образом, рассмотренные выше характеристики брачности православного населения Обдорского севера свидетельствовали о существовании в регионе в начале XX в. традиционного типа воспроизводства. Доля

женщин, вступающих в брак до 20 лет, составляла здесь 40 %. До 25 лет в брак вступало 42 % мужчин и 75 % женщин. В силу этого модальный, т.е. наиболее распространенный возраст вступления в брак в рассматриваемый период 1908–1914 гг. у мужчин составил 25, у женщин – 20 лет, а медианный, т.е. характерный для половины брачующихся, – 26,6 и 21,8 лет соответственно. Традиционная модель брачности проявляла себя также в сезонности браков, особенности которой определялись, прежде всего, религиозным фактором.

Источники и литература

1. Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // *Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века* / Сост. Л.П. Рошевская, В.К. Белобородов. – Екатеринбург, 1998. – С. 145.
2. Иринарх (И.С. Шемановский) История Обдорской духовной миссии. 1854–1904 гг. – М., 1906. – С. 168–169; Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // Шемановский И.С. Избранные труды / Составитель Л.Ф. Липатова. – М., 2005. – С. 277, 279, 282, 284, 286, 289.
3. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). **Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества государства.** – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 173.
4. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. I: Население. Экономика. – Барнаул, 2003. – С. 123–124.
5. Зверев В.А. Семейный демографический календарь: годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // **Семья в ракурсе социального знания: сб. ст. – Барнаул, 2001. – С. 131; см. также** Мионов Б.Н. Указ. соч. – С. 169–171; Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул, 2002. – С. 182–183.
6. Использованная методика анализа сезонности демографических явлений подробно описана в: Венецкий И.Г. Статистические методы в демографии. – М., 1977. – С. 14–16; а также в многочисленных учебниках по общей теории статистики, см, напр.: Статистика населения с основами демографии. – М., 1990. – С. 161–163; Теория статистики / Под ред. Р.А.Шмойловой. – М., 2005. – С. 453–460; Октябрьский П.Я. Статистика. – М., 2005. – С. 71–72; и др.
7. Иринарх (И.С. Шемановский). Указ. соч. – С. 153.
8. См. подробнее: Демографическая модернизация России. 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. – М., 2006. – Гл. 4.
9. Там же. – С. 50–51.

Эмиграция старообрядцев Приморья в Маньчжурию (20–30-е годы XX в.)

Обращение к истории, к истокам и корням культуры различных народов, проживавших в местах их первоначального поселения и в позднее осваиваемых азиатских регионах, к которым относится Дальний Восток и некоторые сопредельные страны, стало общественной потребностью и важными задачами науки на рубеже XX–XXI вв. Освоение огромных просторов России к востоку от Урала осуществлялось преимущественно русскими и их этнокультурными группами. Изучение последних, попавших в новые условия жизни, позволяет проследить общее и особенное в их развитии.

Исторические особенности расселения русского народа на обширных просторах восточных регионов России привели к образованию там ряда локальных старообрядческих общностей, и возникновению районов со смешанным в этническом и конфессиональном отношении населением. Именно такой «сплав» народов, их этнографических и религиозных групп сформировался в южной части Дальнего Востока России, в которую входят современные Амурская и Еврейская автономная области, Приморский и Хабаровский края. Это зона компактного и дисперсного расселения различных народов, среди которых во второй половине XIX – начале XX в. выделялись группы аборигенного (тунгусо-маньчжурского и палеоазиатского), пришлого – восточнославянского (русские, украинцы, белорусы) и восточноазиатского (китайцы, корейцы) населения. Среди них приоритетное значение в освоении дальневосточных земель принадлежит русским, так как именно они еще в XVII в. начали осваивать левобережье р.Амура, окончательно закрепились на этих землях в середине XIX в. и в настоящее время составляют подавляющее большинство населения Дальневосточного региона. Именно русские первыми принесли на эти земли традиционную культуру восточных славян.

Для рассматриваемого региона особенно важно изучение русских старообрядцев, которые в 50–60-х гг. XIX в., наряду с казаками, первыми пришли на дальневосточные земли, начали их освоение, заложили основу русской оседлости и традиции народного быта. Именно старообрядческие сообщества, неединообразные по генетическим корням и по внутренним духовным воззрениям, «руссейшие из русских», спасители национальных традиций [1], как показали исследования, явились хранителями культурных традиций русских в Дальневосточном регионе и в сопредельной Маньчжурии.

Исследование русского старообрядчества приобрело особую актуальность в последние годы в связи с активизацией национально-культурных процессов и движений, со стремлением к возрождению нравственных основ и духовных ценностей этносов, в том числе русского народа. Нельзя также забывать, что социальные эксперименты в России XX в., осуществленные среди российских народов, привели к большим трагедиям. Они потрясли и в значительной степени разрушили традиционный быт и культуру русского крестьянства, скрепляющим нравственным началом которого было православие, объявленное в первой трети XX в., как и все религии в России, вне закона. Необходимо помнить об особой актуальности этой проблемы сегодня, когда мы находимся на переломном этапе развития. Не находя ответы на многие проблемы современности, политические, культурные и социальные силы России обращают свой взгляд в прошлое, к культуре русского народа, к его вероисповеданию, к проблеме раскола, к истории старообрядчества как хранителя исконно русских традиций. Важно, что православное, в том числе старообрядческое, крестьянство накопило существенный опыт в разрешении таких важных вопросов, всегда волновавших общество, как отношение населения к власти, к народу, к земле, сохранению и развитию национальных традиций. В настоящее время, когда наша страна переживает затянувшийся переходный период, внимание различных сил вновь привлекает старообрядчество, ставшее во второй половине XX в. русским явлением для многих стран мира [2].

Такая ситуация сложилась в результате активных миграционных процессов среди старообрядческого населения. Если в XVIII–XIX вв. компактные старообрядческие поселения были характерны для ряда европейских государств (Австрия, Болгария, Румыния, Турция, Польша), куда они попали после раскола русской православной церкви, то во второй половине XX в. старообрядцы расселились на другие континенты (Австралия, Южная и Северная Америка). Миграция в эти регионы была характерна преимущественно для так называемых «маньчжурских» или «харбинских» старообрядцев, сформировавшихся, в свою очередь преимущественно из дальневосточных старообрядческих поселений.

В этом отношении заслуживает внимание исследование опыта миграции, адаптации и сохранения русской культуры старообрядцами южной части Дальнего Востока – Приамурья и особенно Приморья, эмигрировавшими в 1920–1930-е гг. в Маньчжурию.

* Аргудяева Юлия Викторовна (Владивосток) – доктор исторических наук, зав. отделом этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: argudiaeva@mail.ru

В Приморье различные группы старообрядцев прибыли во второй половине XIX – начале XX в. из европейской части России, Урала, Сибири, Забайкалья, Амурской области. Это привело к поливариантности традиционной культуры русского этноса, принесшего на восток России как южнорусские, так и севернорусские традиции. В короткие сроки, восприняв некоторые приемы хозяйствования у аборигенных и живших здесь представителей восточно-азиатских народов, они приспособили традиции хозяйственного уклада, материальной культуры и семейного быта к местным условиям и создали крепкие хозяйства, которые могли не только кормить их многодетные семьи, но и давать товарную продукцию. Все это было крайне важно в малонаселенном регионе. Большинство хорошо поставленных хозяйств староверов отличались стабильностью и зажиточностью.

Миграционная активность дальневосточных старообрядческих сообществ в 1920–1930-е гг. была связана с целым рядом причин – политических, социально-экономических и культурных, обусловленных действиями советской власти.

Наступление на крестьян во всех регионах страны, в том числе и на Дальнем Востоке, началось в конце 1920-х гг. Разразившийся хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. привел к конфискации у крестьян хлеба, нередко даже семенного. Его забирали не только у зажиточных, но и у середняков и даже бедняков, оставляя крестьянскую семью на грани голода. Владельцев излишков или спрятанного хлеба зачисляли в «кулаки», обвиняли в спекуляции и контрреволюционной агитации. Нередко забирали не только зерновые, но и скот, описывали все имущество и обобществляли его. Многих крестьян-дальневосточников стали высылать семьями в отдаленные районы дальневосточного региона. В некоторых деревнях глав семейств забирали на общественные работы – лесозаготовки, рыбалки и др.; их семьи, лишившись всего хозяйства, оставались практически голодными. К социально-экономическим мотивам давления на крестьян присовокуплялись и гонения за религиозную принадлежность, которая, в условия развернувшейся атеистической пропаганды, коснулась прежде всего наиболее стойких в вере приверженцев староверия.

Таким образом, установления и действия советской власти конца 1920 – начала 1930-х гг. практически свели к нулю все усилия конфессиональных групп русского крестьянства по функционированию некогда крепких и зажиточных хозяйств. Введенные в этот период в Советской России для крестьян немалые налоги, хлебозаготовки и мясopоставки, твердые задания, начавшееся затем раскулачивание, кооперирование и коллективизация, послужили причиной возникновения взрывоопасной ситуации, спровоцировали ответную реакцию крестьян, принявшую разные формы – ответный террор в отношении органов советской власти, открытые крестьянские выступления (так называемое Кхуцинское (Улунгинское) вооруженное выступление старообрядцев 1932 г. в Приморье) и др.

Иные тайно уходили за рубеж, в Северный Китай, в частности, в соседнюю Восточную Маньчжурию. Некоторые семьи староверов за несколько месяцев до побега поселялись в приграничных населенных пунктах, устраивались там работать на производстве, преимущественно рыболовами или охотниками, заводили даже огороды, но в удобный момент, ночью уходили за кордон. Так перебрались за границу ряд семей из таежных приморских деревень, расположенных в бассейне р. Уссури (Архиповка, Варпаховка, Виноградовка, Каменка, Лазаревка, Лужки, Халаза и др.) и даже в бассейнах северных рек (Единка, Перетычиха).

В Китае многие приморские крестьяне- старообрядцы селились первоначально в Трехречье, где еще в конце XIX – начале XX в. сформировалось несколько казачьих и крестьянских, в том числе старообрядческих, поселений, или недалеко от г. Харбина. Здесь их какое то время материально поддерживал Главное бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ). В Харбине – узлом пункте Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и под Харбином в 1930-е гг. уже было сосредоточено многотысячное русское население, сформировавшееся здесь как в дореволюционные, так и в первые послереволюционные годы. Вблизи Харбина, недалеко от КВЖД семьи дальневосточных староверов основали деревни Массаловку (Чипигу), Медяны, Коломбо, Силинхэ, Романовку, названную так в честь последнего русского царя. Сюда стали стекаться дальневосточные староверы, поселившиеся отдельными семьями в разных уголках Маньчжурии, в том числе в Трехречье, Синьцзяне, куда мигрировали в основном раскольники Алтая. В частности, в Коломбо обосновались Гостевские и Басаргины, в Селинхе – Мартюшевы, в Романовке — Бодуновы, Гуськовы, Зубаревы, Калугины, Коневы, Коншины (Коньшины), Кустовы, Куцёвы, Малаховы, Мелентьевы, Одинцовы, Павловы, Поздеевы, Поносовы, Селедковы (Селетковы), Фелеловы и др.

Большинство из перечисленных глав старообрядческих путей переправились в Маньчжурию разными путями – через р. Уссури и ее притоки, р. Иман, оз. Ханка и др. Обратимся к примерам – информации самих старообрядцев-реэмигрантов и архивным материалам БРЭМ. Известный в Романовке начетчик Бодунов Ксенофонт Петрович до 1925 г. жил в дер. Каменка Чугуевской волости Южно-Уссурийского края., откуда из-за начавшихся советских преобразований переехал в глухую тайгу, на хут. Перевал. Но и здесь смог продержаться только до начала 1930-х гг. В июле 1931 г. тайно с семьей перебрался в Маньчжурию. Первоначально поселился в Селинхе, затем некоторое время жил в Трехречье и в 1937 г. окончательно обосновался в Романовке.

Родственные семьи Мартюшевых начали перебираться в Северный Китай еще в 1920-х гг. Некоторые из них состояли в этот период в вооруженных отрядах, делавших набеги на органы советской власти. Мартюшева Ивана

Савича, жившего в дер. Каменка, в 1925 г. призвали на службу в Красную Армию. Явился на призывной пункт, и оттуда эмигрировал в Маньчжурию. Весной 1931 г. бежали в Маньчжурию вместе со своими семьями жители Каменки и Лужков братья Григорий и Иосиф и их племянник Николай Мартюшевы. Сплаваясь по притокам бурных рек Сихотэ-Алиня Ното и Фудзину, они попали в залом. В результате Николай и двое детей утонули; жена Николая вернулась обратно, остальные проследовали по намеченному пути и перешли границу через р. Усури. Мартюшев Андрей Лазаревич жил в Приморье в деревнях Петропавловке, Каменке и оттуда, через дер. Ильинка на оз. Ханка, бежал в Маньчжурию в 1932 г.

Семья Селедкова (Селеткова) Ивана Трофимовича жила в Приморье в разных населенных пунктах бывшей Ивановской волости Южно-Уссурийского края. В 1933 г. их раскулачили – забрали последнюю лошадь, корову, охотничьи ружья. Оставшаяся практически без ничего семья перебралась в мае 1933 г. на р. Подхоренок – приток р. Усури, в пос. Дормидонтовку, недалеко от границы с Китаем. Здесь Иван Селетков, его зятя Фелелов Иван и Одинцов Николай устроились работать на местный лесопильный завод; посадили огород. Через полтора месяца тайно, ночью, на лодках, заплатив китайцам, перешли границу. Вначале поселились в пос. Селинхе, затем – в Романовке.

Будущий муж младшей дочери Ивана Селеткова – Агапеи, Агафон Корнильевич Гуськов прибыл в Маньчжурию с родителями в сентябре 1935 г. тоже через пос. Дормидонтовку, куда главу семейства – Корнилия Гуськова, после раскулачивания, оправили на принудительные работы на лесопильный завод; откуда семья и бежала в пределы Маньчжурии.

Родственные семьи Басаргиных с конца XIX в. по 1924–1926 гг. находились в дер. Каменка Южно-Уссурийского края. В 1924–1926 гг., уходя от мероприятий Советской власти, переселились на север Приморья, на побережье Японского моря и отделившимися семьями обосновались в деревнях Единка и Перетычиха. Но и здесь жизнь их не была спокойной. Так, Басаргин Фотий Михайлович, был в 1933 г. вместе с семьей выслан в совхоз ОГПУ (под Владивостоком), затем переведен работать на лесопильный завод в пос. Дормидонтовка, откуда в 1935 г. семейство бежало в Маньчжурию. Семья Басаргина Василия Абрамовича в 1932 г. перебралась в с. Раздольное под Никольск-Уссурийском, и уже оттуда, в 1933 г. бежала в Маньчжурию. Эти примеры можно продолжить. Все старообрядцы, по данным БРЭМа, в качестве основной причины эмиграции указывали «бегство от советской власти».

Созданные в Маньчжурии русские деревни быстро разрастались. Некоторые старообрядческие населенные пункты достигали нескольких десятков хозяйств. Например, к лету 1945 г. в Романовке насчитывалось более 40 дворов и свыше 200 жителей. Старообрядческие деревни были заселены преимущественно беспоповцами-часовенными.

В Маньчжурии, как и на Дальнем Востоке, конфессиональная община слилась с сельской – традиционного для русских крестьян органа, регулирующего общественную, духовную и бытовую жизнь деревни. Все дела общины, традиций которой строго придерживались в религиозной, общественной и семейной жизни, решались общим собранием взрослых мужчин – «миром». Немалая роль в повседневном руководстве общины играли выборные сельский староста и начетчик.

Хозяйство староверов-харбинцев было натуральным, основанным по традициям русских на земледелии и скотоводстве, которые дополнялись рыболовством и охотой на диких животных. Сходные природные условия жизнедеятельности позволяли перенести в новый регион все используемые на прежнем месте жительства способы жизнеобеспечения, но кое-что все же было заимствовано у китайцев.

В хлебопашестве и скотоводстве придерживались земледельческого календаря. Способы обработки земли – экстенсивные, т.е. поля засеивались ежегодно, без отдыха и внесения удобрений. Корни такого способа земледелия – в привычке, принесенной старообрядцами из Приморья и Приамурья, где из-за обилия земель использованную пашню можно было бросить и взамен распахать сколько угодно новой. Пашни были небольшие, по две-три десятины. Сочетание использования традиционных сельхозорудий и применения силы животных в обработке земли, обмолоте зерновых, на покосе староверами, по сравнению с обычными для маньчжурских крестьян орудиями труда, давало значительный эффект. Структура занятости и трудовой годовой цикл также отличались у русских и маньчжурских крестьян и прежде всего тем, что у старообрядцев было строгое половозрастное разделение труда и традиция в воскресные и праздничные дни по законам религии не работать.

Основной набор высеваемых культур был аналогичен приморским – рожь, яровая пшеница, овес, гречиха, просо. Земледелие развивалось, как и на юге Дальнего Востока, лишь для самообеспечения: сеяли столько хлеба, сколько было необходимо для годового пропитания семьи.

Уборка зерновых старообрядцами осуществлялась в соответствии с русской традицией – косой с *грабками* (мужчины) или серпом (женщины). Женщины и девочки-подростки вязали снопы, которые складывали в суслоны. Молотили зерно после Покрова, 1 (14) октября, до снега, обычно конной молотилкой, пуская по кругу четыре пары лошадей. Использование молотилок вместо ручных молотил значительно увеличивало производительность труда русских крестьян и позволяло им, по сравнению с местными крестьянами, собирать более высокие урожаи.

На приусадебных участках выращивали различные огородные культуры (картофель, тыкву, брюкву, редьку, огурцы, морковь, свеклу, помидоры, капусту и др.), которые на зиму заготавливали впрок. Некоторые, по примеру китайцев, сеяли мак, добывали опиум и сбывали его китайским крестьянам. Выращивали и сузу (масленичное растение), используемую в кулинарии и для приготовления растительного масла. Эту культуру заимствовали еще в Приморье от живших там китайцев. Полностью себя маньчжурские старообрядцы не обеспечивали земледельческой продукцией. Часть ее, в частности, муку, рис, растительное масло, покупали у соседей-китайцев и живших по соседству группы корейцев.

Дополнительное питание, материал для верхней одежды и обуви давал охотничий промысел – охота на боровую дичь и мясного (медведь, кабан, изюбрь, косуля, горный козел) зверя. Охотничий промысел служил и основным источником наличных денег – дополнительного дохода от продажи шкур пушных зверей, пантов (молодых рогов) изюбрей с целью сбыта их китайцам, которые использовали их в медицинских целях [3]. Добывали старообрядцы и живых тигрят, которых за хорошую плату продавали через Харбин для зоопарков и цирков Китая и других стран.

Придерживались традиций русского крестьянства и в бытовом укладе, материальной культуре, семейной и календарной обрядности. Так, в брак вступали исключительно со старообрядцами-часовенными, с учетом брачных запретов до восьми степеней по кровному, а также по духовному (кумовья) родству.

Жилища, как и в южной части дальневосточного региона строили, используя рациональный для местных климатических условий строительный материал (дерево), применяя традиционную технику русского зодчества. В русских традициях сооружали крышу, потолок, погреб под избой для хранения в зимний период овощей. Интерьер избы также был традиционен русским. Его основу составляла так называемая «русская печь», служившая для приготовления пищи, обогрева помещения, спального места для стариков и детей, медицинских целей. По диагонали от печи располагался «красный угол» с иконами; там же стояли обеденный стол и лавки; в других углах – супружеская кровать, сундуки. Освещали жилище свечами из пчелиного воска.

Традиционной оставалась одежда старообрядцев и прежде всего нательная. Материалы для изготовления одежды поставляла окружающая среда (мех, шкуры диких животных), собственное хозяйство (шкуры домашних животных, овечью шерсть, выращиваемые на огородах лен и коноплю) и торговые операции (покупная одежда и обувь). В покрое одежды прослеживались северно-русские традиции, хотя и присутствовали и южно-русские черты. Непременный атрибут и мужского и женского костюма – вытканый или вывязанный пояс, одеваемый женщинами поверх сарафана, мужчинами – поверх рубахи. Пояса играли важную роль в семейных и календарных обрядах русских, выполняя роль оберега. Ношение пояса связано с верой в магическую силу круга, замыкающего пространство и охраняющего жизнь и здоровье его обладателя.

Основу питания составляла традиционная русская еда – хлеб и мучные изделия, мясо, рыба. В свежем и квашенном виде употребляли овощи. Из культивируемых и диких ягод варили на меду варенье. Из напитков в будни распространен был квас, в праздничные дни – брага и «медовуха» – из малины, ежевики, дикого винограда, актинидии. Состав продуктов, получаемых в своем хозяйстве и дополняемый продукцией от охоты, рыболовства, собирательства таежных дикоросов, обеспечивал старообрядцам разнообразный и высококалорийный стол. Это достигалось и умением длительно хранить мясные и овощные продукты, заготавливать овощи и ягоды впрок. В приеме пищи строго придерживались еженедельных постных и «молосных» дней, а также «великого» и «малых» постов в течение календарного года. Сохранялись традиции в способах приготовления повседневной и праздничной пищи, в следовании абсолютным пищевым запретам (исключение из рациона мяса кролика, медведя, покупного чая, кофе).

Религиозная жизнь старообрядцев строилась по канонам староверов -беспоповцев часовенного согласия (переходное между поповцами и беспоповцами) с выборным из числа мирян настоятелем. Служба осуществлялась в моленном доме; в каждом жилище было много религиозных книг и икон, которые принесли с собой из приморских деревень. Каждой деревней управляла, по традиции, община с выборным старостой. Помимо этого, БРЭМ назначал ежегодно из числа старообрядцев своего представителя, в основные функции которого входила связь общины с внешним миром. Православные традиции оказали существенное влияние на семейно-брачные отношения, хозяйственный и бытовой уклад, систему воспитания подрастающего поколения [4].

Так протекала жизнь дальневосточных старообрядцев до августа 1945 г. Больших неудобств в жизни в иноэтничном китайском окружении старообрядцы не испытывали. Некоторые из них еще в Приморье жили рядом с китайцами-отходниками и неплохо знали их обычаи и язык. В Маньчжурии староверы осели на никем не занятых пустующих землях; поддерживали торгово-обменные отношения с китайским населением. Некоторые незначительные заимствования староверами в хозяйственном и материальном быту не повлияли на развитие традиционной русской культуры и старообрядцы и в условиях принимающей стороны оказались ее хранителями. Конфессиональной группе русских – маньчжурским старообрядцам, во многом благодаря своим религиозным воззрениям, удалось не только сохранить свои духовные корни и свой менталитет, но и использовать иноэтничную среду как своеобразный фактор сплочения и сохранения традиционной русской культуры [5].

С приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии многих русских деревень, в частности Романовки, практически не стало. Некоторых мужчин увезли в СССР и подвергли репрессиям. Так было разрушено немало семей. Часть из них после смерти Сталина намеревались вернуться в Россию, некоторые, наоборот, были тверды в своих намерениях уйти от нее подальше. В этот период практически перестал существовать ряд старообрядческих поселений в Маньчжурии. Оставшиеся в Китае старообрядческие семьи расселились в других местах Маньчжурии, в 1950–1960-е гг. некоторые из них вернулись в Советский Союз, но большинство, с началом создания коллективных хозяйств в Китае, эмигрировали в Новую Зеландию, на австралийский и южно-американский континенты, а оттуда – в Канаду и США (штаты Орегон и Аляска) [6].

Харбинские старообрядцы-мужчины, вывезенные в СССР и репрессированные советской властью, отбыли сроки в 6-10 лет в советских лагерях, преимущественно в Магадане и Сибири. Реабилитированные после смерти Сталина, они и подъехавшие к ним из Маньчжурии семьи, жили какое то время в Красноярском крае. В начале 60-х гг. XX в. они стали перебираться на Дальний Восток, в малообжитые таежные места Хабаровского края и создали на трассе Байкало-Амурской железнодорожной магистрали пос. Амгунь, переименованный впоследствии в Тавлинку. Постепенно сюда стали стекаться многочисленные родственники и свойственники основателей Тавлинки и старообрядцы из Сибири, Амурской области и Приморского края, среди которых было немало харбинцев и их потомков [7]. Они и создали на трассе БАМ несколько старообрядческих населенных пунктов. В настоящее время их хозяйственная деятельность, материальная и духовная культура, семейно-брачные отношения продолжают сохранять многие традиционные черты русской культуры. Для них характерны тесные родственные и брачные контакты со старообрядцами других населенных пунктов Хабаровского края, а также Алтайского и Красноярского краев, Еврейской автономной области, родственные – с потомками харбинцев из Австралии, Южной Америки, США и Канады.

Полевые исследования, проведенные нами среди харбинских старообрядцев-реэмигрантов показали, что именно они, не подвергавшиеся массовой атеизации в Китае, даже в условиях инонационального окружения, сумели лучше, чем старообрядцы, оставшиеся в СССР, сохранить традиционную культуру русских. Безусловно, общекультурный прогресс не мог не затронуть и этих старообрядцев. Но это коснулось главным образом повышения общего уровня образования, овладения новыми орудиями хозяйственной деятельности и предметами быта, значительно улучшившими повседневную жизнь. Что касается духовной и семейной культур, связанных с отправлением религиозных обрядов, брачными контактами на уровне своих конфессиональных однообщинников, регламента бытового уклада, то они практически остались без изменения. Более того, глядя на крепкие общины бывших харбинцев, к ним все чаще примыкают дальневосточные старообрядцы, некогда в силу разных причин, ушедших в “мирскую” жизнь. Это одна из причин быстрого численного роста на Дальнем Востоке России старообрядческих общин в окружении бывших харбинских и синьцзянских старообрядцев.

Источники и литература

1. Поздеева И.В. Возможности и задачи комплексного изучения традиционной культуры русского старообрядчества на современном этапе // III междунар. науч.-практич. конфер. (26-28 июня 2001 г., г. Улан-Удэ). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 6.
2. Поздеева И.В. Комплексные исследования современной традиционной культуры русского старообрядчества. Результаты и перспективы // Мир старообрядчества. Вып.4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы Междунар. науч. конф., состоявшейся 21-24 ноября 1995 г. в Старом Актовом зале МГУ им. М.В.Ломоносова. Сб. науч. тр. – М.: РОСПЭН, 1998. – С. 12.
3. Рубеж. – 1941. – № 18. – С.15–16.
4. Рубеж. – 1941. – № 35. – 23 авг. – С. 17.
5. Подробнее об этом см.: Аргудяева Ю.В. Приморские старообрядцы в изгнании // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Кн.2. Материалы первой Междун. науч.-практ. конф. – Владивосток, 1999. – С. 165–173; Она же. Русские старообрядцы в Маньчжурии. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2008.
6. Подробнее об этом см.: Аргудяева Ю.В. Историко-культурные и семейные связи русских Дальнего Востока и Америки // Историко-культурные связи между населением Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии: К 100-летию Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции: Материалы Междун. науч. конф. (Владивосток, 1-5 апреля 1998 г.). – Владивосток, 1998. – С. 268–277.
7. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). – М.: ИЭА РАН, 1997. – С. 43.

Годовые таблицы естественного движения населения как источник по демографической истории Урала в 1920–1930-е гг.

При изучении демографической истории XX в. традиционными источниками о количественных и качественных изменениях населения стали переписи населения, прежде всего, всеобщие переписи, которые стали своеобразным мерилем демографического развития СССР, России и ее регионов. Статистические данные всеобщих переписей позволяют определить основные тенденции демографического развития, выявить столетние исторические тренды естественного и миграционного движения населения. Исследователи используют в качестве источника аналитические статистические таблицы динамики численности населения, демографических событий и процессов, которые составлялись в справочных и отчетных целях центральными и местными статистическими органами. Также историки используют демографо-статистические сводки, встречающиеся в документации органов партийно-государственной системы власти и силовых структур. В меньшей степени историки обращаются к такому источнику, как текущий учет демографических событий, отложившийся в архивах загсов. К сожалению, не во всех регионах документальные материалы подобного рода сохранились.

На наш взгляд, следует обратить особое внимание на такой источник статистической информации о населении, как таблицы естественного и механического движения населения. Их изучение особенно актуально для исторической реконструкции демографического развития в эпоху активной социально-экономической трансформации в России в 1920–1930-е гг. Тем более что один из демографических кризисов в СССР произошел именно в начале 1930-х гг. По мнению отдельных историков-демографов (например, В.А. Исупова), это была одна из трех демографических катастроф России первой половины XX в. **Демографическое потрясение было обусловлено форсированными темпами индустриализации, сплошной коллективизации, раскулачиванием, эпидемиями.** Пиком демографической катастрофы стал голод 1932–1933 гг. На Урале голод сильнее всего проявился в 1933 г. в районах Центрального и Южного Зауралья (на территориях современных Курганской и Челябинской областей), сильно пострадало от голода население Башкирии. Известны факты антропофагии, трупоедства, употребления в пищу кошек, собак, самоубийств на почве голода в сельской местности [1].

Обращение к таблицам естественного и механического движения населения позволит, на наш взгляд, проследить влияние голода, эпидемий и в целом социальных условий начала 1930-х гг. на воспроизводство населения и его территориальные перемещения, а также определить масштабы демографической катастрофы в регионе, ее территориальные и временные компоненты. В данной статье мы попытались проанализировать информативную ценность таблиц естественного движения населения как исторического источника.

Специфика изменения административно-территориального деления Урала в 1920–1930-е гг. обуславливает определенные трудности для проведения динамического анализа демографических показателей. С ноября 1923 г. по январь 1934 г. существовало такое административно-территориальное образование как Уральская область. Она включала территории современных Курганской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края, а также частично территории Башкортостана и Удмуртии. При этом следует учитывать, что до июля 1930 г., область делилась на округа, которые объединяли районы. Поэтому в итоговых областных статистических сводках по естественному движению населения до 1930 г. демографические показатели рассматривались по округам, а после ликвидации округов сведения стали приводиться по районам. Кроме этого, ликвидация в январе 1934 г. Уральской области и выделение из ее состава Обь-Иртышской, Свердловской и Челябинской областей нарушили ежегодную отчетность о движении населения. Так, в региональных государственных архивах (в частности, в Екатеринбурге) отсутствуют таблицы за 1934 г. В декабре 1934 г. территории Обь-Иртышской области, включавшие бывшие Тобольский и Тюменский округа, вошли в состав Омской области. В 1938 г. из состава Свердловской области была образована Пермская область, которая в 1940 г. была переименована в Молотовскую область.

В целом же сводные статистические таблицы движения населения отложились в архивных фондах региональных статистических управлений [2]. Архивные комплексы статистических таблиц движения населения по 1920–1930-м гг. имеют различные заголовки. С 1924 до 1931 г. они обозначены как «Таблицы годовой разработки естественного движения населения», затем до 1934 г. (т.е. до ликвидации Уральской области) – «Годовой отчет (или годовая отчетность) по естественному движению населения». После ликвидации Уральской области это были «Таблицы естественного движения населения» (1935, 1937–1939 гг.) или «Сводные итоги естественного движения населения» (1936 г.). Но сущность и основное содержание этих комплексов статистической доку-

* **Баранов Евгений Юрьевич** (Екатеринбург) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: istor@uran.ru

ментации оставались традиционными. Они представляли совокупность таблиц, содержащих сводную отчетную статическую информацию о воспроизводстве населения за год. Наряду с годовыми таблицами, составлялись полугодичные и месячные сводки. Источниками данных, видимо, стали сведения загсов.

В 1920-е гг. отдельные формы заполнялись по окружным городам, прочим городам, фабрично-заводским поселениям, прочим городским поселениям (в т.ч. заводам, рудникам, железнодорожным станциям), а также сельским местностям. Сводки составлялись по всему городскому населению, по округам в целом, прежде всего по округу с областным центром. В таблицах по округу сведения приводились по районам. В архивах сохранились таблицы не по всем округам.

В 1928 г. появились новые формы разработки. Прямо на типографских бланках конкретизировались категории местности. Составлялись таблицы по областным (или краевым, республиканским) городам, городам с населением свыше 50 тыс. жителей, прочим городам и поселениям городского типа, сельским местностям. В 1929 г. оформлялись таблицы с данными по городам с населением от 20 до 50 тыс. жителей. В 1930 г. выделилась новая поселенческая категория – рабочие поселки по особому списку. С 1933 г. в самостоятельную географическую категорию выделяются города с населением свыше 100 тыс. жителей. По всем категориям местности заполнялись отдельные таблицы.

В итоговых годовых таблицах по области сведения приводились по административно-территориальным единицам (до 1930 г. – округам, затем районам), внутри которых выделялись отдельными строками данные по городам и прочим городским поселениям, итоги по городскому и сельскому населению и всего по административно-территориальной единице (округу или району).

В течение рассматриваемого периода менялись номера табличных форм, их последовательность, но в целом таблицы естественного движения населения были направлены на статистическое описание рождений, смертей, браков и разводов, фиксировавшихся по определенным признакам.

Особый интерес представляет форма «Общие сведения о естественном движении населения». Эта итоговая таблица включала данные по следующим показателям: число браков; число разводов (по обоюдному согласию, по суду, всего); число родившихся (без мертворожденных) мужского, женского, обоего пола, сверх того мертворожденных мужского, женского, обоего пола; число умерших мужского, женского, обоего пола, в том числе моложе 1 года мужского, женского, обоего пола. Имелась графа «Число жителей по исчислению на 1/1», но в большинстве таблиц 1920-х гг. она не заполнена. В 1928 г. произошли изменения и дополнения в показателях таблицы. Вместо показателя «Число жителей по исчислению на 1/1» вводился показатель среднее население, но и по нему данные не вносились. В эту форму были добавлены показатель «число родов, включая мертворожденных» и показатель «в том числе многоплодных родов двойнями, тройнями и большим количеством близнецов». Однако поля последнего показателя остались в 1928 г. не заполненными. В 1930-е гг. появились модификации этой формы. Сведения, сохранив градацию демографических событий, расписывались по месяцам в рамках одной таблицы.

В 1930-е гг. в комплексе годовых таблиц появились новые формы конъюнктурной статистики. Такой в частности была форма «Данные о числе зарегистрированных актов гражданского состояния и о естественном движении населения», затем ее сменила таблица «Общие итоги естественного движения населения» (1933 г.). В них содержатся данные о количестве загсов, о количестве загсов, предоставивших сведения, и аналогичные ранее обозначенным сведениям – данные о количестве таких демографических событий, как браки, разводы, рождения, смерти, с уточнением числа смертей в возрасте до 1 г. и в возрасте от 1 г. и старше. Данные в таблицах приводятся по городской и сельской местности по районам.

В 1930 г. в «общих сведениях о естественном движении населения» стали приводиться данные по численности населения, среднему населению, что дает возможность вычислять общие демографические коэффициенты. С 1931 г. в итоговые таблицы включались относительные показатели: число родившихся в расчете на 1000 чел., число умерших в расчете на 1000 чел., естественный прирост в расчете на 1000 чел. Также появился показатель «на 1000 родившихся умерло в возрасте до 1 г.». При сравнении данных более корректно использовать относительные показатели.

Кроме общих итоговых таблиц по движению населения, в рассматриваемых комплексах документации были представлены отдельные таблицы статистики рождений, смертей, браков и разводов.

Статистика родившихся была отражена в таблице «Распределение родившихся по полу, возрасту матери и социальному положению родителей» (1927 г.). Учет рождений проводился по следующим возрастным группам матерей: 16 лет и моложе, с 17 до 25 лет данные приводились по однолетним возрастным группам, с 25 до 50 лет – по пятилетним возрастным группам, к последней возрастной группе относились матери, превысившие порог репродуктивного периода (группа 50 лет и старше). Также указывались сведения по лицам неизвестного возраста и суммарные по всем возрастным категориям. Социальное положение учитывалось по категориям: рабочие, служащие и лица свободных профессий, хозяева и помогающие члены семьи (выделялись в сельском хозяйстве и прочие), прочие, неизвестно, всего.

Данная форма, как и другие, имела различные модификации. Так, в формах разработки 1928 г. сохранилась таблица «Сведения о родившихся по возрасту матери и социальному положению родителей», в которой учитывалось социальное положение отца, если оно было неизвестно, то – матери, и число родившихся живыми обоего пола у матерей определенных возрастных групп. В годовой разработке 1930 г. представлена таблица «Сведения о родившихся по возрасту и социальному положению матери». При этом социальное положение матери отражалось по двум категориям: самостоятельное и несамостоятельное население. Существовала и третья категория матерей, чье социальное положение не было установлено. Таким образом, рождаемость, как и другие демографические процессы, в советский период была социально стратифицированной.

В статистике рождений уделялось внимание национальному компоненту. Фиксировались «сведения о родившихся (без мертворожденных) по национальности матери» (1927 г.). В них учитывались национальности: великорусы (русские), украинцы, белорусы, поляки, немцы, эстонцы, латвийцы, литовцы, вотяки (удмурты), пермяки (коми-пермяки), татары, башкиры, чувашаи, цыгане, марийцы, зыряне, евреи, греки, молдаване, мордвина, персы, австрийцы и др. Был показатель «неизвестная национальность». При этом указывалось число родившихся с разделением по полу и обоего пола, в т.ч. число родившихся при множественных родах близнецов, тройней. В отдельные годы составлялись таблицы со сведениями «о родившихся по возрасту и национальности матери» (1928 г.). В дальнейшем детализация по национальному признаку снизилась. Перечень национальностей в отчетных таблицах сократился. Уже в 1928 г. в таблицах этой и других форм, по другим демографическим показателям, указывались в основном русские, пермяки, татары, башкиры, украинцы, белорусы, а также такие категории как прочие и неизвестные национальности.

В годовых разработках демографического движения можно встретить таблицы статистики мертворожденных. В 1927 г. мертворожденные распределялись по возрасту и занятию матери. При этом выделялись следующие группы занятий: текстильщики; прочие рабочие; сельскохозяйственные рабочие, руководящий персонал; культурно-просветительский персонал; учетно-контрольный персонал; работники связи; младший обслуживающий персонал; прочие служащие; хозяйки в сельском хозяйстве и помогающие члены семьи; лица, не имеющие занятия; безработные; несамостоятельное население. Такая степень детализации занятия матери позволяет охарактеризовать уровень рождаемости в различных социальных группах.

Вторым показателем демографического воспроизводства, необходимым для вычисления естественного прироста населения, является количество умерших. Основные статистические характеристики смертности содержатся в таблице «Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти». Постепенно к концу 1920-х гг. оформилась шкала возрастных групп умерших: моложе 1 мес., 1–5 мес., 6–11 мес., всего моложе 1 г., 1–4 лет, 5–9 лет, 10–14 лет, 15–19 лет, 20–24 лет, 25–29 лет, 30–34 лет, 35–39 лет (или 30–39 лет), 40–44 лет, 45–49 лет (или 40–49 лет), 50–54 лет, 55–59 лет (или 50–59 лет), 60–69 лет, 70 лет и более. Подсчитывались также число умерших неизвестного возраста и итоговая сумма. Номенклатура причин смерти во второй половине 1920-х – 1930-е гг. была приближенной и включала от 50 до 59 заболеваний (1927, 1933 гг. – 51, 1930 г. – 59, 1931 г. – 50). Хотя в причинах смерти в 1924 г. фигурировало только восемь заболеваний.

В 1928 г. появилась форма, ориентированная на агрегирование сведений об умерших по однолетним возрастным группам. До 1 г. данные приводились по месяцам, затем до возраста 100 лет шли сведения по однолетним возрастным группам, завершала возрастную шкалу группа 100 лет и старше. Данные группировались по территориальным категориям (областной город, города с населением свыше 50 тыс. жителей, прочие города и поселения городского типа, сельские местности, итого). При составлении таблицы учитывался половой признак.

В конце 1920-х гг. стали оценивать социальную стратификацию умерших. Составлялись таблицы со сведениями «об умерших по возрастам, социальному положению и профессии». В 1927 г. был введен показатель социальное положение и профессия умерших, который вычислялся по сельскохозяйственным рабочим, рабочим лесного дела, рабочим в рыболовстве, металлистам, деревообделочникам, кожевникам, всего – 52 профессии. Выделялись лица, не имеющие или не указывающие занятость, безработные, отдельно подсчитывалось число умерших среди несамостоятельного населения. В последующий период появились таблицы со сведениями «об умерших по полу, возрасту, социальному положению и причинам смерти». Причем в отдельные годы (1929 г. и др.) данная форма применительно к социальной категории рабочие заполнялась по конкретным профессиям. Отдельные таблицы заполнялись по умершим текстильщикам, швейникам, печатникам, столярам, деревообделочникам, грузчикам, машинистам, кочегарам, кузнецам, литейщикам, плотникам и т.д.

Составлялись таблицы, в которых учитывался национальный компонент смертности. Есть годовые таблицы, которые содержат сведения «об умерших по народностям и полу», об умерших по национальности, полу и главным возрастным группам.

Показатели брачного поведения населения, как и показатели репродуктивного поведения, также были представлены несколькими формами. Фиксировались «сведения о браках по национальностям». В качестве показателей выделялись «национальность жениха» и «число невест, заключивших браки, по их национальности». Кроме этого, отдельно отмечалось число женихов неграмотных и не указавших грамотность. Браки анализировались

по социальному положению и возрасту жениха и невесты. Возрастные группы с данными по женихам и невестам указывались следующие: 16 лет и моложе, с 17 до 30 лет обозначались однолетние возрастные группы, с 30 до 60 лет – пятилетние, затем следовали возрастные группы 60–69 лет и 70 лет и старше. Также оставались показатели «неизвестный возраст» и «всево». В каждой категории социального происхождения разделялось самостоятельное население и количество его иждивенцев. Сведения о разводах фиксировались по таким показателям, как «национальность мужа», «национальность жены», указывалось число разведенных по обоюдному согласию. Использовался показатель состояние в первом, втором, третьем и более браках.

В 1928 г. появился ряд форм, в которых более детализовано и системно приводились статистические характеристики брачности и разводимости. Они были направлены на анализ продолжительности брака, возрастных характеристик брачующихся и разводящихся, их социального положения и т.д.

Сведения о браках рассматривались по возрасту и семейному состоянию брачующихся, по социальному положению брачующихся. Более детализованы были категории социального положения, которые включали следующие группы: рабочие; служащие, в том числе младший обслуживающий персонал, домашние работники (личная прислуга); хозяева, помогающие члены семьи; прочие хозяева и помогающие члены семьи; прочие, в том числе лица свободных профессий; неизвестные; итого.

Целый набор таблиц фиксировал уровень разводимости. В одной форме приводились сведения о разводах по возрасту и семейному состоянию разводящихся, в другой – сведения о разводах по социальному положению разводящихся. В третьей указывались сведения о разводах по продолжительности расторгаемых браков и социальному положению мужей. Продолжительность брака рассматривалась по шкале: до ½ мес., от ½ до 1 мес., от 1 до 3 мес., от 3 до 6 мес., от ½ до 1 г., от 1 г. до 2 лет, от 2 до 3 лет, от 3 до 5 лет, от 5 до 10 лет, от 10 до 15 лет, от 15 до 20 лет, 20 лет и старше. Еще в одной таблице содержались сведения о разводах по возрастным группам и количеству детей (у разводящихся). Но 1928 г. выделяется максимальным количеством разновидностей таблиц естественного движения населения. В этом году их насчитывается 15, в дальнейшем (первая половина 1930-х гг.) стало восемь основных таблиц.

Следует отметить, что в годовых разработках движения населения часто содержатся два (иногда даже три) варианта одной таблицы. Один из них служил черновиком, так как видны коррективы, которые вносились в статистические данные, а второй соответственно является чистовым вариантом.

К сожалению, не все таблицы сохранились в архивах. Это обстоятельство, а также частое модифицирование форм таблиц и изменение административно-территориального деления на Урале обуславливают трудности динамического анализа всей совокупности демографических показателей. Хотя его проведение остается актуальным.

Таким образом, таблицы естественного движения населения – это ценный источник исторической информации о воспроизводстве населения, его репродуктивном, матримониальном, витальном поведении (с учетом половозрастного, этнического, социального компонентов). Эти таблицы существенно дополняют всеобщие переписи населения при детальной реконструкции демографической истории, а по межпереписному периоду их данные являются необходимыми для оценки влияния социально-экономического развития на демографические процессы. В тоже время статистические данные таблиц позволяют проанализировать количественные и качественные изменения демографической составляющей социально-экономической трансформации 1920–1930-х гг. Данные таблиц позволяют изучать региональную демографическую историю на макро и микро уровнях. Статистические сведения таблиц движения населения целесообразно изначально ориентировать на компьютерную обработку. На основе их сведений существует возможность для составления базы данных по движению населения. Это особенно актуально для сравнительно молодой, но стремительно развивающейся отрасли исторического знания – исторической информатики. Конечно, необходимо проводить сопоставление данных таблиц движения населения с другими источниками: сводными динамическими таблицами по региону, опубликованной статистикой, центральной статистикой. В целом анализ полного комплекса статистической документации центральных и региональных статистических органов позволяет показать исторически достоверные тенденции демографического развития.

Источники и литература

1. См.: Баранов Е.Ю. Симптомы и масштабы голода начала 1930-х годов в Уральской области // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб. статей. – Оренбург, 2006. – С. 163–167.

2. Таблицы по Уральской и Свердловской областям отложились в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО, фонд Р–1812 «Уральское управление народнохозяйственного учета», где размещены статистические таблицы с 1924 г., и фонд Р–1813 «Свердловское областное статистическое управление»). В Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО) таблицы хранятся в фонде Р–485 «Челябинское областное статистическое управление».

**Демографическая характеристика городского населения
Среднего Урала в 1926–1939 гг.**

В 1930-е гг. численность городского населения Среднего Урала росла высокими темпами, что было связано с активным промышленным строительством, которое требовало огромного количества рабочих рук. Городская инфраструктура была не подготовлена для приёма такого числа мигрантов. Неудовлетворительные бытовые условия, а также перебои в продовольственном снабжении привели к резкому увеличению смертности в 1932–1933 гг., что стало причиной естественной убыли городского населения. Рассмотрение демографической истории 1930-х гг. необходимо для понимания процессов урбанизации и той цены, которую заплатило за это советское общество.

Рассматриваются городские поселения, которые вошли в состав Свердловской области, образованной в 1934 г., а с 1938 г., после разделения Свердловской области на Свердловскую и Пермскую, в составе этих двух областей [1]. До 1934 г. исследуются городские поселения округов Уральской области, позднее вошедшие в состав Свердловской области: Свердловского, Пермского, Верх-Камского, Кунгурского, Тагильского, Сарапульского, Ирбитского [2].

По данным переписей, численность городского населения Среднего Урала увеличилась с 1 119 368 чел. в 1926 г. до 2 331 176 чел. в 1939 г., т. е. более чем в 2 раза. Если в 1926 г. доля городского населения составляла 32 % от общей численности населения региона, то уже перепись 1937 г. фиксировала 51 %, а перепись 1939 г. 50,6 % [3].

Таблица 1

Воспроизводство городского населения на территории Среднего Урала в 1928–1939 гг., ‰

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Младенческая смертность
1927	50,1	29	21,1	–
1928	48,6	25	23,6	202,8
1929	42,9	24,7	18,2	236,1
1930	40,8	26,8	14	251
1931	35,4	29	6,4	274,2
1932	34,2	31	3,2	298,4
1933	32,3	48,6	-16,3	268,3
1934	34	30,1	3,9	216,2
1935	38	20,7	17,3	201,7
1936	39,3	26	13,3	266,2
1937	45,5	26,5	19	266,2
1938	43,1	22	21,1	214,3
1939	41,1	26,9	14,2	226,2

Составлено по: ГАСО. Ф. р-1812. Оп. 2. Д.33. Л. 39-42; Д. 170. Л. 2-8об.; Д. 171. Л. 1-7; Д. 172. Л. 1; ГАСО. Ф.р-1813. Оп.1. Д. 98. Л.5; Д. 99. Л. 7; Д. 100. Л. 5; Д. 101. Л. 6; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 49. Л.2; Д. 52. Л. 101-101об.; Д. 192. Л. 73, 151; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. а-374. Оп. 23. Д. 86. Л. 83-86; Д. 134. Л. 62-77.

Из табл. 1 видно, что в течение данного периода происходило плавное снижение рождаемости с очень высокого уровня в 1928–1930 гг. до высокого уровня с 1931 по 1936 г. С 1937 г. общий коэффициент рождаемости вновь поднялся до показателей конца 1920-х гг. Изменения общего коэффициента смертности были более резкими. В 1932–1934 гг. произошёл резкий скачок смертности. Уровень смертности в 1933 г. достиг чрезвычайно высокого уровня. Из анализа таблицы 1 можно сделать вывод, что основную роль в снижении естественного прироста вначале 1930-х гг., а в 1933 г. естественной убыли населения, сыграло резкое увеличение смертности городского населения.

Увеличение рождаемости в 1935–1939 гг. исследователи, как например В.А. Исупов, связывают с компенсаторской волной, проявившейся в реализации ранее отложенных рождений после демографической катастрофы начала 1930-х гг., а также с тем, что в репродуктивный возраст вступило поколение женщин, рождённое в предво-

* Чащин Алексей Владимирович (Екатеринбург) – аспирант Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: chaschinaleksej@yandex.ru

енный период [4]. Младенческая смертность в течение всего периода была на очень высоком уровне, достигнув максимума в 1932 г. Самый низкий показатель коэффициента младенческой смертности в 1935 г. связан с уменьшением рождаемости в предыдущий период. Со снижением рождаемости в 1938 и 1939 гг. падает и коэффициент младенческой смертности. В целом колебания рождаемости и смертности повторяют колебания рождаемости и смертности на уровне РСФСР [5].

Таблица 2

Воспроизводство городского населения в Свердловской области в 1933–1934 гг., %

Месяц	Рождаемость		Смертность		Прирост	
	1933 г.	1934 г.	1933 г.	1934 г.	1933 г.	1934 г.
Январь	22,5	21,2	25,8	27,2	-3,3	-6
Февраль	26,5	19,9	38,5	26	-12	-6,1
Март	24,7	18,8	39,8	28,6	-15,1	-9,8
Апрель	24,8	19,6	43,1	28,4	-18,5	-8,8
Май	24,1	23,2	45,7	31,5	-21,6	-8,3
Июнь	24,0	25,9	39,6	26,9	-15,6	-1
Июль	26,8	29,2	38	24,4	-11,2	4,8
Август	26,3	32,2	41,2	22,3	-14,9	9,9
Сентябрь	23	30,2	29,3	20,2	-6,3	10
Октябрь	21,7	33,5	27,5	15,5	-5,8	18
Ноябрь	18,4	30	25,3	15,8	-6,9	14,2
Декабрь	19,5	30	27,6	19,1	-8,1	10,9

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 26.

Для более детального рассмотрения демографической катастрофы, обратимся к ежемесячным показателям рождаемости и смертности в течение 1933 и 1934 гг. Как видно из табл. 2, рождаемость находилась на среднем уровне в течение всего 1933 г., при этом колебания были не столь значительными по сравнению с показателями смертности. Со второй половины 1934 г. наблюдался устойчивый рост рождаемости, который достиг в ноябре и декабре максимальных показателей за данный период.

В 1933 г. показатели смертности с февраля по август находились на чрезвычайно высоком уровне. Снижение началось только в сентябре 1933 г. С марта 1934 г. вновь наблюдается резкий рост смертности. В мае 1934 г., также как и в 1933 г., фиксировался наиболее высокий показатель смертности. С июня 1934 г. шло постепенное снижение смертности вплоть до декабря. При этом из табл. 2 видно, что в течение всего 1933 г. естественный прирост был отрицательным, тогда как в 1934 г. естественная убыль населения фиксировалась вплоть до июня.

Таблица 3

Распределение смертей по возрастным группам на территории Свердловской области 1933 и 1937 гг., %

Возрастные группы	1933 г.	1937 г.
0-9 лет	43,7	64
В т. ч. до 1 года	20,5	42,3
10-19 лет	3,4	2,7
20-29 лет	7,1	5
30-39 лет	6,3	5,1
40-49 лет	7,4	4,1
50-59 лет	8,7	4,5
60-69 лет	8,8	4,6
70 лет и старше	10	5,5
Неизвестный возраст	2,9	0,1
Итого	100	100

Составлено по: ГАРФ. Ф. а-374. Оп. 23. Д. 225. Л. 152-152об.; ГАСО. Ф. р-1812. Оп.2. Д. 172. Л.51-51об.; Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 1-2, 53-53об.

Из анализа табл. 3 видно, что при сравнении умерших по полу и возрасту в 1933 г. с 1937 г., можно сделать вывод о снижении доли смертей мужчин от общего числа смертей с 57 до 53 %. В возрастных группах наиболь-

ший процент смертей падал на возраст до 1 года. Если в 1933 г. доля умерших до одного года от общего числа смертей составляла 20,5 %, то в 1937 г. их доля увеличивалась до 42,3 %. Это говорит о снижении смертности в старших возрастных группах. Например, если в 1933 г. на возрастную группу 20-29 лет приходилось 7,1 % от общего числа смертей, то в 1937 г. уже 5,1 %. Из приведённых фактов можно сделать вывод о необычайно высоком уровне смертности у населения рабочих возрастов, особенно у мужчин.

Одним из главных источников для анализа смертности городского населения являются таблицы об умерших по возрастам и причинам смерти. На основании данного источника причины смерти можно разделить на отдельные классы, так как это принято сегодня в международной статистике, за исключением нескольких групп, которые в то время ещё не выделялись [6]. Показатели рассчитаны как распределение той или иной группы причин смертей к показателю среднего городского населения за год.

При анализе структуры причин смертей городского населения (табл. 4) можно отметить, что в период с 1933 по 1939 г. на первый план выходят болезни экзогенного происхождения, обусловленные негативными факторами внешней среды. Наиболее распространенными заболеваниями среди причин смерти стояли инфекционные и паразитические заболевания, на втором месте стоят болезни органов пищеварения, затем идут болезни кровообращения. Во всех трёх группах происходит существенное снижение к 1939 г. Данные факты говорят о том, что эпидемиологический переход от заболеваемости и смертности, характерные для традиционного общества, к заболеваемости и смертности, характерные для современного общества, не был преодолен [7].

Таблица 4

Распределение умерших по причинам смертей на территории Свердловской области в 1933–1939 гг. (на 1000 чел.)

Классификация причин смерти	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1939 г.
Инфекционные и паразитические заболевания	12,9	11,4	6,9	10,3	10,2	7,4
Новообразования	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Болезни эндокринной системы, расстройство питания, нарушения обмена веществ и иммунитета	0,9	0,4	0,1	0,1	0,04	0,03
Болезни крови и кровообращения	0,06	0,03	0,02	0,005	0,02	0,03
Болезни нервной системы и органов чувств	1,4	1,2	1	0,9	0,9	0,9
Болезни системы кровообращения	4	2	1,1	1,2	1,3	1,4
Болезни органов дыхания	6,7	4,3	2,5	3,4	3,8	3,3
Болезни органов пищеварения	8,4	4,4	3,5	4,7	4	3,7
Болезни мочеполовой системы	0,6	0,3	0,3	0,2	0,1	0,1
Осложнения беременности, родов и послеродового периода	0,8	0,1	0,1	0,1	0,1	0,07
Болезни кожи и подкожной клетчатки	0,05	0,04	0,02	0,008	0,01	0,01
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	0,02	0,01	0,01	0,002	0,002	0,003
Отдельные состояния, возникающие в перинатальный период	1,4	1,3	1,4	1,7	1,7	1,4
Симптомы, признаки и неточно обозначенные состояния	5,4	2,3	1	0,9	0,2	0,2
Несчастные случаи, отравления и травмы	1,2	1	0,7	0,9	0,7	0,6
Насильственная смерть	0,6	0,5	0,4	0,3	0,3	0,2
Старческая дряхлость	3,3	1,7	0,7	0,6	0,5	0,4
Прочие	0,1	0,08	0,1	0,1	–	0,1

Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. а-374. Оп. 23. Д. 218. Л.1-1об.; Д. 252. Л. 35-35об.; ГАСО. Ф.р-1813. Оп.1.Д. 98. Л. 19-19 об.; Д. 99. Л. 27-27 об.; Д. 100. Л. 21-21об.; Д. 101. Л. 92-92об.; Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-493. Оп. 11. Д. 3. Л. 81-81об.

Рассмотрим теперь, какие именно болезни являлись наиболее часто встречаемыми в качестве причины смерти (табл. 5). На первом месте в качестве причины смерти стоят энтерит и колит. Для детского возраста энтерит и колит были одними из самых распространенных причин смерти в течение всего рассматриваемого периода, тогда как для старших возрастных групп резкий скачок до 2,4 случаев на тыс. чел. в 1933 г. можно объяснить ухудшением питания в начале 1930-х годов. Тем более что в последующий период происходит снижение до уровня в 0,1 случая на тыс. чел. Необходимо отметить, что с 1931 г. в таблицах отдельно выделялась графа «болезни от неполноценного питания (включая рахит)». Доля умерших от данных заболеваний составила в 1933 г. 0,9 случаев на тыс. чел., в 1934 г. 0,4, в 1935 г. 0,1, в 1936 г. 0,06. С 1937 г. соответствующая графа в таблицах умерших по причинам смерти пропадает. По мнению В. А. Исупова, статистика регистрировала не все случаи

смерти от голода, что делалось умышленно [8]. Обращает внимание на себя в связи с этим графа с «неустановленной причиной смерти». В 1933 г. на данную графу приходилось 5,4 случая на тыс. чел. (табл. 4). К 1939 г. происходит резкое снижение до 0,2 случаев на тыс. чел.

Далее по количеству смертей на 1000 человек стоят такие заболевания, как бронхит и пневмония. В течение 1933–1939 гг. уменьшается более чем в два раза количество умерших от туберкулёза. Снижение коснулось и болезней сердца: с 4 случаев на тыс. чел. в 1933 г. до 1,3 в 1939 г. С 1933 и 1934 гг. среди городского населения Среднего Урала фиксировались случаи заболевания оспой. В 1933 г. количество заболевших составило 0,1 случаев на тыс. чел., а в 1934 г. 0,05.

Таблица 5

Распределение умерших по причинам смертей от отдельных видов заболеваний на территории Среднего Урала в 1933–1939 гг., (на 1000 чел.)

Болезни	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1939 г.
Врождённая слабость и преждевременные рождения	1,3	1,1	1,2	1,5	1,4	1,1
Тиф	1,5	0,7	0,2	0,1	0,1	0,1
Корь	2,7	1,7	1	2,7	3,3	2,4
Скарлатина	0,1	0,2	0,4	0,8	0,7	0,3
Коклюш	0,3	0,2	0,2	0,2	0,6	0,2
Дифтерия	0,5	0,3	0,2	0,2	0,2	0,4
Грипп	0,5	0,3	0,2	0,4	0,3	0,2
Дизентерия	0,8	0,7	6,2	1,2	0,6	0,6
Туберкулёз	4,8	4,1	3	2,8	2,7	2,3
Болезни сердца	4	2	1,7	1,2	1,2	1,3
Бронхит, пневмония (в т. ч. крупозная пневмония)	6,9	4,6	2,7	3,9	4,3	3,4
Энтерит, диарея (после 2 лет)	2,4	1,1	0,3	0,2	0,2	0,1
Энтерит, диарея (до 2 лет)	6,9	4,6	2,7	3,9	4,3	3,4

Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. а-374. Оп. 23. Д. 218. Л. 1-1об.; Д. 252. Л. 35-35об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 19-19об.; Д. 99. Л. 27-27об.; Д. 100. Л. 21-21об.; Д. 101. Л. 92-92об.; Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-493. Оп. 11. Д. 3. Л. 81-81об.

Со второй половины 1931 г. в городских поселениях Урала наблюдались эпидемии брюшного тифа, сыпного тифа, оспы [9]. В 1932 и 1933 гг. отмечаются массовые вспышки цинги [10]. Появление эпидемии сыпного тифа было связано с неудовлетворительным социально-бытовым обустройством спецпереселенцев [11]. Как отмечалось в отчёте Уральского областного отдела здравоохранения в августе 1931 г.: «Заболеваемость сыпного тифа появилась и держится среди специального контингента. Большая живость среди спецпереселенцев, скученность, отсутствие санитарно-бытовых учреждений создают самую благоприятнейшую почву для развития сыпняка» [12]. Впоследствии основными очагами распространения заболевания стали крупные индустриальные стройки. На областном партийном совещании областного отдела здравоохранения при Обкоме ВКП (б) в декабре 1932 г. отмечалось, «что все новостройки попали как раз в ведущие участки развития эпидемической вспышки. Следовательно, первая причина – миграционный процесс, вторая – крайне неблагоприятные бытовые условия специальных переселенцев и далеко неудовлетворительные условия рабочих, третья – безобразие в работе бань, прачечных, душевых установок, снабжении мылом и т. д., и четвёртая – слабость здравоохранения» [13]. Перебои в снабжении продуктов питания приводили к недоеданию, а не редко и к голоду среди городского населения [14]. Например, в телеграмме председателю Уральского исполкома сообщалось из г. Чердыни в январе 1933 г.: «В связи со снятием со снабжения городского населения в г. Чердыни имелись место волнения. 8 января учителя не вышли на конференцию, требуя накормить. Служащие, пожарники, учителя толпами с детьми ходят в районные организации с требованиями хлеба» [15]. Недоедание и голод провоцировали развитие инфекционных заболеваний, а также расстройство системы пищеварения. Это являлось причиной массовых вспышек цинги, особенно в зимне-весенний период. В отчёте Уральского областного отдела здравоохранения в мае 1933 г. отмечалось: «Учёт истинного положения с развитием цинги в текущем году затруднён рядом обстоятельств. Проявление цинги скрадывается общими явлениями истощения, безбелковыми отёками, желудочно-кишечными расстройствами и другими болезненными состояниями в результате массового нарушения питания. Учёт разнообразных проявлений нарушения питания встречает естественное затруднение и цинга теряется в общей массе этих патологических состояний» [16].

Остальные болезни, которые в массе своей приходились на детское население, также повлияли на увеличение смертности населения (скарлатина, корь, дифтерия и т. д.). Количество умерших на 1000 населения от этих болезней, в отличие от выше приведённых причин смертей, имело несколько другие тенденции. Так как основная масса смертей в детском возрасте приходилась на первый год жизни, то здесь можно проследить связь увеличения рождаемости и смертности детей. Так всплеск умерших детей от скарлатины пришёлся на 1936 и 1937 гг., на этот же период приходится увеличение рождаемости. Детей, умерших от кори, также значительно больше в 1936 и 1937 г., чем в 1934 и 1935 гг. В 1936 г. можно зафиксировать резкий подъём смертности от дизентерии: показатель в 0,7 случаев на тыс. чел. в 1934 г. увеличивается в 8,8 раз до 6,2 в 1935 г.

Из выше приведённых данных можно сделать несколько выводов:

1. В 1930-е гг. как рождаемость, так и смертность продолжали оставаться на высоком уровне. В 1932–1934 гг. в городах Среднего Урала наблюдалось резкое увеличение смертности, что приводило к демографической катастрофе в 1933 г. – первой половине 1934 г. Основными причинами резкого роста смертности стали: перебои в поставках продовольствия, что приводило к недоеданию и голоду городского населения, неудовлетворительные бытовые условия, которые способствовали появлению эпидемий сыпного и брюшного тифа, оспы, дизентерии.

2. Младенческая смертность оставалась на чрезвычайно высоком уровне. При этом она занимала лидирующее положение среди всех остальных возрастных групп. В период демографической катастрофы падение доли младенческой смертности среди общего числа смертей связано с резким повышением смертности в других возрастных группах.

3. Смертность среди мужского в наиболее трудоспособном возрасте в период демографической катастрофы резко возросла. С его окончанием, постепенно увеличилась доля смертей женского населения.

4. Среди причин смерти на первый план выходят болезни, связанные с инфекционными и паразитическими заболеваниями (тиф, туберкулёз), затем идут болезни органов пищеварения. Среди детей наиболее характерной причиной смерти являлись болезни органов пищеварения (энтерит и колит) и инфекционные заболевания (корь, скарлатина, грипп, дизентерия, коклюш). На первом месте остаются болезни экзогенного характера, что говорит о том, что эпидемиологический переход в это время ещё не был пройден.

Таким образом, политика форсированной индустриализации, которая сопровождалась активным ростом городского населения, крайне негативно повлияла на процессы воспроизводства населения, что и проявилось в демографической катастрофе на территории Среднего Урала в начале 1930-х гг.

Источники и литература

1. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. р-88. Оп. 1. Д. 3188 Л. 14-15; Административно-территориальное деление союзных республик на 1 марта 1937 г. – М., 1937. – С. 79–83.
2. Административно-территориальное деление союза ССР и список важнейших населённых пунктов с хронологическим перечнем постановлений об изменении границ, областей и республик с 1917 по 1929 г. – М., 1929. – С. 78–82; Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – С. 411, 477, 553.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. – М. – С. 98–99; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. – М., 2007. – С. 56–57; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. – Екатеринбург, 2002. – С. 126, 288.
4. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. – Новосибирск, 2000. – С. 103.
5. Андреева Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история России: 1927–1957 гг. – М., 1998. – С. 205.
6. Население России за 100 лет (1897–1997). – М., 1998. – С. 159.
7. Демографическая модернизация России, 1900–2000 гг. / Под ред. А. Г. Вишневого. – М., 2006. – С. 257.
8. Исупов В. А. Там же. – С. 96.
9. ГАСО. Ф. р-241. Оп. 1. Д. 3387. Л. 1-3.
10. Там же. Л. 115.
11. Сулов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). – Екатеринбург-Пермь, 2003. – С. 145.
12. ГАСО. Ф. р-241. Оп. 1. Д. 3387. Л. 18.
13. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 219. Л. 34.
14. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг. Т. 1 / Сост.: Е.Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов. – Оренбург, 2005. – С. 149, 181.
15. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 33.
16. ГАСО. Ф. р-241. Оп. 1. Д. 3387. Л. 365-365 об.

Современная историография демографических процессов в Советском Союзе 1930-х гг.**

Рубеж тысячелетий стал для российской историографии временем пересмотра устоявшихся воззрений и возобновления дискуссий практически по всему комплексу проблем отечественной и мировой истории. Процессы критического осмысления накопленного знания в значительной степени затронули и советский период истории.

Изучение новейшей истории России и Советского Союза является важной составной частью российской школы гуманитарных и социальных наук. Представляется интересным обратиться к анализу чрезвычайно близкой белорусским исследователям по методологическим, структурным и языковым традициям, но все-таки зарубежной российской историографии. Наличие общей истории исторической науки в рамках советской историографии, тесные организационные связи, единое языковое пространство, доступность российских публикаций для белорусских историков позволяют сделать это. Восприятие российской историографической проблематики в белорусской традиции представляет не только исследовательский, но и методологический интерес, что важно для сопоставления различных направлений мировой историографии, ее школ и методов, для определения уровня изученности одного из феноменов истории XX в. и выявления перспектив его дальнейшей разработки. Источниковую базу статьи составили научные труды российских исследователей по истории Советского Союза 1930-х гг., в которых демографическая динамика рассматривается как специальный объект изучения или анализируется в контексте других проблем этого периода советской истории.

Внимание исторического сообщества к проблематике исторической демографии 1930-х гг. было обозначено в годы «перестройки». Именно тогда в публицистических, в первую очередь, и академических изданиях были поставлены вопросы о необходимости уточнения статистических данных, «лукавых цифрах» сталинского периода, политической подоплеке статистических манипуляций. Особое внимание читателей привлекла серия сборников издательства «Прогресс» «Перестройка: гласность, демократия, социализм». В увидевшем свет в 1989 г. томе «В человеческом измерении», который определялся издательством как «научная монография», были опубликованы диалог А. Вишневого и Л. Кузнецовой «Люди или население?», и статья М. Тольца «Недоступное измерение» [1]. В обеих публикациях анализировалась проблематика, связанная с оценками численности населения СССР 1930-х гг.

А. Вишневский озвучил некоторые принципиально новые для советского исследователя положения. Во-первых, он признал сам факт возможности фальсификации численности населения советской статистикой. Во-вторых, оценил вклад «западных исследователей» (Конквеста, Максудова) в оценку демографической ситуации в Советском Союзе 1930-х гг., как «гораздо больший», чем вклад советских демографов. В-третьих, определил ситуацию 1930-х гг. как «демографическую катастрофу», однако был достаточно осторожен с цифрами, ограничившись ссылками на руководителей советской статистики 1930–1950-х гг., и выразив свою оценку как «возможную» – «на протяжении большей части тридцатых годов численность населения почти не росла, а в отдельные годы, возможно, и сокращалась». В-четвертых, А. Вишневский с болью вспомнил трагическую судьбу руководителей советского статистического ведомства – В.В. Осинского, И.А. Кравая, М.В. Курмана, И.Д. Верменичева.

Судьба советских статистиков станет неотъемлемой частью исследований по исторической демографии в начале 2000-х гг. (нулевых годов, как стало модно говорить последнее время). Ниже мы остановимся на этих публикациях. Но А. Вишневскому удалось ярко, образно, убедительно показать как трагизм репрессированных, так и «призрачность процветания» внешне успешных руководителей. На примере Старовского, многолетнего руководителя государственной статистики СССР, он рисует картину издевательского отношения власти к этим людям. «Чтобы, не дай бог, не возомнил о себе много (и он, и все его ведомство), не утратил бы навыков святой государственной лжи... Стоит ли удивляться, что статистическое ведомство в конце концов усвоило преподаваемые ему уроки, научилось не слишком придирчиво относиться к сомнительным цифрам, не придавать большого значения методологическим тонкостям, а в первую голову заботиться о «благоприятности» показателей и гладкости статистических рядов».

В статье М. Тольца, опубликованной в этом же сборнике, термин «демографическая катастрофа» дополняется определением «катастрофа демографической статистики». Автор, определяя состояние советской статистической науки в 1930-е гг., пишет, что «для демографии наступили поистине черные времена... Материалы, отражающие демографическое развитие страны с начала 30-х годов, ученым стало невозможно получить даже в слу-

* **Меньковский Вячеслав Иванович** (Минск) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета. E-mail: menkovski@bsu.by

** Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2006–2010 гг. «История белорусской нации, государственности и культуры» (ГКПНИ «История и культура»).

жебном порядке. Оставшиеся специалисты были вынуждены отказаться от исследований современной проблематики. Они переключаются на другие вопросы, часть вообще уходит от демографии в самые разные области знания. Важнейшее дело изучения современности замирает на долгие годы» [2].

В отношении собственно результатов переписей 1937 и 1939 гг., автор проявляет достаточную осторожность. Выражая признательность В.П. Данилову, Л.Е. Дарскому, А.Я. Кваше и ссылаясь на новые для того времени публикации [3], М. Тольц подчеркивает, что демографы пока находятся в той стадии, когда из архивов наконец-то извлекаются недоступные многие годы материалы. В первую очередь это касается переписи 1937 г., которая была похоронена, казалось, навсегда». С его точки зрения, еще предстоит объективная научная экспертиза результатов переписей и «трудно предвосхищать ее выводы». М. Тольц напоминает, что о сохранении материалов переписи 1937 г. впервые было сообщено в журнале «Вопросы истории» в 1989 г. До этого ЦСУ и Госкомстат СССР отрицали даже сам факт сохранения данных переписи.

Такую же осторожную оценку перспектив реального анализа демографической ситуации Советского Союза 1930-х гг. сохраняет и А. Кваша в «прогностическом» сборнике 1990 г. «СССР: демографический диагноз» [4]. Ставя вопрос о количестве погибших в 1930-е гг., автор с сожалением констатирует, что достоверных данных о численности рождений и смертей в этот период просто нет, поскольку итоги переписи 1937 г. не устроили Сталина, и «материалы переписи уничтожены».

Как видно из текста статьи, А. Кваша не знает о (или сомневается в) сохранении данных переписи 1937 г. Он надеется, что «откроются архивы, и мы, наконец, сможем более полно сказать о наших потерях в эти годы». Однако общий тон остается пессимистическим, поскольку «архивы вряд ли содержат точные сведения, ведь они не отвечали интересам многих деятелей того времени, не заинтересованных в сохранности таких архивов, зачастую их просто не вели».

С грустью надо признать, что мы разделяем пессимизм А. Квашы в отношении документоведения сталинского периода советской истории, полноты и достоверности архивных материалов этих лет. Но в некоторых случаях Клио оказалась на стороне современных исследователей. М. Булгаков, устами своего героя, говорил, что «рукописи не горят». Мы знаем, что на самом деле они прекрасно горят. Но не всегда. То же самое и с архивными материалами. При том, что огромное их количество уничтожено, и, соответственно, никогда не станет объектом научного исторического анализа, многие действительно серьезные документы сохранились вопреки желанию их авторов или фигурантов. Ситуация с материалами переписей 1937 и 1939 гг. относится именно к этой категории.

В монографии В. Жиромской, И. Киселева, Ю. Полякова дан краткий обзор истории публикации материалов переписи 1937 г. [5]. Авторы отмечают, что лишь в конце 1980-х гг. стало известно о том, что сохранившиеся материалы переписи находятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Из всего массива данных (публикация переписи должна была составить около 100 томов) было обнаружено несколько десятков таблиц. В начале 1990-х гг. сохранившиеся итоги переписи были опубликованы [6].

Авторы отмечают, что, судя по жестокой расправе с переписью и ее руководителями, власти СССР не ожидали получить «столь объективной картины, обнажающей действительное положение вещей и в численности населения, и в уровне грамотности и образования, и в степени распространения атеизма и т.д.» [7]. В статье приводятся данные из доклада И.А. Кровалю Сталину и Молотову о том, что «общая численность населения по переписи 6.01.1937 г. составила 162.003.225 человек, включая контингенты РККА и НКВД... Установленная численность населения значительно ниже той, которая ожидалась по данным текущего учета населения» [8].

Спустя полгода после проведения переписи, судьба ее материалов все еще была неопределенной. Власть колебалась: дезавуировать результаты переписи или опубликовать полученные данные. Но уже 25 сентября 1937 г. постановлением СНК СССР она была объявлена проведенной «с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утвержденных правительством инструкций», ее организация была признана неудовлетворительной, материалы - дефектными, и на январь 1939 г. назначена новая перепись [9].

А. Вишневецкий пишет о том, что численность населения страны превратилась в тщательно охраняемую государственную тайну, потому что ее опубликование сразу сделало бы очевидной многолетнюю ложь власти и лично Сталина [10]. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) Сталин назвал цифру населения СССР – 168 млн. чел. Отталкиваясь от нее, советские эксперты ожидали, что перепись населения 1937 года зафиксирует в стране 170-172 млн. чел.

Откуда же возникла такая разница (около 8 млн. чел.) в планируемой и реальной численности населения СССР? С точки зрения большинства исследователей, причины надо искать во внутренней политике советского руководства, в реалиях проведения массовой насильственной коллективизации, ускоренной индустриализации, снижении жизненного уровня, массовом голоде начала 1930-х гг. Авторы сборника «Демографическая модернизация России, 1900–2000» [11] отмечают, что данные о колоссальном росте смертности были засекречены. Далеко не все материалы имелись даже в органах государственной статистики. Общее повышение смертности, начавшееся с 1929 г., в 1933 г. превратилось в резкий взрывоопасный рост, который продолжался до лета 1934 г. [12]. Исследователи используют для оценки «избыточного числа смертей» в СССР методологию, которую в россий-

ской историографии впервые применил в 1989 г. В. Цаплин [13] для расчетов смертности в РСФСР, а затем использовали Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харькова в работе 1998 г. [14]. По их подсчетам «избыточное число смертей» по СССР за 1932–1933 гг. составило 7,9 млн. чел. [15].

Следует отметить, важный аспект исследования, вызывающий серьезные споры в постсоветской историографии. Мы имеем в виду региональную локализацию смертности от голода 1932–1933 гг. В последние годы резко обострился спор между российскими и украинскими историками по демографическим показателям голода в Украине и России. В качестве примера можно привести жесткую полемику между С. Кульчицким (Украина) и В. Кондрашиным (Россия). Украинский историк отстаивает концепцию «голодомора», целенаправленно проводившегося советским руководством для уничтожения украинского народа, российский исследователь настаивает на равной интенсивности и последствиях голода для обеих территорий [16].

Авторы сборника «Демографическая модернизация России, 1900–2000» указывают на то, что имеющаяся информация позволяет оценить отношение числа умерших в 1933 г. к среднему числу умерших в 1932 и 1934 гг. в регионах России от 1,1 в Сибири и на Дальнем Востоке до 2,6 в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. В Украине это отношение равно 3,2 и практически во всех областях оно выше максимальных значений по России [17].

Еще одним трагический аспект переписи 1937 г. был связан с тем, что ее подготовка и проведение пришлось на время разгула сталинских репрессий. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. руководители страны призвали к выявлению и разоблачению врагов народа, которые к тому времени уже были обнаружены в целом ряде ведомств. Вскоре враги народа отыскивались и в Центральном управлении народнохозяйственного учета (ЦУНХУ). В конце марта были арестованы начальник сектора населения, заместитель начальника отдела населения и здравоохранения М.В. Курман, начальник бюро переписи населения О.А. Квиткин, его заместитель Л.С. Брандгендлер (Бранд), заместитель начальника отдела учета транспорта и связи И.М. Обломов, начальник ЦУНХУ И.А. Краваль [18].

Якобы допущенный при переписи недоучет был приписан проискам врагов народа. В закрытом письме бюро новой Всесоюзной переписи населения 1939 г. «О вредительских извращениях и организационных недостатках в проведении переписи населения 1937 г.», разосланном 10 декабря 1937 г. в местные органы народнохозяйственного учета, недостатки переписи описывались подробно. Организаторам переписи вменялось в вину, в частности, издание дополнительных указаний, запутывавших счетчиков переписи.

А.Г. Волков цитирует советскую прессу 1930-х гг. Так, в редакционной статье «Правды» говорилось: «Враги народа сделали все для того, чтобы извратить действительную цифру населения. Они давали счетчикам вредительские указания, в результате которых многочисленные группы граждан оказались не внесенными в переписные листы». «Советский народ очень сознательно отнесся к этому важнейшему государственному мероприятию, – писали в «Блокноте агитатора» о переписи 1937 г. – Однако это дело было сорвано презренными врагами народа – троцкистско-бухаринскими агентами фашизма, пробравшимися в то время к руководству ЦУНХУ <...> Славная советская разведка, во главе со сталинским наркомом товарищем Н.И.Ежовым, разгромила змеиное гнездо предателей в аппарате советской статистики» [19].

Понятно, что в такой обстановке следующая советская перепись 1939 г. должна была прежде всего отвечать политическому заказу руководства и ориентироваться на те цифры, которые еще до ее проведения звучали с «высоких трибун». В марте 1939 г. в докладе на XVIII съезде ВКП(б) Сталин заявил, что численность населения СССР составляет 170 млн. чел.

Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харькова приводят архивные свидетельства подтверждающие, что работники государственной статистики предвидели возможность того, что готовящаяся перепись 1939 г. может вновь показать меньшие цифры численности населения, чем те, которые назывались Сталиным и другими руководителями [20]. Поэтому были введены «контрольные бланки», которые должны были гарантировать максимальную полноту учета населения и давали возможность «двойного счета».

По оценке М. Тольца, перепись 1939 г. дала цифру в 167,6 млн. чел., которая была завышена почти на 3 млн. чел. В официальные результаты переписи преднамеренно были включены данные на более 1 млн. человек из специальных бланков для проверки правильности счета в переписи («контрольные бланки»). После чего с учетом их общая цифра населения СССР была еще раз увеличена на один процент. Автор считает, что численность населения СССР к началу 1939 г. была меньше тех 168 млн., о которых Сталин объявил в 1934 г. на XVII съезде ВКП(б). Однако «окончательные результаты» переписи 1939 г., опубликованные ЦСУ в 1956 г. после смерти Сталина, содержали цифру около 170,6 млн. чел. [21].

А. Вишневский, оценивая состояние советской демографической статистики после переписей 1937 и 1939 гг., отмечает, что всюду шло засекречивание демографической информации, постепенно переходившее в ее фальсификацию. Были ликвидированы оба демографических института – ленинградский в 1934 г., киевский – в 1939 г. Почти исчезли демографические публикации. Жестокие репрессии обрушились на самих демографов.

Информационное поле демографической статистики и исследовательское поле демографии представляли собой выжженную пустыню [22].

Оценивая историографическую составляющую изучения демографического состояния Советского Союза 1930-х гг., В. Жиромская назвала демографическую историю этого периода «неизученной во всем многообразии» и не случайно использовала в названии своей книги подзаголовок «взгляд в неизвестное» [23]. Изучение истории антигуманной сталинской системы накладывает серьезный эмоциональный и психологический отпечаток на работы исследователей. Однако новые идеи и методы современной историографии, отражающие изменения в историческом сознании общества и самосознании исследователей, постепенно приближают историческое сообщество как к постановке реальных вопросов о нашем прошлом, так и к поиску ответов на них.

Источники и литература

1. Вишневский А., Кузнецова Л. Люди или население; Тольц М.С. Недоступное измерение // В человеческом измерении / Под ред. и с предисл. А.Г. Вишневского. – М., 1989. – С. 207–225, 325–344.
2. Тольц М.С. Указ. соч.
3. Данилов В.П. Дискуссии в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х годов в СССР // Вопросы истории. – 1988. – № 3; Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. – 1989. – № 4.
4. Кваша А. Цена побед // СССР: демографический диагноз / Сост. В.И. Мукомель. – М., 1990. – С. 241–251.
5. Жиромская В., Киселев И., Поляков Ю. Полвека под грифом секретно. Всесоюзная перепись населения 1937 г. – М., 1996. – С. 4.
6. Поляков Ю., Жиромская В., Киселев И. Полвека молчания. (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. – 1990. – № 6–8; Вестник статистики. – 1990. – № 7.
7. Поляков Ю., Жиромская В., Киселев И. Полвека молчания. (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. – 1990. – № 6. – С. 7.
8. Там же. – С. 9–10.
9. Волков А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // История статистики. Вып. 3-5 (ч. II). – М., 1990. http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html
10. Вишневский А. Демография сталинской эпохи // Население и общество. – 2003, Март-Апрель. – № 70. <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps70.pdf>
11. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Вишневского. – М., 2006.
12. Там же. – С. 409.
13. Цаплин В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. – 1989. – № 4.
14. Андреев Е., Дарский Л., Харьков Т. Демографическая история России: 1927–1957. – М., 1998.
15. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Вишневского. – М., 2006. – С. 411.
16. Об уровне и тоне дискуссии можно судить, например, по Кондрашин В.В. Международная конференция в Австралии по проблеме голода в мировой истории XX в. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сборник статей. – Коломна, 2009. – С. 397–402.
17. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Вишневского. – М., 2006. – С. 410.
18. Волков А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // История статистики. Вып. 3-5 (ч. II). – М., 1990. http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html
19. Там же.
20. Андреев Е., Дарский Л., Харьков Т. Демографическая история России: 1927–1957. – М., 1998.
21. Тольц М. Тайны советской демографии // Электронная версия бюллетеня Население и общество. <http://demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit06.php>
22. Вишневский А. Демография сталинской эпохи // Население и общество. – 2003. – Март-Апрель. – № 70. <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps70.pdf>
23. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. – М.: РОССПЭН, 2001.

Рост числа и влияния больших городов как ведущий фактор российской урбанизации

Важнейшим итогом индустриализации и модернизации экономики в советский период явился переход к индустриальному обществу, определивший ведущий вектор социально-экономического развития России во второй половине XX в. Одним из внешних проявлений этой трансформации общества выступил устойчивый рост числа городских поселений и численности городского населения, который отразил одну из важнейших сторон урбанизации общества. Урбанизация представляет собой сложный и многогранный социально-экономический процесс, характеризующийся ростом городского населения и его концентрацией в больших городах; сосредоточением основных видов человеческой деятельности в наиболее крупных очагах расселения населения; развитием городских агломераций, перерастающих в урбанизированные районы и зоны; охватом городским образом жизни и городскими формами занятости, культуры и обслуживания населения обширных территорий с городскими и сельскими формами расселения; включением сельских жителей в тесные повседневные связи с городом.

Большие города – одна из немногих градаций городов по величине, параметры которой признаны во всём мире. В международной статистике к категории больших городов принято относить города с численностью постоянного населения от 100 и более тыс. чел. В отечественной географии городов и статистике разработана и используется более детальная классификация больших городов по величине, включающая в себя группы собственно больших (100–250 тыс. чел.), крупных (250–500 тыс. чел.) и крупнейших (свыше 500 тыс. чел.) городов.

Города с численностью населения свыше 100 тыс. чел. (далее – большие города) в наибольшей мере воплощают в себе черты «истинного города». Типичными характеристиками большого города принято считать:

- многофункциональность и значительное развитие специализированных функций, способствующих формированию сложных комплексов городского хозяйства;
- опережающее развитие функций непромышленного характера и повышенная доля занятых в отраслях нематериальной сферы городской экономики;
- высокая степень концентрации и диверсификации производства с преимущественным развитием трудоемких отраслей обрабатывающей промышленности;
- более эффективное использование выгод экономико-географического положения и преимуществ агломерационного эффекта;
- широкое развитие и разнообразие видов городского транспорта по мере роста численности населения;
- сложная планировочная организация и расчленённость структуры городской территории, связанные с возникновением нескольких производственных зон и подцентров;
- формирование сложной организованной пригородной зоны с развитыми ближними связями и перспективами её перерастания в обширный урбанизированный район.

По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в границах современной РФ было 428 городов, среди которых – 7 городов людностью более 100 тыс. чел. Состав больших городов определили два столичных города (Санкт-Петербург и Москва), четыре губернских (Саратов, Казань, Астрахань, Тула) и один областной (Ростов-на-Дону) центр. Во всех больших городах проживало 2915,2 тыс. чел., что составило 29,5 % всего городского населения. В этот период все большие города располагались в пределах наиболее освоенной и обжитой территории европейской части страны (табл. 1).

В последующие три десятилетия темпы роста сети городов и проживающего в них населения несколько замедлились. Однако эта тенденция не проявилась в отношении больших городов, число которых продолжало расти. Переписью населения 1926 г. в РСФСР было учтено 20 городов с численностью населения более 100 тыс. чел. Политика индустриализации и начавшийся сдвиг производительных сил в северные и восточные районы нового освоения способствовали дальнейшему расширению сети городских поселений и повышению уровня урбанизации в стране. Наиболее динамичный рост числа больших городов в РСФСР наблюдался в межпереписной период с 1926 по 1939 г., когда число городов с людностью более 100 тыс. чел. увеличилось в 2,6 раза, а численность проживающего в них населения – до 59,2 % в общей численности горожан.

С 1926 по 1991 г. число больших городов увеличилось с 20 до 168, или в 8,4 раза, а их удельный вес в общем количестве российских городов – с 4,3 до 15,9 %. За это же период общее число больших городов в РФ выросло в 2,3 раза, а их доля в общей численности городского населения повысилась с 39,2 до 62,7 %, а в структуре численности населения городов – с 46,3 до 71,4 %. В постсоветский период темпы роста городской сети существен-

* **Обедков Анатолий Павлович** (Сыктывкар) – кандидат географических наук, доцент Сыктывкарского филиала СПбГУСЭ; **Обедкова Нина Павловна** (Сыктывкар) – начальник Отдела гидрологии Центра по гидрометеорологии и охране окружающей среды Республики Коми. E-mail: obedkovap@gmail.com

но замедлились, что в сочетании с непрерывным сокращением числа посёлков городского типа вызвало устойчивое уменьшение численности и доли городского населения.

Таблица 1

**Ранжирование городов Российской империи по численности населения
(по данным переписи населения 1897 г., в довоенных границах РСФСР)**

№ п/п	Название населённого пункта	Людность, тыс. чел.	Губерния, область	Субъект Российской Федерации
1	2	3	4	5
Города-миллионеры				
1	Санкт-Петербург	1267,0	Санкт-Петербургская	город Санкт-Петербург
2	Москва	1035,7	Московская	город Москва
Большие города (100-249,9 тыс. чел.)				
3	Саратов	137,1	Саратовская	Саратовская область
4	Казань	131,5	Казанская	Республика Татарстан
5	Ростов-на-Дону	119,9	Войска Донского область	Ростовская область
6	Астрахань	113,0	Астраханская	Астраханская область
7	Тула	111,0	Тульская	Тульская область

Составлено по: *Население городов по переписи 28 января 1897 г. Вып. 2. – Санкт-Петербург, 1897; Россия. Энциклопедический словарь / Издатель: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб., 1898; Лениздат, 1991.*

В постсоветский период темпы роста городской сети существенно замедлились, что в сочетании с непрерывным сокращением числа посёлков городского типа вызвало устойчивое уменьшение численности и доли городского населения. С 1992 по 2008 г. общее количество российских городов увеличилось всего на 44 поселения, а число больших городов практически не изменилось. По состоянию на начало 2008 г. в России насчитывалось 164 города с людностью более 100 тыс. чел. В них проживало 65,5 % от общей численности городского населения и 71,1 % всех жителей городов России. Одновременно с этим с начала 1990-х гг. наметилась тенденция постепенного уменьшения среднего размера городов, которое проходило на фоне роста людности больших городов (табл. 2).

Таблица 2

Большие города в сети городов Российской Федерации в 1926–2008 гг.

Год	Число городов			Численность населения городов, тыс. чел.			Средний размер, тыс. чел.	
	Всего	Большие	Доля больших, %	Всего	Большие	Доля больших, %	Город	Большой город
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1926	461	20	4,3	13928	6447	46,3	30,2	322,4
1939	574	52	9,0	31012	18373	59,2	54,0	353,3
1959	877	92	10,5	52164	31684	60,7	59,5	344,4
1970	969	124	12,7	69998	46547	66,5	72,2	375,3
1979	999	152	15,2	82948	58385	70,4	83,0	384,1
1989	1037	165	15,9	94450	67361	71,3	91,1	408,2
1991	1052	168	15,9	96010	68500	71,4	91,3	407,7
1999	1086	164	15,1	95159	66565	70,0	87,6	405,9
2002	1098	163	14,8	93978	65666	69,9	85,6	402,9
2005	1099	169	15,4	96039	68576	71,4	87,4	405,8
2006	1095	168	15,3	98808	68457	71,5	87,5	407,5
2007	1095	167	15,3	95565	68232	71,4	87,3	408,6
2008	1096	164	15,0	95522	67936	71,1	87,2	414,2

Составлено по данным Росстата. Показатели 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг. приведены на дату переписи, 1991, 1999, 2005-2008 гг. – на начало года.

Среди больших городов наиболее многочисленной и подвижной по составу является группа городов с численностью населения в интервале от 100 до 250 тыс. чел. С одной стороны, она пополняется за счёт перехода в эту группу теряющих население крупных городов, а с другой стороны, за счёт включения в состав статистически больших городов динамично растущих средних городов, впервые преодолевших рубеж в 100 тыс. чел. В 2005 г. в результате административно-территориальных преобразований в число статистически больших городов вошли

города Артём Приморского края, Копейск Челябинской области, Новый Уренгой и Ноябрьск Ямало-Ненецкого автономного округа, Тобольск Тюменской области. При этом Копейск на некоторое время выбывал из числа больших городов, но затем восстановил свою численность и вновь вошёл в эту престижную категорию городов.

В ходе реализации реформы местного самоуправления своей самостоятельности лишились два больших города – Зеленоград и Колпино, демонстрировавшие до этого устойчивый демографический рост. В 1991 г. были упразднены городские районы г. Москва и образованы административные округа, одним из которых стал г. Зеленоград, впоследствии переименованный в Зеленоградский административный округ. Город Колпино, подчинённый администрации города Санкт-Петербурга, в 1998 г. был включён в его городскую черту. Первоначально он получил статус городского района, а затем Колпинского административного района города Санкт-Петербурга (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности бывших статистически больших городов России, вошедших в состав других городов, тыс. чел.

№ п/п	Название города, годы существования	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1995 г.	2000 г.	2002 г.	2008 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Зеленоград (1963–2005)	–	–	89	141	159	192	202	216	–
2	Колпино (1912–1998)	38	35	70	114	141	142	–	–	–

Примечание. Данные 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг. – на дату переписи. Данные 1995, 2000, 2008 гг. – на начало года.

Анализ изменения численности населения группы больших городов с численностью населения в интервале от 250 до 500 тыс. чел. позволяет выделить три основных типа их динамики. Первый тип характеризуется положительной динамикой и тенденцией к постепенному росту численности населения, второй – неустойчивой динамикой и достижением относительной стабилизации людности, третий – отрицательной динамикой после достижения максимальной людности и тенденцией к снижению численности населения. Только пять крупных городов (Белгород, Махачкала, Ставрополь, Сургут, Томск) показывают положительную динамику демографического развития. В последние годы наметился рост численности населения Сочи, который имеет благоприятные предпосылки к наращиванию населения в связи с подготовкой к проведению в 2014 г. Олимпийских игр. В последние годы наметилась стабилизация численности населения Стерлитамака – второго по величине города Башкортостана. Остальные 30 крупных городов в последние годы показывают отрицательную динамику демографического развития. После достижения максимальной величины с середины 1980-х гг. непрерывно теряет население Нижний Тагил, с начала 90-х гг. – Архангельск, Братск, Иваново, Комсомольск-на-Амуре, Магнитогорск, Мурманск, Нальчик, Таганрог и Чита, с середины 90-х гг. – Брянск, Владимир, Волжский, Калуга, Орёл, Тамбов и Тверь, с конца 90-х гг. – Брянск, Вологда, Калининград, Кострома, Курган, Курск, Смоленск, Улан-Удэ и Череповец, с 2002–2003 гг. – Владикавказ, Петрозаводск и Чебоксары.

Одной из характерных особенностей процесса урбанизации в России является устойчивый рост численности проживающих в крупнейших городах людностью свыше 500 тыс. чел., представленных городами-миллионерами и субмиллионерами. Города этих групп людности развиваются как центры социально-экономического развития регионального и межрегионального значения. Определяя «высший командный состав» всей сети городских поселений, они формируют основу опорного каркаса расселения страны. Крупнейшие города являются закономерной ступенью объективного процесса развития иерархической сети городских поселений и систем городского расселения. При этом само наличие развитой сети городских поселений во главе с крупнейшими городами выступает своеобразным индикатором зрелости развития всей сети городских поселений и городского расселения страны. Важным фактором развития крупнейших городов, задающим их лидирующие позиции в системе городского расселения, является сочетание в них ведущих отраслей хозяйства и прогрессивных видов экономической деятельности. Присущая им расширенная сфера приложения труда способствует концентрации экономически активного населения, диверсификации городской экономики и интенсификации городского образа жизни. Благодаря этому крупнейшие города становятся фокусно-узловыми точками регионов, которые концентрируют демографический, трудовой, промышленный, инновационный, научный, образовательный и социально-культурный потенциал страны.

До середины 1930-х гг. прошлого столетия в границах современной Российской Федерации было всего два города с населением свыше 500 тыс. чел. – Санкт-Петербург и Москва, которые стали городами-миллионерами в последнее десятилетие XIX в. Дальнейшему формированию сети крупнейших городов способствовала ускоренная индустриализация экономики страны. Уже в 1930-е гг. список крупнейших городов пополнили Нижний Новгород и Ростов-на-Дону. Переписью населения 1939 г. в пределах РСФСР было учтено четыре города с населением более 500 тыс. чел., а к началу 1970 г. общее число крупнейших городов достигло 17, из них шесть

были городами-миллионерами. В последующие два десятилетия сеть крупнейших городов продолжала динамично развиваться и стала более разветвлённой. В межпереписной период с 1979 по 1989 г. число городов с людностью свыше 500 тыс. человек увеличилось с 26 до 34, в том числе городов-миллионеров – с 8 до 12. Таким образом, с 1926 по 1989 г. число крупнейших городов в РСФСР увеличилось в 17 раз, а их удельный вес в общем количестве российских городов – с 0,4 до 3,3 %. За это же период доля крупнейших городов в общей численности городского населения страны повысилась с 26,1 до 41,5 %, а в структуре численности населения городов – с 26,1 до 41,5 %.

В последние 15-20 лет массовый характер приобрёл процесс сокращения численности населения крупнейших городов, сопровождавшийся переходом в нижестоящую группу людности. В 1989 г. в число городов-миллионеров впервые вошёл Волгоград, показавший в последующие годы неустойчивую динамику людности. Город выбывал из числа городов-миллионеров в 1999–2002 гг., а затем с 2005 г. по настоящее время. В 2004 г. статус города-миллионера потеряла Пермь. С учётом наметившихся тенденций подобная участь в ближайшие годы ожидает Уфу. С 1996 по 2004 г. из группы крупнейших городов выбывал город Кемерово, который с начала 2005 г. восстановил свою численность за счёт включения в городскую черту нескольких близлежащих посёлков городского типа. При этом группу крупнейших городов пополнили три новых города: Липецк (в 1999 г.), Тюмень (в 2001 г.) и Астрахань (в 2003 г.).

На начало 2008 г. в России насчитывалось 35 городов с численностью постоянного населения более 500 тыс. чел., в числе которых были 11 городов-миллионеров и 24 города-субмиллионера. В них проживало 39,4 % от общей численности городского населения, 42,8 % всех жителей городов России и 60,2 % всех жителей больших городов с людностью свыше 100 тыс. чел. Одновременно с этим с начала 1990-х гг. наметилась тенденция постепенного уменьшения среднего размера городов, которое проходило на фоне роста людности больших городов. С 1991 по 2008 г. средний размер российского города уменьшился с 91,3 тыс. до 87,2 тыс. чел, или на 4,4 %. За это время средний размер крупнейшего города страны увеличился с 1131 тыс. до 1169 тыс. чел., или на 3,3 %.

В постсоветское время крупнейшие города России имели неустойчивую динамику людности. В эти годы только Москва и Санкт-Петербург сохранили за собой первую и вторую позиции соответственно. Все остальные крупнейшие города неоднократно меняли свое место в общей иерархии городов по численности населения. В послепереписной период продолжают действовать ранее наметившиеся тенденции сокращения численности населения крупнейших городов. Исключение составляют два города-миллионера (Москва и Казань) и пять городов-субмиллионеров (Красноярск, Краснодар, Тольятти, Тюмень и Кемерово), демонстрирующие устойчивый рост численности постоянного населения (табл. 4).

Крупнейшие города являются ядрами формирующихся крупногородских агломераций, которые повышают их значимость в единой системе расселения страны. По данным текущего статистического учёта, в настоящее время в России насчитывается 21 городская агломерация с численностью населения свыше 1 млн. чел. Ядрами агломераций-миллионников являются 11 городов-миллионеров и 11 городов-субмиллионеров, в числе которых – Пермь, Волгоград, Красноярск, Саратов, Воронеж, Краснодар, Тольятти, Владивосток, Иркутск, Новокузнецк и Тула. При этом два из них входят в состав полицентрической агломерации – Самарско-Тольяттинско-Сызранскую конурбацию.

По данным текущего статистического учёта, крупнейшими российскими агломерациями-мультимиллионниками (с численностью населения свыше 2 млн. чел.) являются Московская, Санкт-Петербургская, Самарско-Тольяттинско-Сызранская, Екатеринбургская, Нижегородская и Ростовско-Шахтинская. По приблизительным оценкам, совокупная численность населения, попадающего в зону влияния 6 агломераций-мультимиллионников, варьируется в пределах от 26 до 30 млн. чел.

В постсоветское время большинство крупнейших городов России достигли своей максимальной людности. За этим последовала устойчивая депопуляция населения, которая практически не компенсируется миграционным приростом. Однако при общей тенденции к сокращению численности постоянного населения крупнейшие города существенно различаются темпами депопуляции в зависимости от степени экономического благополучия, определяемого уровнем развития сферы услуг и рыночной инфраструктуры, наличия поблизости конкурирующих центров регионального и межрегионального значения. Между тем общее количество городов-миллионеров и субмиллионеров может увеличиться уже в ближайшие годы за счёт принятия законодательных актов местных властей по включению в состав муниципальных образований городских округов поселений, образующих городскую агломерацию. В более отдалённой перспективе укрупнение городского расселения будет происходить в случае утверждения и реализации федеральной программы формирования опорных городов и мегаполисов.

В условиях переходного периода, вызванного распадом СССР и трансформацией экономики в результате рыночных реформ, стали предприниматься попытки регулирования урбанистического развития и процесса агломерирования как на региональном, так и на федеральном уровнях. Это нашло отражение в провозглашении и начале реализации программ создания новых городов-спутников крупных городов, включая так называемые «част-

ные города». При этом особое внимание уделяется целенаправленному формированию «опорных городов» и мегаполисов, являющихся не только урбанизированной территорией наднагломерационного уровня, но и наиболее крупной формой городского расселения.

Таблица 4

Динамика численности населения крупнейших городов России в 1897–2008 гг., тыс. чел.

№	Города	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2008 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Москва	1039	2080	4542	6044	7061	8072	8774	10126	10470
2	Санкт-Петербург	1265	1614	3015	3003	3515	4073	4460	4661	4568
3	Новосибирск	8	120	404	885	1161	1312	1437	1426	1391
4	Екатеринбург	56	140	423	779	1025	1211	1365	1294	1323
5	Нижний Новгород	95	222	644	941	1170	1344	1438	1311	1275
6	Самара	92	176	390	806	1045	1216	1254	1158	1135
7	Омск	38	162	289	581	821	1014	1148	1134	1131
8	Казань	132	179	406	667	869	989	1094	1105	1120
9	Челябинск	20	59	237	689	875	1030	1142	1077	1092
10	Ростов-на-Дону	120	121	306	629	850	999	1091	1068	1049
11	Уфа	50	99	258	547	771	969	1078	1042	1021
12	Пермь	45	121	306	629	850	999	1091	1002	987
13	Волгоград	56	84	445	591	815	929	999	1011	984
14	Красноярск	27	72	190	412	648	796	913	909	936
15	Воронеж	84	122	327	447	660	783	887	849	840
16	Саратов	137	220	372	579	757	856	905	873	836
17	Краснодар	66	153	193	313	464	557	621	646	710
18	Тольятти	6	6	10	72	251	502	631	703	705
19	Ижевск	41	62	176	285	422	549	635	632	613
20	Ульяновск	43	66	98	206	351	464	625	636	607
21	Ярославль	71	116	309	407	517	597	633	613	605
22	Барнаул	29	74	148	303	439	535	602	601	597
23	Владивосток	29	108	207	291	441	558	634	595	579
24	Хабаровск	15	52	207	323	436	528	601	583	577
25	Иркутск	51	108	250	366	451	550	626	594	576
26	Новокузнецк	3	4	169	380	496	541	600	550	562
27	Тюмень	30	50	79	150	269	359	477	511	560
28	Оренбург	73	123	172	267	343	458	547	549	526
29	Кемерово	4	22	137	289	385	461	509	485	520
30	Рязань	45	51	95	214	350	453	515	522	511
31	Пенза	62	92	160	256	374	483	543	518	508
32	Набережные Челны	-	4	9	16	38	301	500	510	506
33	Астрахань	113	175	254	296	410	458	478	505	503
34	Липецк	17	21	67	157	289	394	481	506	502
35	Тула	111	155	285	351	462	513	536	503	500

Примечание. В 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг. – данные всеобщих переписей населения, в 2008 г. – на начало года. Полу жирным шрифтом выделены максимальные пиковые показатели людности.

В результате обобщения предложений по формированию мегаполисов в ряде российских регионов, Департамент регионального социально-экономического развития и территориального планирования Министерства регионального развития России выдвинул проект целенаправленного формирования 14 новых мегаполисов, которые в течение ближайших 20 лет должны стать более привлекательными для проживания и развития предпринимательства. Половина из предполагаемых мегаполисов будет создана в европейской части, другая – в азиатской части России. В Центральной России ядрами будущих мегаполисов будут выступать города Воронеж и Нижний Новгород, в Урало-Поволжье – Екатеринбург, Челябинск, Казань и Самара, на Европейском Юге – Ростов-на-Дону, в Сибири – Новосибирск, Томск, Тюмень, Красноярск и Иркутск, на Дальнем Востоке – Владивосток и Хабаровск.

Большим городам принадлежит ведущее место в составе региональных сетей городских поселений, формирующих единую систему расселения страны. Обладая выгодным экономико-географическим положением, они выступают узлами опорного каркаса территории страны, средоточием важнейших экономических и транспортно-распределительных связей межрайонного или внутрирайонного значения. Несмотря на смену основных тенденций городского развития после распада СССР, в РФ продолжается укрупнение городского расселения. Этот объективный процесс сопровождается повышением удельного веса больших городов в общей численности городского населения. При этом наличие разветвлённой сети городских поселений во главе с большими городами выступает своеобразным индикатором зрелости развития городского расселения страны.

Процесс урбанизации в России имеет как общие с другими высокоурбанизированными странами черты и формы, так и специфические особенности, которые проявились в ходе эволюции больших городов в различные исторические периоды. Специфические особенности проявления урбанизационных процессов были связаны с ускоренными темпами роста числа городских поселений и численности городского населения; развитием урбанизации как побочного эффекта индустриализации страны и заселения районов нового освоения; достижением высокого уровня количественного роста урбанизации в ущерб её качественному развитию. Вследствие этого процесс урбанизации в современной России характеризуется незавершённостью и односторонним характером из-за хронического отставания социальной сферы экономики городов, пренебрежения городских властей к удовлетворению насущных потребностей горожан и их слабого включения в городской образ жизни. При этом городская среда обитания человека довольно часто отличается низким качеством жизни и экологическим неблагополучием. Между тем городские формы занятий, культуры и обслуживания населения слабо проникают в сельскую местность и пока не стали доминирующими даже в зоне влияния многих больших городов.

Источники и литература

1. Население городов по переписи 28 января 1897 г. Вып. 2. – СПб., 1897.
2. Россия. Энциклопедический словарь. Издатели: Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (Санкт-Петербург). – СПб., 1898; Лениздат, 1991.
3. Численность и размещение населения. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 Т. / Федеральная служба гос. статистики; Т.1).
4. Численность населения Российской Федерации по городам, посёлкам городского типа и районам на 1 января 2008 г. – М.: Росстат, 2008.

Современные социально-демографические процессы у нивхов Сахалина

Анализ социально-демографических, профессиональных, образовательных и пр. социальных структур дает представление об удельном весе трудоспособного населения, соотношении половозрастных групп, уровне образования, типе и величине семьи, количестве детей, уровне брачности, а также о характере «вымывания» молодежи в процессе «постарения» деревни.

В качестве источников информации при написании статьи были использованы актовые записи управления ЗАГСа Охинского района Сахалинской области и данные похозяйственных книг Охинского, Ногликского и Паранайского районов Сахалинской области, обработанные автором статьи и сотрудником Института истории ДВО РАН д.и.н., проф. С.В. Березницким).

Перестройка культуры, хозяйства и быта, рост грамотности, возникновение новых профессий, создание национальной интеллигенции, перемещение населения в города, совместный труд в колхозах, на предприятиях и в учреждениях – все эти разнохарактерные и различные по значимости явления оказали большое влияние не только на общий подъем культуры, но и на рост числа смешанных браков и, особенно, на рост числа браков нивхов с русскими. При заключении подобных браков национальные признаки не являлись особым препятствием, о чем свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Количество однонациональных и смешанных браков у нивхов, % от общего числа заключенных браков

Виды браков	Сахалинские нивхи (% браков от общего числа)				
	1958–1962 гг.	1968–1972 гг.	1978–1982 гг.	1988–1992 гг.	1998–2002 гг.
Однонациональные	62,2 %	57,2 %	42,1 %	39 %	28,6 %
Смешанные (всего)	37,8 %	42,8 %	57,9 %	61 %	71,4 %
В т.ч. нивх/ слав.	17,2 %	20 %	12,3 %	17,4 %	14,3 %
Слав./ нивха	10,3 %	11,4 %	26,3 %	37 %	47,6 %
Нивх/ др. малые народности	6,9 %	5,7 %	3,5 %	–	–
Др. малые народности/ нивха	–	–	7 %	2,2 %	–
Нивх/ другие	–	–	–	2,2 %	–
Другие/ нивха	3,4 %	5,7 %	8,8 %	2,2 %	9,5 %

Примечание: Рассчитано по актовым записям Управлений ЗАГСа Охинского района Сахалинской области.

Данные таблицы показывают, что одной из особенностей смешанных браков сахалинских нивхов является то, что у них во все периоды был очень большой % браков со славянским населением (главным образом, с русскими). Такое положение вещей объясняется, скорее всего, их достаточно компактным проживанием на острове.

Таблица 2

Национальность детей в семьях нивхов

Типы семей	Сахалинские нивхи			
	Национальность отца	Национальность матери	Фамилия отца	Фамилия матери
Однонациональные	–	–	77 %	23 %
Нивхо-славянские	94,4 %	5,6 %	88,9 %	11,1 %
Славяно-нивхские	12,8 %	87,2 %	66,7 %	33,3 %
Нивх – прочие	81,8 %	18,2 %	100 %	–
Прочие – нивхинка	20 %	80 %	93,3 %	6,7 %

Примечание: Рассчитано по полевым материалам (Поронайский, Охинский, Ногликский районы Сахалинской области) С.В.Березницкого (см.: Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 416. Л. 45-69, 211-243, 331-341, 423-428, 479-503).

Таблица 2 показывает, что у сахалинских нивхов во всех смешанных браках национальность детей определяют по родителям-нивхам, фамилии детям также повсеместно дают по отцу. Нанайцы или ульчи, переселявшиеся на нивхскую территорию, женились на нивхинках, и их потомство считало себя нивхами. Таким образом, национальное самосознание лиц, выросших в смешанных по национальному составу семьях, в значительной

* Фадеева Елена Викторовна (Владивосток) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: ev_fadeeva@mail.ru

степени воспитывается тем этническим окружением, в котором вырастают эти лица (при условии, что отец или мать данного лица происходят из среды этого народа).

Главой нивхской семьи до сих пор считается муж, а там, где его нет, – хозяйка семьи. В семьях не стало такого резкого разделения труда, как это было раньше. Встречались семьи, где женщины трудились в рыболовческих бригадах наравне со своими мужьями. До сих пор большая забота проявляется нивхами о пожилых и нетрудоспособных людях, а также о сиротах. Последних часто берут на воспитание; старики также живут в семьях своих родственников и находятся на их иждивении.

В городской и сельской местности в большей части брачных пар жена образованнее мужа, чаще моложе его. Средний возраст вступления в первый брак у мужчин 22,5 года; у женщин – 20,2. Брачность среди мужчин выше, чем среди женщин. При этом брачность среди городского населения ниже, чем среди сельского, что обусловлено, вероятно, двумя основными причинами. Во-первых, в структуре городского населения значительное место занимают молодые люди, приехавшие в город учиться и, как правило, откладывающие брак до окончания учебы. Во-вторых, в городе возникают дополнительные трудности при выборе партнера. Сравнительно небольшое количество лиц данной национальности уменьшает возможность выбора, так как ориентация на брак с лицами своей национальности все еще сильны.

Среди городского населения в 2,7 раза больше семей, где муж старше жены. Браки, в которых возраст супругов совпадает, составляют 8,7 %. Средняя разница возраста в городских семьях, где старше муж, составляет 4,7 года, а где старше жена – 3,8 лет. В сельской местности происходит стирание подобных различий: здесь аналогичные расхождения составляют у мужчин 4 года, у женщин – 4,3. На селе чаще встречаются браки, где жена значительно старше мужа (различия достигают 16 лет). Превышение возраста женщин в городских браках чаще всего составляет 1-3 года, а различия в 5-10 лет встречаются довольно редко. У сахалинских нивхов – это 31,1 % и 35,8 % соответственно. В смешанных нивхских семьях на Сахалине в 2,4 % жена старше мужа и 18,1 % жен оставили свою девичью фамилию.

Размеры и тип семьи в прошлом в значительной степени определялись характером хозяйства, образом жизни, условиями обитания каждой конкретной группы народов. В те или иные исторические периоды характер и размер семей каждого народа были различными.

Таблица 3

**Структура нивхских хозяйств (однонациональных и смешанных семей),
% от общего числа хозяйств**

Тип хозяйства (семьи)	Сахалинские нивхи, %
Всего хозяйств	592 (100 %)
Две и более брачные пары с детьми	6 (1 %)
Одна брачная пара без детей	18 (3 %)
Одна брачная пара с детьми	167 (28,2 %)
Одна брачная пара с детьми и одним из родителей	13 (2,2 %)
Одна брачная пара с детьми и родственником	17 (2,9 %)
Мать-одиночка	178 (30 %)
Отец-одиночка	33 (5,6 %)
Одинокие мужчины	91 (15,4 %)
Одинокие женщины	69 (11,7 %)

Примечание: рассчитано по полевым материалам (Поронайский, Охинский, Ногликский районы Сахалинской области) С.В. Березницкого (см.: Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф.1. Оп. 2. Д. 416. Л. 45-69, 211-243, 331-341, 423-428, 479-503).

Согласно данным таблицы, у сахалинских нивхов в конце XX в. преобладающую роль играли семьи, состоящие из брачной пары с детьми и семьи матерей-одиночек (30 % и 28,2 %). Для города наиболее характерна семья, состоящая из брачной пары с детьми, а для села, – брачная пара с родственниками, родителями, детьми и без детей, то есть, семья, сложная по составу. Средняя численность однонациональных нивхских семей на Сахалине в конце XX – начале XXI в. в городской местности составляла 3,2 чел., в сельской – 3,8 чел.; смешанных семей – 3,3 чел. и 4,7 чел. соответственно.

Почти каждая семья имеет детей. В сельской местности только 5,5% семей их не имеет, в городской местности – 10 %. Среднее число детей в однонациональных нивхских семьях на Сахалине в конце XX в. в городе составляло 1,6 чел, на селе – 1,9 чел.; в смешанных семьях – 1,3 чел. и 1,7 чел. соответственно.

Количество детей в семье значительно колеблется в зависимости от возраста и образования главы семьи. Наблюдается прямая зависимость: чем выше уровень образования главы семьи, тем меньше детей. Табл. 4 показывает динамику рождаемости у нивхов в различные периоды XX в.

Таблица 4

Динамика рождаемости и смертности

Количество	Сахалинские нивхи				
	1958–1962 гг.	1968–1972 гг.	1978–1982 гг.	1988–1992 гг.	1998–2002 гг.
Рождений	142	90	126	143	105
Смертей	74	76	80	50	54

Примечание: Рассчитано по актовым записям ЗАГСа Охинского района Сахалинской области.

Если снижение рождаемости в 1960–1970-е гг. следует рассматривать не как случайное явление, а как фундаментальный факт перехода к осознанному планированию, регулированию числа детей на уровне самой семьи, то есть, на микроуровне, то на сегодняшний день это определяется теми возможностями, которыми располагает та или иная семья. И, к сожалению, стоит отметить, что в настоящий момент эти возможности не способствуют увеличению числа детей в семьях. Продолжают рожать детей (зачастую, с различными патологиями) только женщины с низким образовательным уровнем, не имеющими полноценной семьи, не состоящие в браке и живущие только за счет детских пособий.

Устойчивость семьи во многом зависит от того, был ли брак зарегистрирован. Браки в сельской местности распадаются чаще, в большинстве супруги относятся к разным профессиональным группам. Но в целом по возрасту и образованию супругов семьи стали более однородными. Удельный вес распавшихся браков находится в прямой зависимости от времени их заключения (табл. 5).

Таблица 5

Динамика разводов в нивхских семьях

Периоды	Сахалинские нивхи					
	Срок существования однонациональных семей до развода			Срок существования смешанных семей до развода		
	до 5 лет	с 6 до 10 лет	более 10 лет	до 5 лет	с 6 до 10 лет	более 10 лет
1958–1962	–	–	–	–	1 (100 %)	–
1968–1972	–	1 (100 %)	–	4 (50 %)	2 (25 %)	2 (25 %)
1978–1982	1 (16,7 %)	4 (66,6 %)	1 (16,7 %)	7 (46,7 %)	5 (33,3 %)	3 (20 %)
1988–1992	1 (16,7 %)	2 (33,3 %)	3 (50 %)	6 (42,9 %)	6 (42,9 %)	2 (14,2 %)
1998–2002	–	2 (28,6 %)	5 (71,4 %)	2 (50 %)	2 (50 %)	–

Примечание: Рассчитано по актовым записям ЗАГСа Охинского района Сахалинской области.

Из таблицы видно, что наибольшее число расторжений в однонациональных семьях приходится на браки, заключенные 6 и более 10 лет назад, тогда как в смешанных семьях наибольший процент разводов приходится на браки продолжительностью до 5 лет. В семьях, где расторгнуты браки, как правило, невелико число детей. Смешанные семьи, за исключением последнего периода, распадаются гораздо чаще, чем однонациональные, что, возможно, связано с сохраняющейся национальной «неприятностью» нивхов к самому явлению развода. Другая причина, вероятно, заключается в том, что в однонациональных семьях уровень образования, возраст, социальный статус супругов более однороден, нежели в смешанных семьях, отсюда и меньшее количество причин для распада таких семей. Произошедшее за последнее время изменение условий существования народов Севера, социально-демографические проблемы оказались крайне неблагоприятными для их жизни. Темпы прироста населения снизились, повысилась смертность, особенно среди мужчин трудоспособного возраста. Уровень смертности во все периоды составлял 50-70 % от уровня рождаемости.

Среди причин смертности немаловажное место занимают травмы, отравления, связанные с алкоголизмом, убийства, суицид и другие нетипичные причины смерти (табл. 6).

Удельный вес смертности по причинам самоубийств, болезней органов дыхания и инфекционных заболеваний более чем в 2,5 раза превышает среднестатистические данные по России.

Структура умерших от неестественных причин смерти, %

Причины смерти	Сахалинские нивхи				
	1958–1962 гг.	1968–1972 гг.	1978–1982 гг.	1988–1992 гг.	1998–2002 гг.
Случайные утопления	20	18,5	8,3	18,7	13,6
Самоубийства	33,3	11,6	20,8	25	4,5
Убийства	20	25,9	25	37,5	50
Отравление алкоголем	6,7	18,5	20,8	–	9,1
Другие отравления	–	7,4	4,2	6,3	–
Другие причины (переохлаждение, несчастные случаи и пр.)	20	18,5	20,8	12,5	22,7
Всего (% к общему числу умерших)	20	35,5	30	32	40,7

Примечание: Рассчитано по актовым записям ЗАГСа Охинского района Сахалинской области.

Данные табл. 7 показывают, что у сахалинских нивхов в 1958–1962 гг. на первом месте шла смертность от туберкулеза, после нее – от болезней системы кровообращения, органов дыхания и осложнений беременности; в последующие периоды пальму первенства «взяла» смертность от болезней системы кровообращения.

Таблица 7

Причины смерти нивхов Охинского района Сахалинской области

Причины смерти	1958–1962 гг.		1968–1972 гг.		1978–1982 гг.		1988–1992 гг.		1998–2002 гг.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего умерло	74	100	76	100	80	100	50	100	54	100
В т.ч. от инфекционных и паразитарных инфекций	3 чел. (4,1 %)		1 чел. (1,3 %)		2 чел. (2,5 %)		1 чел. (2 %)		–	
от туберкулеза всех форм	18 чел. (24,3 %)		8 чел. (10,5 %)		4 чел. (5 %)		–		1 чел. (1,9 %)	
от менингококковой инфекции	2 чел. (2,7 %)		–		2 чел. (2,5 %)		–		–	
от вирусного гепатита	–		–		–		1 чел. (2 %)		–	
от новообразований, в т.ч. и злокачественных	4 чел. (5,4 %)		4 чел. (5,4 %)		3 чел. (3,8 %)		7 чел. (14 %)		4 чел. (7,4 %)	
от психических расстройств, включая алкоголизм, и болезней нервной системы	1 чел. (1,4 %)		1 чел. (1,3 %)		2 чел. (2,5 %)		–		2 чел. (3,7 %)	
от болезней системы кровообращения	10 чел. (13,5 %)		13 чел. (17 %)		16 чел. (20 %)		14 чел. (28 %)		14 чел. (25,8 %)	
от болезней органов дыхания	8 чел. (10,8 %)		13 чел. (17 %)		16 чел. (20 %)		4 чел. (8 %)		2 чел. (3,7 %)	
от болезней органов пищеварения	3 чел. (4,1 %)		1 чел. (1,3 %)		3 чел. (3,8 %)		1 чел. (2 %)		1 чел. (1,9 %)	
от болезней мочеполовой системы	1 чел. (1,4 %)		1 чел. (1,3 %)		3 чел. (3,8 %)		2 чел. (4 %)		–	
от осложнений беременности, родов, послеродового периода и врожденных аномалий	6 чел. (8,1 %)		4 чел. (5,4 %)		3 чел. (3,8 %)		1 чел. (2 %)		2 чел. (3,7 %)	
От нетипичных причин (травм, отравлений алкоголем, убийств, самоубийств и пр.)	15 чел. (20 %)		27 чел. (35,5 %)		24 чел. (30 %)		16 чел. (32%)		22 чел. (40,7 %)	
от других причин	3 чел. (4,1 %)		3 чел. (3,9 %)		2 чел. (2,5 %)		3 чел. (6 %)		6 чел. (11,1 %)	

Примечание: Рассчитано по актовым записям ЗАГСа Охинского района Сахалинской области.

На уровень смертности влияет ухудшение социально-бытовых и санитарно-гигиенических условий: жилищно-бытовая неустроенность, резкий спад здравоохранения, безработица, нищета. Ведущую роль играют нарушения экологического баланса, резкий переход на несвойственный народам Севера тип питания, а, вернее всего, отсутствие его. Такое положение дел сказывается на материальном благосостоянии семей, уровень жизни снизился до кризисной отметки, подавляющее число семей имеют доход значительно ниже прожиточного минимума и даже ниже минимального уровня заработной платы. Культура, самобытный уклад жизни этих народов подверглись существенной деформации. Вопросы профессионального образования и подготовки к труду народов Севера не выдерживают никакой критики.

В целом, демографическую ситуацию у островных нивхов можно охарактеризовать следующим образом: общая численность нивхов незначительно сократилась; увеличилась абсолютная и относительная численность горожан; существенно увеличилась доля молодежи как в городском, так и в сельском населении; сократились брачность и рождаемость; естественный прирост снизился почти в два раза. Тенденция демографического развития характеризуется понижением доли детей и прародителей и повышением доли родителей. Доля женщин по отношению ко всему населению осталась без изменений, а доля женщин в фертильном возрасте в общем числе женщин увеличилась. В то же время за отдельные годы наблюдается снижение общего и специального коэффициентов рождаемости. Кроме того, происходит постепенное увеличение доли матерей в возрасте 15-24 лет, то есть, матери становятся моложе. У нивхов наблюдается такое характерное для всей России явление, как превышение численности женщин над численностью мужчин; удельный вес мужчин снижается по мере перехода к старшим возрастным группам. В сельской местности традиционно сохраняются большие семьи, сложные по составу, объединяющие брачные пары, родителей, родственников и детей. В городской местности наблюдается тенденция к сокращению величины семьи. Вероятно, что в будущем у нивхов можно ожидать сокращения величины семьи и упрощения ее состава по родственным связям.

Сельские жители России во второй половине XX-го века: демографическое старение

Одной из основных черт современного развития населения в экономически развитых странах становится демографическое старение – трансформация возрастной структуры населения вследствие постепенного увеличения в нем доли пожилых и старых людей. К глобальным факторам этого явления относится урбанизация, сопровождающаяся быстрым снижением доли сельского населения, и демографический переход к современному режиму воспроизводства населения. Их действие закономерно ведет к заметному снижению уровня рождаемости и, соответственно, удельного веса в населении детей и молодежи при соответствующем нарастании доли старших возрастных групп.

В России процесс демографического старения получил активное развитие во второй половине XX в. – не только в общих для всех стран формах, но и в присущих только ей. Характерно, что действие чисто российских факторов демографического старения наиболее рельефно проявилось на сельском населении. Как и во всем мире, одним из последствий создания урбанизированного общества у нас стала значительная убыль сельского населения, резко изменившая многие стороны сельской жизни, в том числе и возрастно-половой состав жителей деревни.

В качестве важного фактора чисто российской специфики процесса демографического старения жителей села, следует назвать и политический фактор. Аграрная политика в СССР слишком долго была подчинена задачам социалистической реконструкции народного хозяйства и приоритетному развитию его индустриальной отрасли. Для этого собственные интересы сельского хозяйства приносились в жертву, а самой деревне и крестьянству предназначалась роль донора индустриализации. Крестьянство крайне негативно отреагировало на такую политику и в огромных масштабах устремилось в города. Используя различные пути и средства, жители покидали деревню. По имеющимся оценкам, только за 1928–1932 гг. в целом по стране деревню покинуло около 12 млн. крестьян [1], в основном молодых и наиболее социально активных.

Миграционные настроения в крестьянстве подпитывались его подчеркнуто второстепенным положением в советском обществе. Члены колхозов в СССР были лишены многих социальных прав, доступных остальным гражданам (паспортов, государственных пенсий, ежегодных оплачиваемых отпусков, гарантированной оплаты труда и др.). Колхозники осознавали свою социальную ущемленность, которая рождала, особенно у молодежи, стремление уехать перейти в состав рабочего класса или служащих.

В послевоенные годы миграция превратилась в решающий фактор демографической ситуации на селе – отток значительной части молодежи ухудшал не только возрастно-половой состав сельского населения, но и его семейно-брачную структуру, понижал рождаемость и удельный вес детей. Эти социально-демографические последствия урбанизации совпали во времени с другим глобальным явлением – переходом от традиционного, экстенсивного режима воспроизводства населения к современному. Значительные перемены в возрастном составе и соотношении поколений стали происходить на этапе ускоренного снижения рождаемости, т.е. с середины 1960-х гг.

Всего за период с 1926 по 2002 г. сельское население Российской Федерации убыло в 2 раза – с 76,3 до 38,7 млн. чел., а его доля в ее общем составе упала с 83 до 27%. Анализ показывает, что за 20 лет (с 1939 по 1959 г.) сельское население уменьшилось на 16,4 млн. чел., и еще на 17,4 млн. – в последующие 43 года (1960–2002 гг.) [2]. Эта статистика подтверждает не только факт многолетней и устойчивой тенденции к убыли населения деревни, но и то, что в XX в. Россия, хоть и с некоторым опозданием, все же повторила путь других экономически развитых стран, прошедших стадию интенсивной урбанизации и быстрого сокращения (если не сказать исчезновения) сельского населения. Именно благодаря масштабной сельской миграции Россия – бывшая аграрная и крестьянская страна превратилась в современное индустриальное общество, в котором в начале XXI в. в городах проживало почти $\frac{3}{4}$ населения.

Старение жителей российской деревни впервые отметила Всесоюзная перепись населения 1959 г., зафиксировав заметное повышение по сравнению с 1939 г. доли лиц старше 50 лет (с 14 до 20%) при соответствующем понижении удельного веса детей до 15 лет (с 40,3 до 32,3%) [3]. С этого времени все последующие переписи постоянно отмечали дальнейшие неблагоприятные изменения в возрастной структуре сельских жителей (табл.1)

* Вербицкая Ольга Михайловна (Москва) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: verb-olga@yandex.ru

**Состав сельского населения России в 1959–2002 гг. по возрастным группам (оба пола),
в % ко всему населению***

Возрастные группы	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
0-14 лет	39,5**	31,8	24,2	25,0	19,5
15-49 лет	40,8***	44,4	46,7	43,2	50,4
50-59 лет	9,2	9,6	12,0	13,4	9,2
60 лет и старше	10,5	14,1	17,0	18,4	20,9

* Источник: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР.* – М., 1963. – С. 60-61, 86-87; *Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.* – М., 1989. – Т. II. – Ч. I. – С. 36-43; *Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.* – Т. 14. – С. 47.

** Данные по группе от 0 до 19 лет.

*** Данные по группе от 20 до 49 лет.

При публикации материалов переписи населения 1959 г. в отличие от практики всех последующих переписей возрастная группа детей до 14 полных лет была включена в состав по существу двух различных когорт – от 0 до 9 и от 10 до 19 лет), что затрудняет анализ динамических изменений в соотношении поколений. В то же время данные табл.1, наглядно подтверждают четкую тенденцию постарения сельского населения Российской Федерации. За период с 1959 по 2002 г. в нем удельный вес пожилых людей от 60 лет и старше стал ровно в 2 раза больше, при соответствующем сокращении доли детских возрастов.

В табл.1 рассмотрены средние по России цифры, которые дают представление лишь о главном направлении перемен в возрастном составе жителей села. И хотя снижение рождаемости и соответствующие этому перегруппировки в соотношении доли детских и пожилых возрастных групп в сельском населении коснулись практически всей России, наиболее сильные перемены произошли в сельской местности Центрального и Центрально-Черноземного районов, где особенно быстрое постарение деревни ощущалось уже в 1960–1970-е гг., поскольку именно там отмечался наиболее масштабный по сравнению с остальной российской территорией отток молодого сельского населения в города. Тогда рождаемость в сельском населении названных районов упала до минимальных значений (на 1/3 ниже, чем в среднем по России), особенно в Орловской, Рязанской, Воронежской и Курской областях [4].

Многолетняя масштабная миграция молодого населения в репродуктивном возрасте из села до неузнаваемости деформировала возрастной состав сельских жителей центральной части России. Постоянное сокращение объемов воспроизводства населения в сельской местности Ивановской, Калужской, Калининской, Костромской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тульской, Ярославской и соответствующее этому нарастание удельного веса пожилых возрастов уже в 1972–1979 гг. дало основание квалифицировать их как территории со «старым» и «очень старым» населением [5]. В этих областях России уже с середины 1960-х гг. постепенно пустели населенные пункты, в которых оставались в основном старики.

В процессе демографического перехода шла трансформация демографического поведения сельского населения и его семейных ценностей – менялись приоритеты, падал престиж многодетности и уровень рождаемости. В итоге к концу XX в. показатели рождаемости в расчете на 1000 сельского населения с 1926 г. упали в 3 раза – с 46,4 ‰ до 15,5 ‰, но особенно значительно – в кризисные 1990-е г. Наряду с действием долговременных тенденций спад рождаемости в эти годы отражал негативную репродуктивную реакцию населения на ухудшение жизни [6].

В 1990-е гг. заметно возрос общий уровень смертности, причем в сельском населении она была примерно на 20-25 % выше, чем в городском. Кроме старого возрастного состава жителей села, это можно объяснить худшим состоянием здоровья, ростом уровня алкоголизации, недостаточностью медицинской помощи. Тем не менее, прирост смертности на селе в 1990-е гг. был меньше (27,8 %), чем в городе (41,3 %). По сельской местности максимально высокий уровень смертности также имели Центр и Северо-Запад, отчасти потому, что в них самая высокая доля пенсионных групп населения. Показатели общей смертности там достигали 18 ‰ (при среднем по России 15,8 ‰). Одновременно в регионах с более молодым составом и относительно благополучной экологической обстановкой (Север, Западная и Восточная Сибирь, Северный Кавказ, Дальний Восток) смертность жителей села была ниже [7].

Резко негативная динамика естественного движения населения, в особенности процессов смертности, в целом за годы радикальных реформ продемонстрировала своеобразный разворот основных демографических тенденций и возврат их на старые позиции, свойственные первым послевоенным годам. При том, что на этапе 1990-х гг. резко снизившаяся рождаемость в сельском населении была на среднеевропейском уровне, показатели смертности в 1,5-2 раза были выше этого уровня [8]. Это подтверждало интенсивный характер естественной убыли, т.е. депопуляции, сельского населения.

Подтверждением демографического старения россиян к концу XX в. стало увеличение после 1989 г. их среднего возраста на 3 года (в 2002 г. – 37,9 лет) и на 4,3 года – медианного возраста (с 32,8 до 37,1 лет). Важно подчеркнуть, что население старело, прежде всего, за счет сокращения в нем доли детей. В 1989 г. детей и подростков (до 15 полных лет) в сельской местности еще было на 2,6 млн. чел. больше, чем пожилых (60 лет и старше). В 1990-е гг. негативное развитие демографических процессов привело к еще большему нарастанию доли пожилых. В старших поколениях начиная с 50 лет заметно количественное превосходство женщин, что долгие годы объяснялось высокими потерями мужчин на фронте, а позже – их повышенной смертностью, в том числе и в трудоспособном возрасте. Но в 1990-е гг. в пенсионный возраст вступили поколения мужчин, по возрасту не участвовавшие в Великой Отечественной войне, и это заметно повысило их удельный вес сразу до 15,4 % (т.е. на 5 % выше против 1989 г.). В итоге к 2002 г. ситуация в соотношении поколений переменялась к худшему – контингент пожилых (8,1 млн. чел.) уже почти на 0,6 млн. численно превзошел группу детей и подростков (7,5 млн.) [9].

Российская деревня в 1990-е гг. заметно постарела – доля пожилых в ней превысила 20 % при одновременном снижении доли детей – почти на 5 %. И без того высокая доля пенсионных возрастов за это время возросла на 0,5 %. При средней по стране доле лиц пожилого возраста в 20 % она максимальна в европейской части. Но в России – огромной по протяженности стране, как нигде в мире, особую значимость приобретает региональный компонент. В сельской местности Центрального и Северо-западных Федеральных Округов доля пожилых приближается к 25-30 %. Самое старое население на момент переписи 2002 г. проживало в деревне Рязанской области, где доля пожилых уже превысила 35 %, Псковской – 34,4 %, Курской – 33 %, Новгородской и Белгородской – почти 32 % и т. д. Всего перепись 2002 г. зафиксировала 36 территорий с очень высоким удельным весом пожилого населения. Наряду с этим в целом по Южному, Уральскому и Сибирскому ФО доля пожилых значительно ниже. Минимальна (от 3,4 до 9 %) она в национальных районах (Ямало-Ненецкий, Чукотский, Таймырский, Эвенкийский, Корякский АО, а также Магаданская область), что объясняется не только сравнительно низкой средней продолжительностью жизни, но и активным выездом оттуда пожилых в кризисные 1990-е гг. в другие районы. Близкие по значению показатели старения характерны для республик с высокой по меркам России рождаемостью (Чечни, Ингушетии и Тывы) [10].

Еще одним доказательством того, что в 1990-е гг. Россия действительно отклонилась от общемирового направления развития демографических процессов, служит и снижение расчетных показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении*. Еще в 1987 г. он составлял 70 лет (в том числе 65 – у мужчин и 75 лет – у женщин) и практически совпадал с западноевропейским. Но затем продолжительность жизни россиян стала сокращаться – в 1994 г. – до 64 года, в том числе у мужчин 57, 5 года (у сельских 57,0 года) и у женщин – 71 год. В 1999 г. данный показатель немного подрос: у мужчин-горожан до 60 лет (у сельских до 59 лет), а у женщин до 72 лет. Иными словами, показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении у жителей сельской местности был ниже, чем у горожан. Основной причиной этого послужил рост смертности мужчин в рабочих возрастах, особенно от неестественных причин (убийств, самоубийств, травм и отравлений) [11].

Снижение продолжительности жизни в России, в том числе и в сельском населении, в известной мере само по себе регулировало темпы демографического старения. Многие люди из-за стрессов, болезней, несчастных случаев и т.п. не доживали до возраста выхода на пенсию, т.е. до старости. Но парадокс демографического старения в России вообще, и в сельской местности, в частности, заключается в том, что на фоне выраженного снижения СПЖ в населении постоянно увеличивается доля лиц старше 60 лет. По показателю удельного веса пожилых (более 20 %) в составе населения Россия может быть отнесена к числу самых «старых» стран мира. По данным Госкомстата России, в списке 64 стран мира, включая и некоторые государства СНГ, по величине ожидаемой продолжительности жизни при рождении у мужчин Российская Федерация в эти годы стояла на предпоследнем месте. Позади нее – лишь Индия (55 лет – данные за 1981–1985 гг.). У женщин в России, как известно, данный показатель выше, поэтому наша страна обошла большинство стран Азии, незначительно уступив в этом плане западным государствам и Японии [12].

В экономически развитых странах в 1990-е гг. продолжала расти средняя продолжительность жизни, снижалась смертность, в том числе благодаря улучшению здоровья пожилых (от 65 лет). Примечательно, что там не просто увеличивалась средняя продолжительность жизни, но и возрастал период здоровой жизни – без болезней [13]. В России из-за общей довольно короткой СПЖ, по понятным причинам, вообще не применяются эти коэффициенты здоровья.

При характеристике демографического старения используется несколько показателей, но исходным является доля в населении лиц в возрасте от 60 лет и старше. В странах, где существует государственная пенсионная система, обычно начало старости ассоциируется с законодательно установленным возрастом выхода на пенсию.

* Ожидаемая продолжительность жизни при рождении – число лет, которое в среднем предстояло прожить одному человеку из поколения родившихся в данном году при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким же, как и в год, для которого вычислен данный показатель.

В СССР и современной России этот возраст равен 55 годам для женщин и 60 – для мужчин. В государствах с высокой средней продолжительностью жизни (Япония, государства Скандинавии, США, Швейцария и др.) пенсионный возраст составляет 65 лет, причем, в основном – одинаковый для мужчин и женщин.

Важной стороной демографического старения российского села ныне являются и связанные с ним экономические проблемы. Известно, что сельское хозяйство испытывает значительный дефицит трудовых ресурсов, в связи с чем общая трудовая нагрузка на трудоспособных работников аграрной отрасли в России очень высока. Нарастающее старение российского села способствует еще большему возрастанию демографической нагрузки на трудоспособное население, индекс которой рассчитывается как соотношение числа детей и/или лиц старше трудоспособного возраста/ к численности последних, умноженный на 100. В принципе демографическая нагрузка может иметь как положительное (нагрузка детьми выше нагрузки пожилыми), так и отрицательное значение (преобладает нагрузка пожилыми). Расчеты показывают, что в России демографическая нагрузка именно лицами пожилого возраста (т.е. 60 лет и старше) на 1000 населения в рабочем возрасте (от 15 до 59 лет) растет в течение уже нескольких 10-летий, в то время как нагрузка детьми – снижалась. Не удивительно поэтому, что демографическая нагрузка пожилыми достигла максимально высокого уровня по сельской местности Центрального и Центрально-черноземного районов, где старение населения началось раньше.

Оценивая сложившуюся по России демографическую нагрузку пожилыми, нельзя не отметить что при всех отличиях существует и ее сходство с другими странами. У нас достаточно высока доля населения в трудоспособном возрасте и пониженная по сравнению с предыдущими 10-летиями доля детских возрастов. В России за 1989–2002 гг. общая численность населения в трудоспособном возрасте выросла всего на 3,7 %, но контингент старших рабочих возрастов (от 40 лет) рос опережающими темпами – на 7,7 % (с 34,5 до 42,2 %). В то же время простой подсчет сравнение с другими государствами показывает, что у нас даже сейчас вклад детских возрастов в демографическую нагрузку выше, а пожилых – соответственно ниже, чем в странах Европейского Союза и Японии. По отношению же к США положение обратное [14].

При относительно благоприятных показателях в 2002 г. в будущем России следует ожидать неизбежного изменения ситуации не в лучшую сторону. Демографическая нагрузка пожилыми, по крайней мере, еще 10-15 лет будет только нарастать в сельском и городском населении за счет перехода в пенсионные группы многочисленных послевоенных поколений 1946–1958 гг. рождения. Скажутся, кроме того, и последствия низкой рождаемости в 1990-е гг., в результате чего общая численность детских возрастов еще больше снизится, а соотношение трудоспособных и нерабочих возрастов ухудшится за счет пожилых людей.

На начало XXI в. индекс демографической нагрузки на трудоспособное население за счет пожилых уже повысился в 50 российских регионах. В Тульской, Рязанской, Воронежской, Ивановской, Тверской, Псковской, Тамбовской, Ярославской и Владимирской областях он достиг перевеса над детьми в 80-60 %. Самая низкая доля пожилых наблюдалась в Дальневосточном Федеральном Округе – 211 человек при суммарной демографической нагрузке 537 человек [15]. Из этого следует, что ближайшие исторические перспективы в этом плане будут еще хуже, чем сейчас, так как меньшему количеству трудоспособного населения придется содержать большее число людей пенсионного возраста.

Среди лиц пенсионного возраста на селе довольно резко ощущается гендерный дисбаланс возрастной структуры – преобладание женщин. Так, в 1989 г. среди лиц старше 60 лет женщин насчитывалось в 2,4 раза больше, чем мужчин, в 2002 г. – в 1,8 раза. В абсолютном выражении это означало, что на каждую 1000 сельских женщин приходился всего 541 мужчина. Но и среди горожан данное соотношение было примерно таким же [16].

Поэтому сейчас проблемы демографического старения, прежде всего, касаются женщин. В подавляющем большинстве пожилые женщины одиноки: среди 60-64-летних свыше 40 % – вдовы, разведенные и разошедшиеся, среди 65-69-летних женщин одиноких уже более половины [17]. В целом нарастание женщин в общей популяции пожилых и старых людей – характерное проявление глобального, а не только российского, процесса старения.

Итак, характер и темпы процесса старения сельского населения России во второй половине XX в. в основном определялись следующими факторами. Это глобальные тенденции – постоянное снижение уровня рождаемости, а также чисто российский феномен – постепенное увеличение с середины 1960-х гг. уровня смертности, которое на этапе радикальных реформ 1990-х гг. в особой мере затронуло рабочие группы возрастов, прежде всего, мужчин. Трудности кризисного периода привели к заметному ухудшению здоровья населения и снижению средней продолжительности жизни в России. Для сельской местности наряду с этим огромное значение продолжали иметь миграционные перемещения молодежи в город, ускорившие ее демографическое старение. В итоге всего за несколько 10-летий *сельское население из молодого, каким оно было до войны, превратилось в старое*, поскольку уже к 1989 г. свыше 20 %, а к 2002 г. – 25 % его составляли люди в возрасте 60 лет и старше. При этом в целом ряде российских территорий доля лиц пенсионного возраста еще выше.

Источники и литература

1. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. – М. 2001. – С. 96.
2. См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. – М., 1963. – С. 11; Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – М., 2005. – Т. 14. – С. 10.
3. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – С. 10; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 237. Л. 16; Оп. 329. Д. 2632. Л. 4, 60
4. Текущий архив Госкомстата РФ. Папки за 1965–1975 гг.
5. Горбачев О.В. На пути к городу: Сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. – М., 2002. – С. 45.
6. Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. Стат. сб. – М., 1928. – С. XXII; **Российский статистический ежегодник**, 2001. – М., 2001. – С. 104; Бондаренко Л. Состояние социально-трудовой сферы села // Вопросы экономики. – 2000. – № 7. – С. 73; Бодрова В. Социально-демографические интересы населения при переходе к рынку // Вестник статистики. – 1992. – № 3. – С. 14 и др
7. Доброскок В.А., Литовка О.П., Семенов С.П. Анализ депопуляционных процессов Северо-Запада России. – СПб., 1995. – С. 38.
8. Бондаренко Л. Указ. соч. – С. 73.
9. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – Т. 14. – С. 47.
10. Российский статистический ежегодник, 2001. Стат. сб. – М., 2001. – С. 104.
11. Женщины и мужчины России. Крат. стат. сб. – М., 2000. – С. 21.
12. Вопросы статистики. – 1997. – №11. – С. 82.
13. Орлова И.Б. Демографическое благополучие России. – М., 2001. – С. 68.
14. Население и общество. Информационный бюллетень № 215-216. 25 сент.–9 окт. 2005 г.
15. www.glazev.ru/alert/5\33
16. Сводные итоги Всероссийской переписи... – С. 47.
17. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. (В 14 томах). – М., 2004. – Т. 2. – С. 300-308.

Особенности разводов в России, вторая половина XX в.

Стабильность брачных союзов в Российской Федерации в этот исторический период заметно снижалась. Коэффициенты разводимости (число разводов на 1000 населения) в РСФСР повышались (в ‰): 1960 г. – 2,4, 1966 г. – 4,6, 1970 г. – 3,0, 1975 г. – 3,6, 1979 г. – 4,3. Из данных статистики видно, что разводы численно преобладали в городах. Так, в РСФСР распалось в 1965 г. 231,4 тыс. брачных союзов, из них 31,7 тыс. (15 %) – в селах [1]. В крупных российских городах фиксировались наиболее высокие показатели разводов (в ‰): Москва – 1960 г. – 0,4, 1976 г. – 5,9; Ленинград – соответственно – 2,7 и 5,4; города Западной Сибири – 1959 г. – 1,5, 1970 г. – 3,5, 1980 г. – 5,2 [2].

Увеличение показателей разводимости населения в 1970-е гг. было обусловлено совокупностью различных факторов. Одним из них стало упрощение процедуры развода в 1965 и особенно в 1968 гг. [3]. Существенную роль играла мощная миграция населения из сел и небольших провинциальных городов в крупные городские центры (учеба или работа). Продолжительное отсутствие в семье мигрантов молодых и средних возрастов, состоявших в браке, нередко приводило к разводу. Заметно повысилась в эти годы экономическая и морально-психологическая независимость женщин в обществе и семье. Часто именно женщины особенно в крупных городах становились инициаторами расторжения брака.

Огромное влияние на численный рост разводов оказывала трансформация ценностных установок населения на брачно-семейные отношения. В супружеских отношениях усилилась роль эмоциональной близости. Вместе с тем выросло стремление мужа и жены к реализации своих интересов за пределами семьи. Ограничение таких потребностей у одного из супругов создавало в семье конфликтную ситуацию. Возрастало стремление супругов к сексуальной удовлетворенности в браке. Супружеские конфликты и противоречия нередко заканчивались разводами [4]. Неустойчивость брачных союзов объяснялась также необдуманным вступлением юношей и девушек в брак, непродолжительным знакомством и не знанием взглядов друг друга на важнейшие вопросы семейной жизни. Вступление в брак могло быть вынужденным из-за нежелательной беременности [5].

Расторжение брака особенно молодых супругов часто объяснялось бытовой неустроенностью и отсутствием собственного жилья, совместным проживанием с родителями в тесных квартирах и вмешательством родителей в их отношения [6]. Опасность развода заметно повышалась в бездетных и малодетных семьях. Увеличение в семье числа детей стабилизировало брак. Браки расторгались в 35 % бездетных семей, в 46 % семей с одним ребенком, в 15 % семей с двумя, в 4 % семей с тремя и более детьми [7].

Мотивация разводов особенно городского населения в 1980-е гг. значительно усложнилась. Проведенные в 1985 г. обследования жителей Москвы, Тулы и Воронежа показали, что распространенными мотивами разводов были несходство характеров, эмоциональное отчуждение и невнимательное отношение супругов друг к другу. Крайне негативно на брачно-семейных отношениях сказывалось пьянство одного из супругов обычно мужей. Эти причины разводов были характерны и для сельских жителей [8]. В эти годы заметно повысилось значение в жизни супругов внесемейных установок. Стремление к их реализации нередко вызывало острые противоречия между совмещением супругами семейных и внесемейных ролей. Конфликтность между мужем и женой еще более усиливались материальными трудностями [9].

Изменялось отношение населения к разводам. Из данных обследований жителей Москвы и Львова 1988 г. видно, что многие респонденты рассматривали развод, как сложное и индивидуальное явление. Однако в общественном мнении традиционно сохранялось терпимое отношение к разведенным мужчинам и негативное – к разведенным женщинам. Оценки разводов были социально обусловлены. Так, оценки рабочих разводов в целом были консервативнее, чем у интеллигенции. Особенностью разводов населения РСФСР в 1980-е гг., по сравнению с предыдущим годами, было внимание со стороны разводящихся родителей к интересам их детей [10]. Данные статистики свидетельствовали, что в РСФСР уровень разводимости в 1980-е гг. снижался; на 1000 населения было разводов: 1980 г. – 4,2, 1985 – 4,0, 1989 – 3,9, 1990 гг. – 3,8. Однако по сравнению с 1970 гг. ее уровень был выше.

Показатели разводимости городского населения РСФСР в 1980-е гг., по сравнению с предыдущим десятилетием, немного увеличились, а в 1990 г. снизились – на 1000 населения приходилось разводов: 1970 г. – 4,2, 1975 г. – 4,6, 1980 г. – 5,0, 1985 г. – 4,7, 1990 г. – 4,4. Наиболее высокий уровень разводимости населения фиксировался в городах Чукотского, Корякского и Таймырского автономных округов, Магаданской и Камчатской областях. Однако и в этих городах наблюдалось его понижение. В городах РСФСР брачные союзы в 1980-е гг.

* Араловец Наталья Аркадьевна (Москва) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail : Aralovetz@yandex.ru

расторгались в основном с продолжительностью 5-9 лет, 10-14, 20 лет и выше. Заметно меньше расторгнутых браков с продолжительностью 15-19 лет. Мужчины активно разводились в возрастах 25-29 лет и 30-34 года, женщины – 20-24 года и особенно 25-29 лет. Однако женщины чаще мужчин разводились в наиболее молодых возрастных группах 16-17 и 18-19 лет. В большинстве случаев разводились брачные пары с одним несовершеннолетним ребенком. Однако разводились супруги и без общих детей. Такие разводы численно преобладали в молодых возрастных группах 20-24 года и 25-29 лет, а также в средних и пожилых возрастах 50 лет и старше [11].

В 1990-е гг. разводы в России имели ряд особенностей. В новом Семейном кодексе Российской Федерации 1995 г. отмечалось, что брак может быть прекращен путем его расторжения по заявлению одного или обоих супругов. В случае признания судом супруга недееспособным – по заявлению опекуна этого супруга. Однако муж не имел право без согласия жены расторгать брак во время ее беременности, а также в течение года после рождения ребенка. При взаимном согласии супругов, не имеющих общих несовершеннолетних детей, на развод, расторжение брака производилось в органах записи актов гражданского состояния. Расторжение брака по заявлению одного из супругов независимо от наличия у супругов общих несовершеннолетних детей также производилось в органах записи актов гражданского состояния, если другой супруг был признан судом безвестно отсутствующим, или недееспособным, или осужденным за совершение преступления к лишению свободы на срок свыше трех лет. В Кодексе о браке и семье 1968 г. этот срок был не менее трех месяцев. В судебном порядке брак расторгался при отсутствии согласия одного из супругов на развод. В Семейном кодексе 1995 г. срок для примирения супругов был три месяца (Кодекс о браке и семье 1968 г. предусматривал шесть месяцев). При расторжении брака в суде супруги могли представить на его рассмотрение соглашение «о том, с кем из них будут проживать несовершеннолетние дети, о порядке выплаты средств на содержание детей или нетрудоспособного нуждающегося супруга, о размерах этих средств, либо о разделе общего имущества супругов». Если между супругами отсутствовало соглашение по этим вопросам, и нарушались интересы детей или одного из супругов суд был обязан определить, с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода, а также с кого из родителей, и в каких размерах взыскиваться алименты на их детей. Суд по требованию супругов или одного из них производил раздел имущества, находившегося в их совместной собственности. По требованию супруга, имевшего право на получение содержания от другого супруга, суд определял размер этого содержания. После развода супруги могли вступить в новый брак только после получения свидетельства о расторжении брака в ЗАГСе [12].

Негативно сказывались в 1990-е гг. обострившиеся противоречия между традиционными и современными семейными ценностями супругов. Усилилось либеральное отношение к разводам, особенно в столичных городах. Из опроса 2004 г. видно распространение у замужних москвичек (в возрасте до 40 лет) взглядов на развод, как наилучший выход из не сложившейся семейной жизни, даже при наличии у супругов несовершеннолетних детей (23,3 % опрошенных женщин). У бездетных супругов, доля женщин с аналогичными взглядами повышалась до 63,7 %.

Однако крайняя нестабильность российского общества и значительное обнищание большинства населения в 1990-е гг. способствовали повышению удельного веса бедных среди семейных домохозяйств различных демографических типов. Однако в наиболее тяжелом положении оказались неполные (в том числе из-за развода супругов) семейные домохозяйства с детьми. Так, в Таганроге удельный вес бедных в неполных семейных домохозяйствах с детьми составлял (в %): 1989 г. – 32,0, 1993 г. – 61,9, 1998 г. – 76,3, 2000 г. – 68,5 [13]. Данные статистики свидетельствовали о повышении числа разводов в 1990-е гг., прежде всего, в городах России – на 1000 населения было разводов в 1991 г. – 4,6, в 1992 г. – 5,0, в 1995 г. – 5,2. Аналогичная ситуация была характерна для городского населения отдельных регионов России [14].

Общероссийские показатели разводимости населения в эти годы также повышались. Наиболее высокий уровень разводимости был в 1995 г. Однако в последующие годы он снижался. В России – на 1000 населения было разводов: 1990 г. – 3,8, 1995 г. – 4,5, 1997 г. – 3,8, 1999 г. – 3,6. В 2000 и 2001 гг. коэффициенты разводимости россиян вновь увеличились (в ‰): 2000 г. – 4,3, 2001 г. – 5,3, 2002 г. – 5,9. В большинстве районов России уровень разводимости населения в 1995 г. был выше общероссийского (в ‰): Северный – 5,0, Северо-Западный – 5,3, Центральный – 4,8, Западно-Сибирский – 4,9, Дальневосточный районы – 5,3. Увеличилось в 1990-е гг. число разводов у супругов с одним ребенком, а также двумя и более детьми, а без детей – сократилось [15]. Изучение динамики разводимости населения России показало, что повторные браки не компенсировали разводы – на 100 разводов в 1989 г. у разведенных мужчин было 58 повторных браков, женщин – 54; в 1996 г. – соответственно 44 и 43 [16].

Таким образом, заметная трансформация взглядов населения России на семейные ценности во второй половине XX в. обусловила увеличение числа разводов. Разведенные мужчины и женщины вступали в повторный брак. Однако повторные браки не компенсировали число распавшихся браков. Широкое распространение разводов в России сказывалось на изменении репродуктивного и в целом демографического поведения населения, сокращении величины семьи, увеличении числа неполных семей и усложнении социализации детей, ухудшении материального благополучия семей и т.д. Все это усложняло выход России из демографического кризиса.

Источники и литература

1. Население СССР за 70 лет. – М., 1988. – С. 88–89; Население России в XX в.: Ист. очерки. – М., 2005. – Т. 3. – Кн. 1. – С. 153.
2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1005. Л. 4-4об. Д. 1006. Л. 76 (подсчеты автора); ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32а. Д. 11461. Л. 1-3об., 4-6об., 22-24об.; Российский статистический ежегодник, 2001: Стат. сб. – М., 2001. – С. 81; Население России, 1995. – М., 1996. – С. 33, 108; Янкова З.А. Городская семья. – М., 1979. – С. 146; Население Западной Сибири в XX веке. – Новосибирск, 1997. – С. 62.
3. Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. – 1965. – № 49. Ст. 725; – 1968. – № 27. Ст. 241.
4. Янкова З.А. Указ. соч. – С. 150, 151; Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – Л., 1964. – С. 212; Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. – М., 1997. – С. 176–177.
5. Голод С. Социально-психологический эксперимент как метод социологического исследования проблем брака и семьи // Проблемы быта, брака и семьи. – Вильнюс, 1970. – С. 39, 41; Кондратова В. Взрослые и дети // Народное образование. – 1968. – № 9. – С. 84; Кон И.С. Указ. соч. – С. 174–175.
6. Соловьев Н.Я. Развод как предмет социологического обследования. – М., 1970. – С. 5–9; Волков А.Г. Семья – объект демографии. – М., 1986. – С. 148; Файнбург З.И. К вопросу об этической мотивации брака // Социальные исследования. – М., 1970. – Вып. 4. – С. 70.
7. Янкова З.А. Указ. соч. – С. 149, 151; Волков А.Г. Указ. соч. – С. 140–148.
8. Русские: (Этносоциологические очерки). – М., 1992. – С. 183; Киселева Г.П., Синельников А.Б. Эволюция брачно-семейной структуры населения СССР в послевоенный период // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. – М., 1984. – С. 44; Фотеева Е.В. Развод в представлениях рабочих и интеллигенции // Становление брачно-семейных отношений. – М., 1989. – С. 66.
9. Солодовников В.В. Условия и причины нестабильности молодых городских семей // Становление брачно-семейных отношений. – М., 1989. – С. 95.
10. Фотеева Е.В. Указ. соч. – С. 63, 65, 67, 70; Солодовников В.В. Указ. соч. – С. 86.
11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4-20. Оп. 65. Д. 1920. Л. 4. Оп. 67. Д. 1812. Л. 4-20; О положении семей в Российской Федерации. – М., 1994. – С. 15–16; Семья в России: Стат. сб. – М., 1990. – С. 73–76.
12. Семейный Кодекс Российской Федерации // Собрание законов Российской Федерации. – М., 2000. Ст. 16, 17, 19, 21, 22, 2. – С. 302–303; Кодекс о браке и семье РСФСР. – М., 1969. Ст. 33. – С. 11; Ст. 39. – С. 13.
13. Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века: Проект «Таганрог». – М., 2001. – С. 54; Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. – М., 2005. – С. 44.
14. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. – М., 1994. – С. 45; То же. – М., 1996. – С. 61; То же. – М., 2001. – С. 84; Регионы России: Стат. сб. – М., 1999. – Т. 2. – С. 62; Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. – С. 40–41; Население Урала, XX век: История демографического развития. – Екатеринбург, 1996. – С. 179–180, 188–189; Население Западной Сибири в XX веке. – С. 66; Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. – С. 49.
15. Российский статистический ежегодник, 2005: Стат. сб. – М., 2006. – С. 128; Демографический ежегодник России, 1998: Стат. сб. – М., 1998. – С. 118–125; О положении семей в Российской Федерации, 1994–1996 гг. – М., 1998. – С. 30–31 (подсчеты автора), 159.
16. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи XXI века: Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. – М., 2000. – С. 102; О положении семей в Российской Федерации, 1994–1996 гг. – С. 31–32.

Особенности социально-демографических структур населения Республики Коми

В настоящее время стало бесспорным утверждение, что главным богатством любой территории является её население. Общество стало понимать, что не только нефть, газ и уголь делают привлекательной территорию для потенциальных инвесторов. Уровень образования и квалификации человеческих ресурсов, соотношение полов и возрастов в населении часто становятся определяющими факторами при экономической экспансии региона, прихода в него крупнейших международных холдингов.

При определении рейтинга территории в число важнейших факторов входит такой показатель, как соотношение общей численности населения и площади территории региона, что показывает степень её освоенности, резервы демографической емкости для дальнейшего заселения или, наоборот, свидетельствует о необходимости принятия административных мер для снижения демографической нагрузки на территорию и вывоза излишнего населения.

Проведенный анализ демографических структур в разрезе отдельных социально-экономических единиц (областей, городов, муниципалитетов и т.д.) показывает, что они имеют между собой отличие. В научной литературе достаточно подробно описан механизм их формирования. Поэтому, опуская теоретические описания демографических структур, рассмотрим их на примере Республики Коми. Но, учитывая тот факт, что структуры населения не абстрактны, а относятся к определенной совокупности людей, необходимо провести анализ их динамики (табл. 1).

Представленные в табл. 1 данные дают интересную информацию о население Коми края – за 110 летний период оно увеличилось на 804 тыс. чел. или в 5,7 раза. Подробное описание динамики населения Республики Коми представлено в работах (Фаузер, 1993; Фаузер, Рожкин, Загайнова, 2001; Фаузер, 2007).

Таблица 1

*Динамика численности населения Республики Коми за 1897–2007 гг.,
(Статистический ежегодник, 2007, с. 36)**

Год	Все население, тыс. чел.	В том числе		В общей численности населения, %		Год	Все население, тыс. чел.	В том числе		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское			городское	сельское	городское	сельское
1897	171	5	166	3	97	1996	1133	852	281	75	25
1926	225	10	215	4	96	1997	1116	841	275	75	25
1939	319	29	290	9	91	1998	1096	826	270	75	25
1959	816	484	332	59	41	1999	1078	813	265	75	25
1970	967	598	369	62	38	2000	1058	798	260	75	25
1975	1023	685	338	67	33	2001	1043	785	258	75	25
1979	1110	786	324	71	29	2002	1019	767	252	75	25
1980	1121	800	321	71	29	2003	1016	765	251	75	25
1985	1196	883	313	74	26	2004	1006	757	249	75	25
1989	1251	944	307	75	25	2005	996	752	244	75	25
1991	1240	943	297	76	24	2006	985	744	241	76	24
1995	1157	874	283	76	24	2007	975	737	237	76	24

* Данные приведены: 1897 г. – по первой всеобщей переписи населения на 9 февраля; 1926 г. – по переписи на 17 декабря; 1939 и 1979 гг. – по переписи на 17 января; 1959 и 1970 гг. – по переписи на 15 января; 1989 г. – по переписи на 12 января; 2002 г. – по переписи на 9 октября; за остальные годы – оценка на 1 января соответствующего года. 1897, 1926, 1939, 1959 гг. – наличное население, за последующие годы – постоянное население.

* Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, зав. отделом социально-экономических проблем, зав. лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, заведующий кафедрой менеджмента Сыктывкарского государственного университета; Жеребцов Игорь Любомирович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зам. директора по научным вопросам, зав. отделом истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Фаузер Галина Николаевна (Сыктывкар) – научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН; Макарова Валентина Николаевна (Сыктывкар) – соискатель кафедры менеджмента Сыктывкарского государственного университета.

Население Республики Коми, как и всего Российского Севера, во многом сформировалось за счет миграции. Благодаря притоку населения Коми край из окраины Российской Империи превратился в промышленно развитый регион. За один век миграции внесли существенные изменения во все структуры населения: половые, возрастные, брачные, этнические и т.д. Но особенно существенному изменению подверглась система расселения населения. Здесь достаточно привести такие цифры: по переписи населения 1897 г. городское население Коми края составляло 3 %, а сегодня 76 %. Аналогичная картина и в других северных субъектах. Так, доля городского населения по Северу России составляет 78,6%, в том числе по Европейскому Северу 78,4 % и по Азиатскому Северу 78,9 % (2007 г.).

В глобальном масштабе динамику населения Республики Коми можно разбить на два исторических периода: период относительного благополучия и роста численности населения – до начала 1990 гг., и период естественной и миграционной убыли населения. По источникам убыли это выглядит так. В 1989–1992 гг. сокращение населения было обусловлено исключительно миграционным оттоком, а с 1993 г. отрицательное сальдо миграции стало дополняться естественной убылью населения. В общей сложности, за последние 18 лет – с 1989 по 2007 г. – постоянное население республики сократилось на 275,9 тыс. чел., что равнозначно потере 22,1 % от его исходной численности. Городское население республики сократилось за это время на 206,5 тыс. чел., а численность сельского населения уменьшилась на 69,4 тыс. чел. Чтобы понять масштабы потерь отметим, что численность населения «среднего» города республики составляет 60,5 тыс. чел., а численность «среднего» сельского района 20,1 тыс. чел. То есть условно с карты республики исчезли три города и три района.

Постоянное уменьшение численности привело к тому, что в течение 2004 г. население Республики Коми стало меньше одного миллиона. Если посмотреть на динамику населения в исторической ретроспективе, то можно констатировать, что своего первого миллиона республика достигла в начале 1970-х гг. (рис. 1).

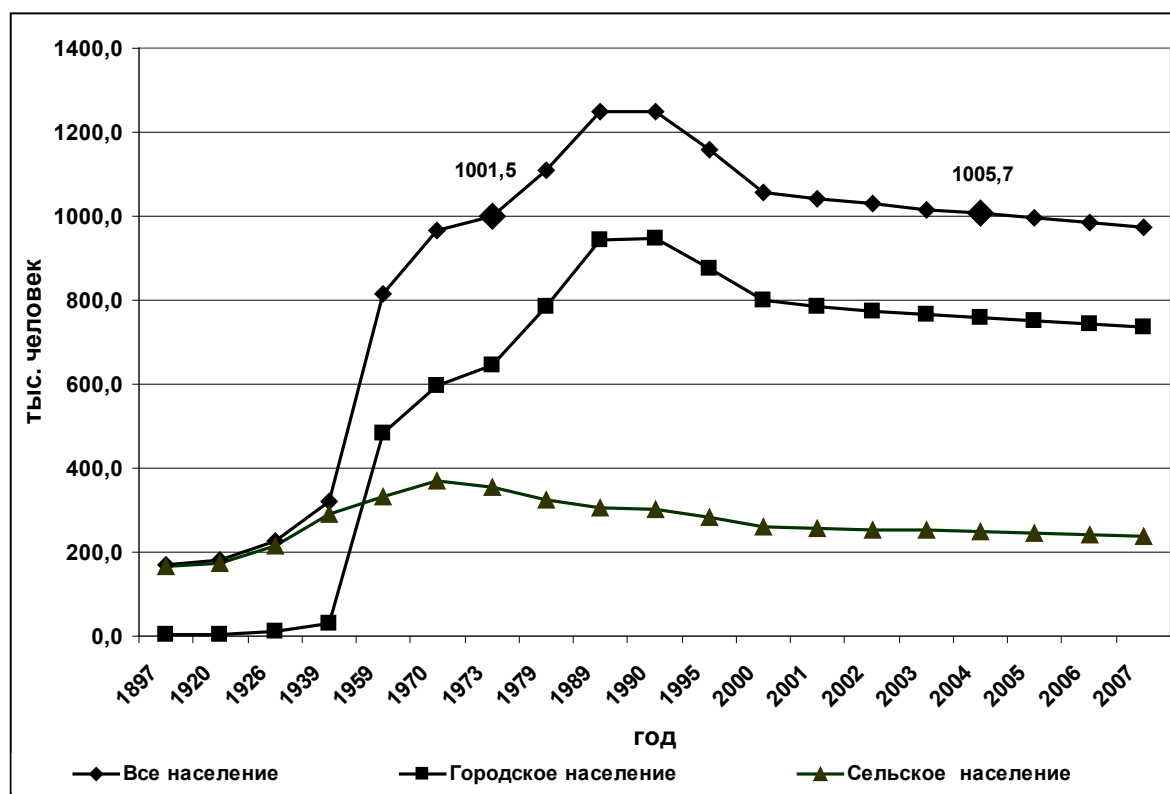

Рис. 1. Динамика численности населения Республики Коми за 1897–2007 гг.

На 1 января 2007 г. население республики составило 974,6 тыс. чел., что равно 0,7 % населения России. По численности населения Республика Коми занимает 53-е место среди регионов России после Томской, Калужской, Смоленской, Астраханской областей (на начало 1990 г. республика была на 48-м месте) (*Демографическая ситуация...*, 2006, с. 8). В течение 1990–2006 гг. республика в среднем ежегодно теряла 1,3 % населения, тогда как в предшествующий семнадцатилетний период здесь наблюдался ежегодный прирост в 1,4 %.

За 1990–2007 гг., в девятнадцати из двадцати административно-территориальных образований, исключение г. Сыктывкар, произошло уменьшение численности населения (табл. 2).

**Динамика численности постоянного населения административно-территориальных образований
Республики Коми, за 1990–2007 гг., тыс. чел.**

Административно-территориальные образования	Год									2007 г. в % к	
	1990	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	1990 г.	2006 г.
Республика Коми	1248,9	1057,9	1042,9	1029,6	1016,0	1005,7	996,4	985,0	974,6	78,0	98,9
Городское население	945,4	798,3	784,9	775,0	764,6	757,3	751,9	744,5	737,3	78,0	99,0
Сельское население	303,5	259,6	258,0	254,6	251,4	248,4	244,5	240,5	237,3	78,2	98,7
Сыктывкар	237,5	249,6	248,4	246,7	245,2	244,2	244,5	244,8	244,5	102,9	99,9
Воркута	216,7	146,5	142,0	137,9	133,5	130,1	127,5	123,8	120,1	55,4	97,0
Вуктыл	27,4	20,0	19,3	18,7	18,2	17,9	17,7	17,2	16,9	61,7	98,3
Инта	70,5	51,7	49,5	48,0	46,2	44,9	43,8	42,5	41,1	58,3	96,7
Печора	93,9	70,7	68,8	67,4	66,1	65,5	64,8	63,8	63,3	67,4	99,2
Сосногорск	62,3	53,9	53,4	52,9	52,4	52,0	51,4	50,8	50,3	80,7	99,0
Усинск	71,6	53,8	53,6	53,2	52,8	53,0	52,7	52,3	51,8	72,3	99,0
Ухта	142,6	130,0	128,6	127,8	127,1	126,9	127,0	127,0	127,2	89,2	100,2
Районы:											
Ижемский	23,4	21,9	21,7	21,6	21,5	21,3	21,0	20,6	20,4	87,2	99,0
Княжпогостский	39,4	30,8	30,4	30,1	29,6	28,9	28,2	27,4	26,8	68,0	97,8
Койгородский	12,1	10,5	10,3	10,1	10,0	9,8	9,7	9,5	9,3	76,9	97,9
Корткеросский	26,9	23,9	24,0	23,8	23,6	23,4	23,2	23,1	23,0	85,5	99,6
Прилузский	28,3	25,5	25,2	24,9	24,7	24,4	23,9	23,5	23,1	81,6	98,3
Сыктывдинский	27,5	24,9	24,7	24,5	24,2	23,8	23,6	23,5	23,9	86,9	101,7
Сысольский	19,3	17,0	17,0	17,0	16,9	16,8	16,6	16,4	16,2	83,9	98,8
Троицко-Печорский	26,1	18,7	18,2	17,9	17,5	17,3	16,8	16,5	16,2	62,1	98,2
Удорский	24,4	24,7	24,9	24,9	25,1	24,8	24,4	24,0	23,6	96,7	98,3
Усть-Вымский	42,7	35,1	34,6	34,3	33,9	33,5	33,0	32,5	31,9	74,7	98,2
Усть-Куломский	39,7	32,9	32,6	32,4	32,1	31,9	31,5	31,0	30,7	77,3	99,0
Усть-Цилемский	16,6	15,8	15,7	15,5	15,4	15,3	15,1	14,8	14,5	87,3	98,0

Среди административно-территориальных образований за 1990–2007 гг. наибольшее сокращение численности населения наблюдалось в Воркуте – почти двойное (55,4 %), затем в Инте (58,3 %), в Вуктыле (61,7 %), в Печоре (67,4 %), в Усинске (72,3 %). Меньше всего население сократилось в Сосногорске (80,7 %) и в Ухте (89,2 %). Из районов больше всего потеряли население Троицко-Печорский (62,1 %), Княжпогостский (68,0 %), Усть-Вымский (74,7 %), Койгородский (76,9 %) и Усть-Куломский (77,3 %). Меньше всего Усть-Цилемский (87,3 %), Ижемский (87,2 %), Сыктывдинский (86,9 %) и Корткеросский (85,5 %). Если рассматривать динамику населения за последние два года, то можно отметить, что в двух административно-территориальных образованиях произошел незначительный рост населения: в Ухте на 100,2 % и в Сыктывдинском районе на 101,7 %.

Численность населения любой открытой территории определяется двумя видами движения: естественным и миграционным; она также подвержена количественным и качественным изменениям. Количественные изменения происходят в результате как «внутреннего» движения, т.е. воспроизводственного процесса, так и «внешнего» – миграции населения. Причем то и другое ведет к качественным изменениям, но первое лишь по одному (возрасту), а второе – по многим параметрам.

В результате воспроизводства численность населения меняется только вследствие рождаемости и смертности, а демографическая структура – в результате перехода из одного возраста в другой. В этом смысле воспроизводственная функция присуща не только детородному контингенту, обладающему репродуктивным свойством, но и всему населению, так как воспроизводственный процесс включает наряду с рождаемостью также смертность и изменение возрастной структуры. С учетом этих трех составляющих воспроизводство населения представляет собой не только смену поколений на основе рождаемости и смертности, т.е. «входа» в совокупность одних и «выхода» других людей, но и их движение в «демографическом пространстве», т.е. переход поколений из одной возрастной группы в другую с постепенным уменьшением их исходной величины.

В отличие от воспроизводства миграция представляет собой пространственное движение населения, изменение его территориального распределения, т.е. географии. В этом смысле миграция не меняет численность населе-

ния той территории, в рамках которой происходит его перемещение. Меняется численность и структура населения лишь отдельных частей данной территории (страны).

Между воспроизводством и миграцией населения имеются существенные различия. Однако, несмотря на это, миграция и воспроизводство населения тем не менее представляют собой лишь два демографических компонента, от масштабов и взаимодействия которых зависит динамика населения (Рыбаковский, 2003, с. 10-16). Значение этих компонентов в демографической динамике населения Республики Коми неоднократно менялось (табл. 3).

Таблица 3

Прирост населения Республики Коми по источникам формирования за 1927–2006 гг., тыс. чел.

Год	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
	Общий	Естественный	Механический	Естественный	Механический
1927–1938	94,5	47,1	47,4	3,9	4,0
1939–1950	89,8	21,6	68,2	1,8	5,7
1951–1955	206,2	78,1	128,1	15,6	25,6
1956–1960	181,1	99,3	82,2	19,9	16,4
1961–1965	98,2	83,2	15,0	16,7	3,0
1966–1970	30,0	54,8	-24,8	11,0	-4,9
1971–1975	87,5	56,2	31,3	11,2	6,3
1976–1980	80,6	57,1	23,5	11,4	4,7
1981–1985*	77,0	70,1	6,9	14,0	1,4
1986–1990	28,3	60,5	-32,2	12,1	-6,4
1991–1995	-107,2	-2,3	-104,9	-0,5	-21,0
1996–2000	-89,8	-11,6	-78,2	-2,3	-15,6
2001–2005	-58,3	-19,9	-38,4	-4,0	-7,7
2006	-10,4	-2,6	-7,8	-2,6	-7,8
1927–2006	707,9	591,6	116,3	7,4	1,5

* – С 1981 г. численность постоянного населения, пересчитанная от итогов переписей населения 1989 и 2002 гг.

За 80-летний период общий прирост населения Республики Коми составил 707,9 тыс. чел., на долю естественного приходится 83,6 %, а механического прироста 16,4 %. Из табл. 3 видно, что миграции не всегда играли положительную роль. Впервые отток населения из Республики Коми был зафиксирован в 1966–1970 гг. В этот период времени многие северные территории стали терять население. Для изменения ситуации и с целью закрепления населения в северных районах страны были приняты законы и нормативные документы (Гинцбург, Смирнова, 1975; Иванов, 1991). Однако со второй половины 1980-х гг. массовый отток населения стал закономерным явлением (Фаузер, 2007, с. 17–18, (рис. 2).

Сокращение численности населения страны или отдельных территорий имеет ряд негативных последствий. Это в первую очередь относится к соотношению территории и численности населения. Так средняя плотность населения Республики Коми с 1990 г. по 2007 г. уменьшилась с 3,0 чел. на 1 кв. км до 2,3 чел. При этом население крайне неравномерно размещено по территории республики с Севера на Юг. Плотность населения варьирует от 1,8 чел. на 1 кв. км на Дальнем Севере до 1,9 на Среднем Севере и 4,4 чел. на Ближнем Севере (2007 г.). Самая низкая плотность городского населения имеет место в Вуктыле – 0,8 чел. на 1 кв. км, а в сельской местности в Усть-Цилемском районе – 0,3 чел. на кв. км. Среди городов выделяется Сыктывкар, где плотность населения составляет 333,5 чел. на кв. км. С 1990 по 2007 г. плотность населения увеличилась только в столице – Сыктывкаре. В четырех районах Среднего Севера: Княжпогостском, Троицко-Печорском, Удорском и Усть-Вымском она осталась такой же, в остальных районах и городах она уменьшилась (табл. 4).

Изменение плотности населения было вызвано тем, что с начала 1990-х гг. в Республике Коми произошли заметные сдвиги в расселении населения по ее территории: наблюдается тенденция перераспределения населения из северной части республики в центральные и южные районы. К началу 2007 г. на Ближнем Севере, занимающем лишь пятую часть площади республики, было размещено более трети населения (38,0 %), тогда как в 1990 г. больше всего населения (39,4 %) проживало на Дальнем Севере. Можно отметить, что за 1990–2007 гг. произошло перемещение населения из Дальнего Севера на Ближний Север при почти стабильной доле населения Среднего Севера. Такая направленность обусловлена тем, что в структуре населения уменьшилась доля городов Дальнего Севера (Воркуты, Инты, Печоры и Усинска); увеличилась доля двух городов Среднего Севера (Ухты и Сосногорска) и существенно увеличилась в структуре населения доля населения Ближнего Севера, в основном за счет г. Сыктывкара.

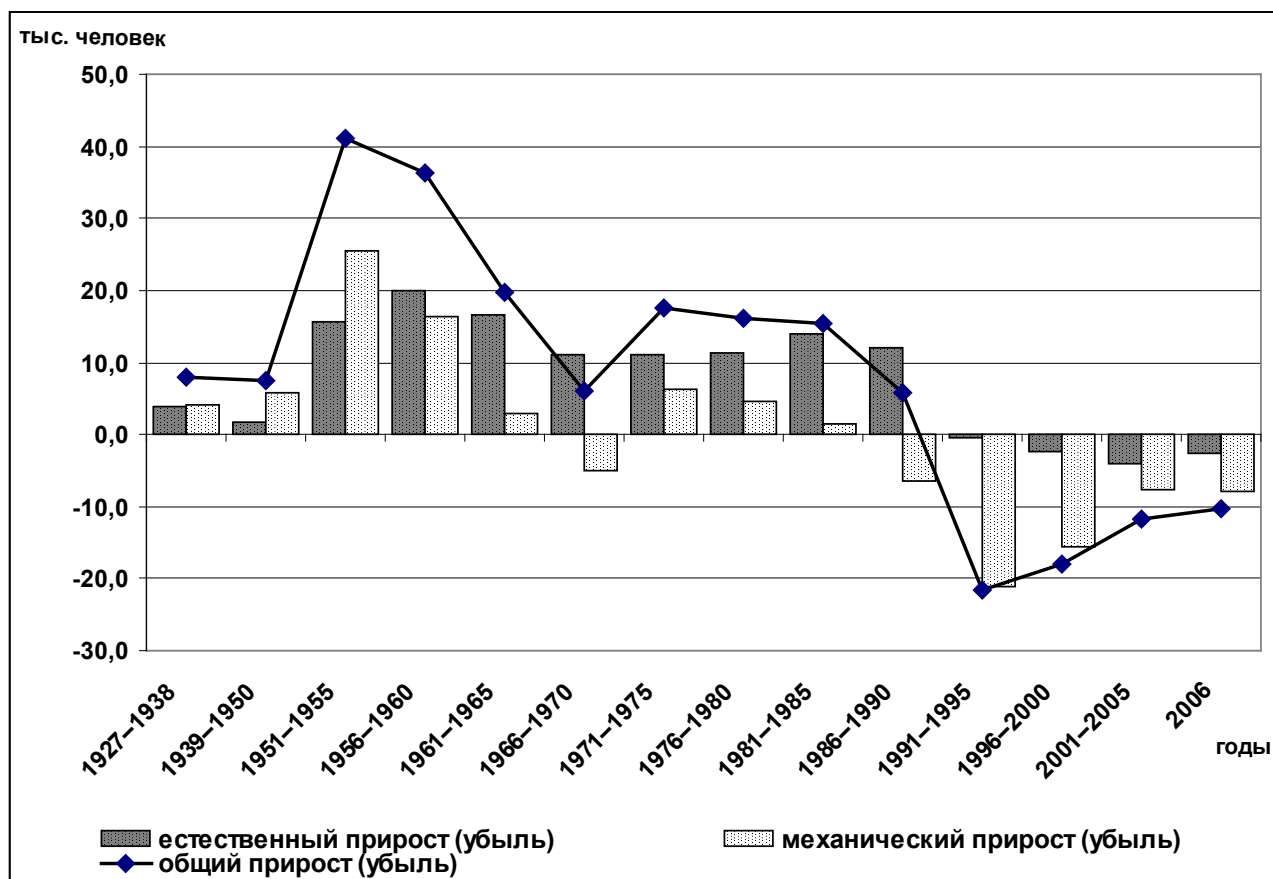

Рис. 2. Источники прироста (убыли) населения Республики Коми за 1927–2006 гг.

В ходе социально-экономического развития территории меняется не только численность и плотность населения, но и обновляется его структура. Но прежде чем перейти к дальнейшему изложению материала сделаем ряд пояснений, что в демографических исследованиях понимается под составом, а что под структурой населения, поскольку несмотря на часто трактуемую их идентичность, между ними имеются различия.

В энциклопедическом словаре по народонаселению отмечается, что состав населения, – распределение людей, образующих население, по группам в соответствии со значениями того или иного признака. Одна из наиболее общих количественных характеристик населения и социальной структуры при их описании и анализе. Хотя в специальной литературе понятия «состав населения» и «структура населения» обычно не различаются, они не идентичны. В отличие от структур населения, обладающих упорядоченностью частей населения и определенными отношениями между этими частями, под составом населения обычно понимается простое распределение населения по группам.

Состав населения бывает представлен по двум признакам (например, пол) или нескольким градациям признака (группам), причем каждая из них может быть разделена на подгруппы и по другому признаку или признакам (например, распределение людей по возрасту чаще рассматривается отдельно для каждого пола) и характеризоваться числом людей в выделенных группах, долей этих групп во всем населении или числом людей одной группы, приходящихся на 100 (или 1000) человек другой группы.

Под составом населения в узком смысле слова понимается распределение населения по возрасту и полу; в широком смысле – распределение людей по всем другим признакам (общественная группа, национальность, занятие, профессия, уровень образования и др.), которые количественно представляют социальную, экономическую, этническую и другие структуры общества.

Выделяют состав населения возрастно-половой, брачный, семейный, социальный, этнический, экономический, культурный, а также по другим признакам (Волков, 1994, с. 462-463).

В другом определении, помимо состава дается определение и структуре населения. Структура населения – отнюдь не синоним его состава. Состав – это номенклатура, точнее перечень элементов, составляющих население как совокупность людей. Демографический состав включает в себя деление населения на мужчин и женщин, а также – на лиц разного возраста. Население, дифференцированное по возрасту, может быть распределено по группам. Группировка, выполненная по качественному признаку, представляет классификацию. Например,

в зависимости от такого качественного признака как трудоспособность выделяют три группы населения: молодежь трудоспособного, трудоспособное и то, которое старше трудоспособного.

Таблица 4

Расселение населения Республики Коми в 1990–2007 гг.

Административно-территориальные образования	Удельный вес в площади территории, %	Удельный вес в численности населения, %			Плотность населения на 1 кв. км			
		1990 г.	2000 г.	2007 г.	1990 г.	2000 г.	2007 г.	2007 г. к 1990 г.
Республика Коми	100,0	100,0	100,0	100,0	3,0	2,5	2,3	76,7
<i>Дальний Север</i>	41,9	39,4	34,1	31,9	2,8	2,1	1,8	64,3
Воркута	5,8	17,3	13,8	12,3	8,9	6,1	5,0	56,2
Инта	7,2	5,6	4,9	4,2	2,3	1,7	1,4	60,9
Усинск	7,3	5,7	5,1	5,3	2,3	1,8	1,7	73,9
Печора	6,9	7,5	6,7	6,5	3,2	2,4	2,2	68,8
Ижемский район	4,4	1,9	2,1	2,1	1,3	1,2	1,1	84,6
Усть-Цилемский район	10,2	1,3	1,5	1,5	0,4	0,4	0,3	75,0
<i>Средний Север</i>	37,9	29,1	29,6	30,1	2,3	2,0	1,9	82,6
Вуктыл	5,4	2,2	1,9	1,7	1,2	0,9	0,8	66,7
Сосногорск	3,9	5,0	5,1	5,2	3,8	3,3	3,0	78,9
Ухта	3,2	11,5	12,3	13,1	10,8	9,8	9,6	88,9
Княжпогостский район	5,9	3,1	2,9	2,7	1,1	1,3	1,1	100,0
Троицко-Печорский район	9,7	2,1	1,8	1,7	0,4	0,5	0,4	100,0
Удорский район	8,6	1,9	2,3	2,4	0,7	0,7	0,7	100,0
Усть-Вымский район	1,1	3,4	3,3	3,3	6,7	7,4	6,7	100,0
<i>Ближний Север</i>	20,2	31,5	36,3	38,0	4,7	4,6	4,4	93,6
Сыктывкар	0,2	19,2	23,6	25,1	325,8	340,5	333,5	102,4
Койгородский район	2,5	1,0	1,0	1,0	1,2	1,0	0,9	75,0
Корткеросский район	4,7	2,1	2,3	2,4	1,4	1,2	1,2	85,7
Прилузский район	3,2	2,3	2,4	2,4	2,1	1,9	1,8	85,7
Сыктывдинский район	1,8	2,2	2,3	2,5	3,7	3,4	3,2	86,5
Сысольский район	1,5	1,5	1,6	1,7	3,1	2,8	2,7	87,1
Усть-Куломский район	6,3	3,2	3,1	3,2	1,5	1,2	1,2	80,0

Население может быть распределено на группы и по количественному признаку. Обычно распределение населения по полу и возрасту бывает в однолетней и пятилетней возрастной группировках.

В отличие от состава структура населения – это соотношение между однородными элементами и (или) численно определенными группами. Самой простой выступает половая структура: процентное отношение мужчин и женщин в общей численности населения. Существуют также возрастные, возрастно-половые структуры, распределения по времени проживания и т.д. Структура населения может выражаться не только в процентах, но и в долях, промилле (*Практическая демография, 2005, с. 15-16*).

В социально-экономическом прогнозировании знания о структурах населения представляют помимо теоретического интереса большое практическое значение. Суть в том, что, реализуя свою потребность в человеческих ресурсах, организации должны учитывать наряду с особенностями существующей половой и возрастной структур населения, ее динамику на ближайшую и долгосрочную перспективу. Исходя из этого, они должны строить свою кадровую и маркетинговую стратегии.

Структура населения по полу. В XX в. соотношение полов в нашей стране и Республике Коми в частности, было подвержено сильной деформации. Это было следствием разрушительных катаклизмов, которые пришлось пережить российскому народу, больших потерь мужского населения. Достаточно отметить, что после окончания Второй мировой войны, в 1946 г. число женщин превышало число мужчин на 33,9%. Такой половой диспропорции не испытывал, вероятно, ни один народ в истории (*Антонов, Борисов, 2006, с. 17*). Значительный женский перевес в населении России сохранялся до 1959 г., затем до 2002 г. шло некоторое улучшение в соотношении полов, а в последние годы оно вновь стало ухудшаться (табл. 5).

**Соотношение мужчин и женщин по переписям населения
1897–2002 гг. на начало 2007 г., %**

Год	Все население		Городское население		Сельское население		Справочно: Россия	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1897	46,5	53,5	47,5	52,5	46,5	53,5	49,7	50,3
1926	45,6	54,4	48,4	51,6	45,5	54,5	47,5	52,5
1939	48,6	51,4	49,7	50,3	48,4	51,6	47,1	52,9
1959	52,1	47,9	53,5	46,5	50,2	49,8	44,6	55,4
1970	50,2	49,8	49,5	50,5	51,3	48,7	45,5	54,5
1979	50,6	49,4	50,2	49,8	51,5	48,5	46,0	54,0
1989	50,6	49,4	50,3	49,7	51,4	48,6	46,7	53,3
2002	47,9	52,1	47,3	52,7	49,9	50,1	46,7	53,3
2007	47,5	52,5	46,8	53,2	49,6	50,4	46,3	53,7

В Коми крае в конце XIX в. доля мужчин была значительно ниже женской, причем это соотношение было хуже, чем по стране в целом. За годы революций и Гражданской войны это соотношение еще больше ухудшилось. В 1920 г. доля мужчин составляла 43,1 %, к 1926 г. вследствие естественного воспроизводства и миграции населения доля мужчин увеличилась до 45,6 %. В последующие годы шло постоянное увеличение доли мужчин в структуре населения. Начиная с 1950-х гг. в результате промышленной экспансии республики и интенсивности миграционных потоков в населении начинает доминировать мужская составляющая. До начала 1990-х гг. в республике сохранялся незначительный мужской перевес, а затем в результате закрытия ряда шахт, предприятий газовой и нефтяной промышленности, других отраслей и начала массового оттока населения, в республике вновь наметился женский перевес. Такая же картина наблюдается и по другим северным территориям, что «для Севера совершенно не типично» (Агранат, 2007, с. 45).

Однако в силу разной интенсивности повозрастной смертности соотношение полов целесообразно рассмотреть по пятилетним интервалам, что позволит вычленив экономический и естественно-биологический факторы, влияющие на соотношение мужчин и женщин. Для анализа возьмем два года: 1959 г., когда была наивысшая доля мужчин и 2007, когда она стала наименьшей (табл. 6).

Таблица 6

**Распределение населения Республики Коми по полу и возрасту
по данным переписи населения 1959 г. и на начало 2007 г., %**

Население, лет	1959 г.		2007 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Все население	52,0	48,0	47,5	52,5
0-9	50,6	49,4	51,2	48,8
10-19	53,4	46,6	51,0	49,0
20-24	63,6	36,4	50,5	49,5
25-29	59,3	40,7	50,9	49,1
30-34	52,2	47,8	51,2	48,8
35-39	47,4	52,6	50,7	49,3
40-44	49,8	50,2	49,4	50,6
45-49	47,9	52,1	47,9	52,1
50-54	44,3	55,7	45,9	54,1
55-59	36,1	63,9	43,3	56,7
60-69	29,6	70,4	37,3	62,7
70 лет и старше	23,6	76,4	25,7	74,3

Из представленной выше таблицы видно, что в 1959 г. до 34 лет доля мужчин была значительно выше доли женщин. Особенно много мужчин было в возрастных группах 20-24 и 25-29 лет, зато старше 55 лет на долю мужчин приходилось от 24 до 36 %. В 2007 г. мужской перевес имел место уже до 39 лет, то есть на 5 лет больше. В остальных возрастах доля мужчин плавно сокращалась от 49 до 26 %. Можно отметить, что соотношение полов в отдельных возрастах за почти пятидесятилетний период значительно улучшилось в пользу мужчин. Хотя пропорции мужчин и женщин по всему населению говорят об обратном.

Наблюдается ухудшение половой структуры и в разрезе административно-территориальных образований. За анализируемый период времени (1990–2007 гг.) во всех (исключение Княжпогостский и Удорский районы) административно-территориальных образованиях доля женщин стала выше доли мужчин. В тоже время в 1990 г. из восьми городов в четырех доминировали мужчины, а из двенадцати районов в пяти. Из расчета на 1000 мужчин больше всего женщин было в Сыктывкаре – 1204, Инте – 1161, в Сосногорске – 1129, Печоре – 1123 и Ухте – 1112. На селе можно выделить Сысольский – 1125, Сыктывдинский – 1117 и Прилузский – 1103 районы. В целом ситуация в республике несколько лучше, чем по России в целом (табл. 7).

Таблица 7

Распределение населения административно-территориальных образований Республики Коми по полу в 1990 и 2007 гг.

Административно-территориальные образования	Численность, чел.				Доля в общей численности населения, %				Женщин на 1000 мужчин	
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины		1990 г.	2007 г.
	1990 г.	2007 г.	1990 г.	2007 г.	1990 г.	2007 г.	1990 г.	2007 г.		
Республика Коми	628369	462861	620522	511756	50,3	47,5	49,7	52,5	988	1106
Городское население	472508	345092	472854	392214	50,0	46,8	50,0	53,2	1001	1137
Сельское население	155861	117769	147668	119542	51,3	49,6	48,7	50,4	947	1015
Сыктывкар	112772	110933	124747	133553	47,5	45,4	52,5	54,6	1106	1204
Воркута	110750	57497	105912	62556	51,1	47,9	48,9	52,1	956	1088
Вуктыл	15043	8067	12329	8789	55,0	47,9	45,0	52,1	820	1090
Инта	35202	18995	35340	22061	49,9	46,3	50,1	53,7	1004	1161
Печора	49061	29824	44811	33482	52,3	47,1	47,7	52,9	913	1123
Сосногорск	31032	23628	31254	26678	49,8	47,0	50,2	53,0	1007	1129
Усинск	37496	25298	34140	26489	52,3	48,9	47,7	51,1	910	1047
Ухта	70911	60218	71690	66979	49,7	47,3	50,3	52,7	1011	1112
Районы:										
Ижемский	11702	10130	11704	10237	50,0	49,7	50,0	50,3	1000	1011
Княжпогостский	22362	14747	17045	12031	56,7	55,1	43,3	44,9	762	816
Койгородский	5867	4518	6233	4821	48,5	48,4	51,5	51,6	1062	1067
Корткеросский	13271	11097	13636	118961	49,3	48,3	50,7	51,7	1028	1072
Прилузский	13485	10967	14823	12097	47,6	47,6	52,4	52,4	1099	1103
Сыктывдинский	13318	11295	14193	12616	48,4	47,2	51,6	52,8	1066	1117
Сысольский	9131	7646	10175	8598	47,3	47,1	52,7	52,9	1114	1125
Троицко-Печорский	13290	7761	12785	8403	51,0	48,0	49,0	52,0	962	1083
Удорский	12850	13112	11511	10478	52,7	55,6	47,3	44,4	896	799
Усть-Вымский	22420	15284	20281	16663	52,5	47,8	47,5	52,2	905	1090
Усть-Куломский	20363	14787	19352	15915	51,3	48,2	48,7	51,8	950	1076
Усть-Цилемский	8043	7057	8561	7414	48,4	48,8	51,6	51,2	1064	1051
Справочно: Россия, тыс. чел.	69115	65849	78550	76372	46,8	46,3	53,2	53,7	1136	1160

Анализ диспропорции полов в целом по всему населению дает интересную информацию, но не позволяет получить ответы на другие вопросы, например о располагаемых ресурсах труда для отдельных отраслей, имеющих половые ограничения, о брачной конъюнктуре, о потребительских предпочтениях населения и т.д.

С экономической точки зрения наибольший интерес представляет рассмотрение половой структуры трех крупных возрастных групп: моложе трудоспособного, в трудоспособном и старше трудоспособного возраста. С 1989 г. и по настоящее время (2007 г.) в возрасте моложе трудоспособного на 1000 мужчин стало приходится меньше женщин, особенно в городах. В трудоспособном возрасте соотношение полов незначительно, но улучшилось. Что касается населения старших возрастов, то здесь в расчете на 1000 мужчин женщин стало на 310 меньше, при сохранении диспропорции в три раза. В разрезе городов половая структура в последние годы улучшается, в районах, где проживает 85,6% сельского населения республики – тоже. Однако выделяются два района Княжпогостский и Удорский, где на 1000 мужчин трудоспособного возраста приходится всего 594 и 612 женщин, соответственно. В отличие от городов, в районах лучше половое соотношение у населения старших возрастов, хотя и его назвать оптимальным нельзя (табл. 8).

Соотношение численности мужчин и женщин в основных возрастных группах населения Республики Коми, по данным переписи населения 1989 г. и на начало 2007 г.

Административно-территориальные образования	На 1000 мужчин соответствующей возрастной группы приходится женщин					
	в возрасте моложе трудоспособного		в трудоспособном возрасте		в возрасте старше трудоспособного	
	1989 г.	2007 г.	1989 г.	2007 г.	1989 г.	2007 г.
Республика Коми	969	957	821	939	3388	3078
Городское население	968	952	862	982	3264	3203
Сельское население	974	973	694	808	3647	2783
Сыктывкар	972	943	975	1066	3293	2879
Воркута	954	979	838	942	3838	4097
Вуктыл	950	986	666	931	3409	3116
Инта	966	992	881	979	3420	3897
Печора	977	970	723	928	3132	3368
Сосногорск	961	916	825	942	3055	3433
Усинск	972	945	803	962	3522	3663
Ухта	966	943	893	942	3036	3232
Районы:						
Ижемский	984	936	749	824	4084	2961
Княжпогостский	986	936	533	594	2905	2819
Койгородский	967	894	798	857	3476	2690
Корткеросский	960	990	771	871	3452	2693
Прилузский	994	968	783	911	3760	2537
Сыктывдинский	999	954	830	948	3473	2682
Сысольский	1024	962	793	941	3811	2485
Троицко-Печорский	932	914	796	873	3298	2607
Удорский	983	963	666	612	4731	3085
Усть-Вымский	969	985	655	861	3289	2907
Усть-Куломский	979	1026	702	890	4006	2695
Усть-Цилемский	999	1018	793	847	3449	2660

Возрастная структура населения. Миграционная убыль и отрицательный естественный прирост внесли свои коррективы и в возрастную структуру населения. За рассматриваемый период времени (1990–2007 гг.) в целом по Республике Коми численность населения моложе трудоспособного возраста сократилась в два раза и составила 170,2 тыс. чел. против 349,5 тыс. чел. в 1990 г. В это же время шел относительный рост возрастной группы трудоспособного возраста с 61,7 до 67,7 %, но абсолютно она уменьшилась с 771,2 тыс. чел. до 660,3. Что касается возрастной группы старше трудоспособного возраста (женщин 55 лет и старше, мужчин 60 лет и старше), то она увеличилась в республике на 112,5 %, составив на начало 2007 г. 144,2 тыс. человек, против 128,2 в 1990 г. Данная возрастная группа выросла и относительно с 10,3 до 14,8 %. В то же время сегодня она значительно ниже, чем по России в целом – 20,6% (табл. 9).

В разрезе административно-территориальных образований динамика изменения возрастной структуры населения практически не отличается от республиканских тенденций. С 1989 по 2007 г. везде уменьшилась доля населения моложе трудоспособного возраста, возросла доля населения в трудоспособном и старше трудоспособного возрастах. Исключение составил Прилузский район, где доля пожилых уменьшилась с 19,2 до 18,7 % (табл. 10).

Несмотря на схожесть в общей направленности демографической динамики, в отдельных административно-территориальных образованиях возрастная структура населения отличается от республиканской. В 2007 г. в городах Вуктыл, Инта, Сосногорск и Усинск доля детей была выше, чем в среднем по республике. В пяти городах и двух сельских районах выше доля лиц трудоспособного возраста, чем в Республике Коми в целом: в городах Воркута, Вуктыл, Инта, Усинск, Ухта, а также Княжпогостском и Удорском районах. В них же, за исключением, Ухты и Княжпогостского района, более низкая доля лиц старше трудоспособного возраста.

Таблица 9

Численность населения Республики Коми в основных возрастных группах в 1990 г. и 2007 г.

Население	Количество человек		Удельный вес в общей численности населения, %		
	1990 г.	2007 г.	1990 г.	2007 г.	справочно: Россия, 2007 г.
Все население	1248891	974617	100,0	100,0	100,0
в т.ч. в возрасте:					
моложе трудоспособного	349537	170164	28,0	17,5	16,0
трудоспособном	771193	660254	61,7	67,7	63,4
старше трудоспособного	128161	144199	10,3	14,8	20,6
Городское население	945362	737306	100,0	100,0	100,0
в т.ч. в возрасте:					
моложе трудоспособного	261257	126764	27,6	17,2	15,0
трудоспособном	599812	506084	63,5	68,6	64,6
старше трудоспособного	84293	104458	8,9	14,2	20,4
Сельское население	303529	237311	100,0	100,0	100,0
в т.ч. в возрасте:					
моложе трудоспособного	88280	43400	29,1	18,3	18,6
трудоспособном	171381	154170	56,5	65,0	60,0
старше трудоспособного	43868	39741	14,4	16,7	21,4

Таблица 10

Удельный вес основных возрастных групп населения в административно-территориальных образованиях Республики Коми, по данным переписи населения 1989 г. и на начало 2007 г., %

Административно-территориальные образования	Удельный вес населения соответствующей возрастной группы					
	Моложе трудоспособного возраста		В трудоспособном возрасте		Старше трудоспособного возраста	
	1989 г.	2007 г.	1989 г.	2007 г.	1989 г.	2007 г.
Республика Коми	28,0	17,5	62,1	67,7	9,9	14,8
Городское население	27,7	17,2	63,6	68,6	8,6	14,2
Сельское население	28,9	18,3	57,2	65,0	13,9	16,7
Сыктывкар	26,4	17,1	62,2	67,2	11,4	15,7
Воркута	28,1	17,3	66,7	71,9	5,2	10,8
Вуктыл	28,9	18,6	66,0	68,1	5,1	13,3
Инта	28,3	17,6	63,9	68,4	7,8	14,0
Печора	27,3	16,9	63,4	67,3	9,3	15,8
Сосногорск	27,3	18,1	60,8	65,8	11,9	16,1
Усинск	32,7	19,6	64,1	72,9	3,2	7,5
Ухта	26,7	16,0	63,0	69,1	10,3	14,9
Районы						
Ижемский	31,1	20,7	54,9	64,3	14,0	15,0
Княжпогостский	24,2	15,1	63,7	68,5	12,1	16,4
Койгородский	29,3	18,9	55,2	61,4	15,5	19,7
Корткеросский	30,5	19,3	53,2	63,4	16,3	17,3
Прилузский	28,7	18,5	52,1	62,8	19,2	18,7
Сыктывдинский	31,2	16,9	55,5	66,2	13,3	16,9
Сысольский	28,8	17,5	54,8	63,5	16,4	19,0
Троицко-Печорский	30,0	16,4	59,9	63,3	10,1	20,3
Удорский	27,7	17,2	61,7	70,7	10,6	12,1
Усть-Вымский	26,7	17,3	59,7	63,8	13,6	18,9
Усть-Куломский	30,7	19,4	55,6	64,9	13,7	15,7
Усть-Цилемский	30,8	21,1	54,2	62,5	15,0	16,4

Этническая структура. И еще на одном моменте необходимо остановиться, чтобы до конца оценить влияние миграции на демографические структуры населения – это на этнической структуре населения. Обычно процесс колонизации любой территории сопровождается расселением представителей одних этнических групп среди других, численно преобладающих (*Рыбаковский, Тарасова, 1982, с. 27-34*). Это утверждение было верно для Республики Коми примерно до 1940-х гг., когда доля населения коми национальности составляла более половины всего населения. Но чтобы оценить структуру населения по этническому составу сегодня необходимо хотя бы в общих чертах коснуться прошлого. Отправной точкой может стать Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. По ней на коми этнос приходилось 81,6 % всего населения. К 1926 г. доли коми увеличилась до 86,9 %. Мы считаем, что это явилось результатом того, что, с одной стороны, после окончания войн коренное население потянулось домой, на родину, а с другой стороны, пришлое население стало покидать Коми край. Судя по этнической структуре 1926 г. коми возвращались на родину более интенсивно, чем республику покидали пришлые. Но это лишь предположение, поскольку статистика эти явления не зафиксировала. В последующие годы под воздействием миграции доля коми этноса сократилась почти в четыре раза и составила 23,3 % в 1989 г. В последний межпереписной период (1989–2002 гг.) доля коми этноса несколько возросла и составила 25,2 % (2002 г.), (табл. 11).

Таблица 11

Распределение населения Республики Коми по национальности по данным переписей населения 1926–2002 гг., %

Национальность	Год						
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Коми	86,9	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,2
Русские	12,6	22,0	48,6	53,1	56,7	57,7	59,6
Украинцы	–	1,9	10,0	8,6	8,5	8,3	6,1
Белорусы	–	1,1	2,8	2,6	2,2	2,2	1,5
Немцы	0,4	0,8	2,4	1,5	1,2	1,0	0,9
Татары	–	0,2	1,1	1,2	1,6	2,1	1,5
Другие национальности	0,1	1,5	5,0	4,4	4,5	5,4	5,2

Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что этническая структура населения Республики Коми, с одной стороны, была изменена благодаря открытию здесь значительных запасов углеводородного сырья, что явилось основой привлечения новоселов со всех республик Союза ССР. А с другой стороны, превращением края в место ссылки репрессированного населения по разным основаниям.

Изменения этнической структуры за последние тридцать лет показывают, что она практически стабилизировалась, изменения доли той или иной национальности колеблется в пределах 5-10 % (табл. 12).

Из представленных данных по этнической структуре видно, что в период с 1970 по 2002 г. доля коми этноса уменьшилась в целом по республике, а также в городах Сыктывкар, Воркута, Вуктыл, Печора, Сосногорск, Усинск и Ухта. Особенно значительное уменьшение коми этноса имело место в Усинске – с 44,7 до 14,8%. Снижение доли коми народа произошло и в районах: Княжпогостском, Сыктывдинском, Удорском, Усть-Вымском и Усть-Цилемском. В Прилузском района она осталась неизменной. Есть территории, где доля коми этноса увеличилась: в г. Инта, в Ижемском, Койгородском, Корткеросском, Сысольском, Троицко-Печорском и Усть-Куломском районах.

В рассматриваемый период произошло повсеместное увеличение доли русских, исключение составили Ижемский район, где она сократилась вдвое с 14,9 до 7,9 %, и Усть-Куломский район – с 19,5 до 15,5%. Статистика фиксирует и постоянное снижение доли украинцев, исключение составили города Вуктыл, Усинск и Удорский район. Кроме Сосногорска во всех городах или увеличилась или осталась стабильной доля татар. В районах она в основном уменьшалась или оставалась неизменной и только в Удорском районе она несколько увеличилась. Доля других национальностей увеличилась в основном за счет Усинска, Княжпогостского и Сыктывдинского районов. Рост других национальностей в этих районах обусловлен вводом новых производств (нефть, газ, бокситы) и концентрацией цыган под г. Сыктывкаром в с. Вильгорт.

В целом можно заключить, что ниже всего доля коми этноса в г. Воркуте – 1,9 %. В других городах она значительно выше и составляет в Ухте – 9,2, Сосногорске – 10,4, Инте – 10,6, Вуктыле – 11,9, Усинске – 14,8 и замыкает ряд Печора – 15,4%. Наиболее высока доля русских в Ухте и Сосногорске – по 75,4%, несколько ниже она в Воркуте – 71,6%. Следует также подчеркнуть, что во всех городах, за исключением Усинска (54,8%) и Сыктывкара (58,4%), доля русских значительно выше, чем в среднем по республике (59,6%). В Усинске ниже доля русских потому, что здесь более широко представлены коми, украинцы, татары, башкиры, белорусы, азербайджанцы, чуваша, немцы, лезгины и другие национальности (*Демографическое развитие..., 2007, с. 123*).

**Структура национального состава населения административно-территориальных образований
Республики Коми по данным переписей населения 1970 г. и 2002 г., %**

Административно-территориальные образования	Год	Национальность				
		Коми	Русские	Украинцы	Татары	Другие*
Республика Коми	1970	28,6	53,1	8,6	1,2	5,9
	2002	25,2	59,6	6,1	1,5	6,1
Сыктывкар	1970	38,2	49,2	4,8	0,6	7,2
	2002	30,6	58,4	3,9	0,6	6,5
Воркута	1970	2,9	67,2	14,8	2,8	12,3
	2002	1,9	71,6	10,7	3,6	10,1
Вуктыл	1970	18,9	57,8	9,8	1,6	11,9
	2002	11,9	67,7	10,3	2,0	6,3
Инта	1970	9,3	59,7	17,2	2,0	11,8
	2002	10,6	68,2	10,0	2,4	6,7
Печора	1970	19,6	63,5	9,4	1,0	6,5
	2002	15,4	68,9	7,6	1,0	5,2
Сосногорск	1970	11,4	72,2	7,1	1,0	8,3
	2002	10,4	75,4	6,1	0,9	5,5
Усинск	1970	44,7	40,0	6,5	0,9	7,9
	2002	14,8	54,8	10,2	7,3	11,1
Ухта	1970	11,0	70,1	8,7	1,1	9,1
	2002	9,2	75,4	6,0	1,3	6,5
Районы:						
Ижемский	1970	81,5	14,9	1,8	0,2	1,6
	2002	90,4	7,9	0,8	0,1	0,8
Княжпогостский	1970	22,6	58,7	9,6	0,8	8,3
	2002	17,9	64,4	7,7	0,7	9,3
Койгородский	1970	33,7	48,3	6,8	2,0	9,2
	2002	39,7	48,4	4,3	1,0	6,6
Корткеросский	1970	67,3	22,0	4,9	0,7	5,1
	2002	71,7	22,3	2,4	0,4	3,2
Прилузский	1970	59,9	32,3	3,5	0,4	3,9
	2002	59,9	35,1	2,2	0,2	2,6
Сыктывдинский	1970	61,7	28,8	4,1	0,4	5,0
	2002	51,8	39,5	3,1	0,4	5,2
Сысольский	1970	68,9	21,8	3,7	0,9	4,7
	2002	69,4	23,9	2,5	0,8	3,4
Троицко-Печорский	1970	23,6	56,6	8,7	1,1	10,0
	2002	27,8	59,0	6,1	0,6	6,5
Удорский	1970	61,9	20,3	4,5	0,4	12,9
	2002	40,9	45,4	5,1	0,6	8,0
Усть-Вымский	1970	36,4	45,8	8,0	0,6	9,2
	2002	29,5	56,0	5,8	0,6	8,1
Усть-Куломский	1970	71,5	19,5	4,3	0,4	4,3
	2002	79,1	15,5	2,3	0,2	2,9
Усть-Цилемский	1970	7,5	86,9	1,9	0,3	3,4
	2002	6,3	91,3	0,7	0,1	1,6

* Включая не указавших национальную принадлежность.

Здесь также необходимо подчеркнуть, что продолжающийся из республики отток населения по-прежнему вносит свои коррективы во все структуры населения. Очередная перепись населения, запланированная на 2010 г., позволит эти изменения зафиксировать в полном объеме.

Образовательная структура. XX век показал, что образовательный потенциал человеческих ресурсов, которым обладают государства, отдельные крупные холдинги или корпорации принес их обладателям огромные конкурентные преимущества. Не случайно ушедший век обозначил новое направление в экономике – экономику знаний.

Подводя итоги своего пребывания на посту Президента России, В.В. Путин особо подчеркнул, «что сейчас на фоне благоприятной для нас экономической конъюнктуры мы пока лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики. И это неизбежно ведёт к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики, а в дальнейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров.

Следуя этому сценарию, мы не добьёмся необходимого прогресса в повышении качества жизни российских граждан. Более того, не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни её нормального развития, подвергнем угрозе само её существование, говорю это без всякого преувеличения.

Единственной реальной альтернативой такому ходу событий является стратегия инновационного развития страны, опирающаяся на одно из наших главных конкурентных преимуществ – на реализацию человеческого потенциала, на наиболее эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом» (<http://president.kremlin.ru>).

В Республике Коми многое делается, чтобы образовательный уровень населения постоянно повышался и соответствовал инновационному пути развития экономики (табл. 13).

Таблица 13

Уровень образования городского и сельского населения Республики Коми в возрасте 15 лет и старше по данным переписей населения 1989–2002 гг., на 1000 человек соответствующего возраста, чел.

Образование	1989 г.			2002 г.		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Всего из указавших уровень образования	1000	1000	1000	1000	1000	1000
в том числе имеют образование	964	973	933	992	995	985
в том числе профессиональное	505	531	422	623	657	519
из них:						
послевузовское и высшее	89	102	47	123	143	60
н/ высшее	12	14	7	24	28	10
среднее	215	231	163	315	342	234
начальное	189	184	205	161	144	215
общее	459	442	511	369	338	466
из них						
среднее (полное)	191	205	147	156	164	131
основное	176	165	209	155	133	223
начальное	92	72	155	58	41	112
не имеющие начального общего образования	36	27	67	8	5	15
из них неграмотные	11	7	22	4	3	8

Из данных об образовательном уровне населения республики видно, что за период между двумя последними переписями (1989–2002 гг.) общий уровень образования увеличился с 964 человек в расчете на 1000 населения до 992 чел. Увеличились число лиц с послевузовским и высшим профессиональным образованием с 89 до 123 чел., а со средним профессиональным образованием с 215-315. Одновременно шло уменьшение доли лиц имеющих начальное профессиональное образование и доли лиц с разным уровнем общего образования. Такую тенденцию можно считать положительной.

Выгодно отличает республику и сравнение образовательного потенциала занятого населения с российскими показателями. Так если по стране в целом на 1000 занятых имеют высшее и среднее профессиональное образование 619 чел., то в Республике Коми 601 чел. Однако, немного уступая по высшему и среднему профессиональному образованию, республика имеет лучший образовательный потенциал по «рабочему классу», имеющему начальное профессиональное образование. Здесь соотношение 181 и 152 в пользу республики. На 1000 занятых в Республике Коми меньше лиц имеющих общее образование (*Об уровне образования, 2005, с. 37*).

Брачная структура. И, наконец, последняя из структур населения, заслуживающая внимания – брачная, поскольку все демографические события происходят в семье, здесь принимаются основные решения, именно здесь формируются жизненные стандарты у детей, продолжателей рода человеческого. Однако сразу заметим, что какого-то эталона, идеальной брачной структуры в теории нет, поэтому при её анализе возможны разные

трактовки. Все зависит от авторской позиции. Статистика дает данные о брачном состоянии населения по полу у населения старше 16 лет.

Таблица 14

Брачное состояние населения республики Коми по данным переписей 1959-2002 гг., на 1000 человек данного пола в возрасте 16 лет и более*

Год	Мужчины				Женщины			
	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разошедшиеся	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разошедшиеся
1959	...	603	585
1970	...	671	627
1979	290	644	13	52	161	623	139	76
1989	251	661	18	68	137	651	131	80
2002	275	611	28	81	195	540	151	110

* – Здесь и далее – включая лиц до 16 лет, указавших состояние в браке.

За период с 1959 по 2002 г., несмотря на определенные колебания в уровне брачного состояния населения, в целом можно отметить, что уровень «брачности населения» понизился, за счет роста вдовства и разводимости. Если рост разводимости еще как-то можно объяснить сменой жизненных ценностей и отношений большинства населения к институту брака и семьи, то рост вдовства и особенно среди женского населения, нечем, кроме сверхвысокой мужской смертности.

Источники и литература

1. Агранат Г.А. Что происходит на Севере? // ЭКО. – М., 2007. – № 10(400). – С. 35–49.
2. Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. – М.: Ключ-С, 2006. – 192 с.
3. Волков А.Г. Состав населения // Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. – М., 1994. – С. 462–463.
4. Гинцбург Л.Я., Смирнова Н.М. Льготы работающим на Крайнем Севере. – М., 1975.
5. Демографическая ситуация в Республике Коми. 2006: Аналит. записка / Комистат. – Сыктывкар, 2006. – 86 с.
6. Демографическое развитие Усинского района: история и современное состояние. – Сыктывкар; Усинск, 2007. – 140 с. (Б-ка демографа; Вып. 6).
7. Иванов А.И. Льготы для работников Севера. – М.: Юрид. лит., 1991. – 144 с.
8. Об уровне образования населения Республики Коми: Аналитическая записка. – Сыктывкар, 2005. – 60 с.
9. Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – 280 с.
10. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). – М., 2003. – 239 с.
11. Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В. Взаимодействие миграционных и этнических процессов // Социолог. исслед. – 1982. – № 4.
12. Статистический ежегодник Республики Коми: Стат. сборник. – Сыктывкар, 2007. – 418 с.
13. Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. – Сыктывкар, 2007. – 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 492).
14. Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми / Коми НЦ УрО РАН, Рос. гос. социальн. ин-т. – М., 1993. – 93 с.
15. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. – Сыктывкар, 2001. – 124 с.
16. <http://president.kremlin.ru>

Младенческая смертность: история и современность

Наряду с показателем ожидаемой продолжительности жизни населения, коэффициент младенческой смертности – число детей, умерших в возрасте до 1 года, в расчете на 1000 родившихся – признается важной характеристикой не только развития населения, но и прогресса общества в целом. Его уровень считается объективным признаком социально-экономического и культурного благополучия страны, отражающим также и состояние служб здравоохранения [1, с.91]. Современная динамика показателя младенческой смертности, которую можно назвать единственной устойчивой позитивной тенденцией в демографическом развитии России, является, пожалуй, самым большим демографическим парадоксом рубежа XX и XXI вв. Ее парадоксальное, казалось бы, ничем не объяснимое сокращение в условиях глубокого социально-экономического кризиса, обусловившего беспрецедентный кризис смертности взрослого российского населения, еще более парадоксально выглядит в северных регионах, в том числе в Республике Коми. Отличающиеся более значительным снижением и уровня жизни населения, и показателя ожидаемой продолжительности жизни, северные регионы характеризуются весьма существенным уменьшением показателя младенческой смертности во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.. Это обуславливает актуальность рассмотрения эволюции уровня и структуры младенческой смертности, ее региональных особенностей, выявления ее новых закономерностей. Этим вопросам посвящена данная статья.

Минувшее столетие во всем мире ознаменовалось колоссальным снижением младенческой смертности. В начале XX в. даже в самой передовой в этом отношении Норвегии умирал, не дожив до года, каждый двенадцатый-тринадцатый новорожденный, во Франции – каждый седьмой, в Германии – каждый пятый, в России – каждый четвертый [2]. Но уже к середине столетия положение разительно изменилось, а вторая половина XX в. принесла небывалые успехи в снижении смертности детей до 1 года. Россия участвовала в этом движении с переменным успехом. В конце XIX – начале XX в. коэффициент младенческой смертности составлял здесь 260-275 на 1000 родившихся [3]. Высокие показатели определялись неправильным кормлением, антисанитарными условиями жизни, тяжелым физическим трудом матерей в период беременности, плохим питанием, неумелым уходом за детьми, недостатком медицинской помощи [4, с.149]. Затем смертность на первом году в России сокращалась, хотя не раз снижение прекращалось и даже сменялось ростом. Но в целом все же преобладало снижение (табл. 1).

Таблица 1

*Динамика коэффициента младенческой смертности
в Российской Федерации и Республике Коми, на 1000 родившихся*

Годы	Российская Федерация*	Республика Коми	Годы	Российская Федерация*	Республика Коми
1926	188,0	166,3	1991	17,8	16,4
1940	205,2	312,8	1992	18,0	17,3
1950	88,4	125,9	1993	19,9	18,8
1955	62,1	80,7	1994	18,6	21,4
1960	36,6	46,6	1995	18,1	25,3
1965	26,6	38,6	1996	17,4	16,9
1970	23,0	27,5	1997	17,2	16,7
1975	23,7	27,7	1998	16,5	16,9
1980	22,1	22,3	1999	16,9	16,7
1981	21,5	23,9	2000	15,3	13,0
1982	20,4	22,9	2001	14,6	9,4
1983	20,1	20,6	2002	13,3	10,9
1984	20,9	20,7	2003	12,4	9,4
1985	20,7	21,9	2004	11,6	8,6
1986	19,3	18,9	2005	11,0	8,7
1987	19,4	20,1	2006	10,2	7,0
1988	18,9	20,2	2007	9,4	7,6
1989	17,8	18,9	2008	8,5	6,6
1990	17,4	16,5			

* Источники: [5, 6, 7].

* **Попова Лариса Алексеевна** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела социально-экономических проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН. E-mail: popova@iespn.komisc.ru

Весьма значительные темпы сокращения младенческой смертности были характерны для первой половины 1920-х гг., когда в результате революционных реформ здравоохранения и медицинской помощи населению снижение смертности затронуло практически все возрастные группы населения и все доминировавшие на тот момент причины смерти [8, с.94]. В 1926 г. показатель смертности детей до 1 года составил в России 188 на 1000 родившихся, т.е. за первую четверть XX в. он сократился почти на треть.

В дальнейшем уровень младенческой смертности колебался под влиянием экономических и социальных катаклизмов. Свертывание Новой экономической политики, начало индустриализации и особенно коллективизации сельского хозяйства привели к росту показателей до уровня первого десятилетия XX в. **Своего пика они достигли** в 1933 г. (295,1 ‰), характеризовавшемся массовым голодом населения. Лишь к концу 1930-х гг. уровень младенческой смертности в России вновь стал устойчиво сокращаться. Главной причиной этого было последовательное претворение в жизнь мер по охране материнства и детства, рост санитарной грамотности населения, улучшение качества медицинской помощи [9, с.48].

Особенно успешными оказались первые два десятилетия после Великой Отечественной войны. Принципиальное снижение младенческой смертности произошло в России еще в конце войны – с появлением и использованием при лечении желудочно-кишечных инфекций и пневмоний таких эффективных средств, как антибиотики и сульфаниламидные препараты, которые привели к значительному сокращению смертности детей до 1 года от болезней органов дыхания и инфекционных заболеваний [10]. В результате уже в первом послевоенном 1946 г. коэффициент младенческой смертности составил в России 124,0 ‰ [2] по сравнению с 205,2 ‰ в 1940 г. А к середине 1960-х гг. смертность на первом году жизни снизилась в стране еще в 5 раз: до 26,6 ‰ в 1965 г.

Сокращение младенческой смертности – убывающими темпами – продолжилось и в дальнейшем. За последние 40 с небольшим лет – с середины 1960-х годов – его уровень уменьшился более чем в 3 раза. Однако это снижение неоднократно прерывалось периодами возрастания: в 1971–1976, 1984, 1987, 1990–1993 и 1999 гг. В 1971–1976 гг. младенческая смертность увеличилась достаточно существенно. Заметным оказался и рост на протяжении 1990–1993 гг.: с 17,4 ‰ до 19,9. Однако наиболее весомый прирост смертности младенцев в эти годы произошел в 1993 г., и во многом он объясняется переходом в стране с 1 января 1993 г. на рекомендованные ВОЗ определения живорождения, т.е. носит по большей части формальный характер.

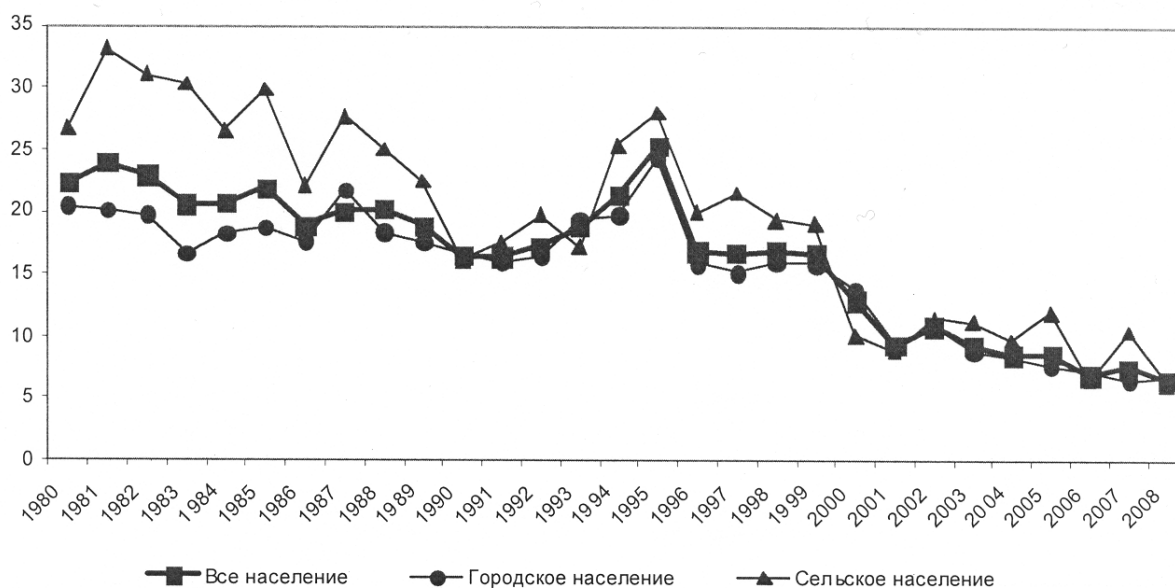
В Республике Коми уровень младенческой смертности буквально до начала 1980-х гг. заметно превосходил средний по стране. Послевоенное снижение началось здесь с некоторой задержкой и заняло большее время. Если в целом по России уже в 1970-е гг. показатель стабилизировался на уровне 21–25 ‰, то в Республике Коми в это время он еще довольно заметно сокращался. Лишь к началу 1980-х гг., когда в стране удалось добиться значительного снижения смертности младенцев от болезней органов дыхания, являвшихся на тот момент главной причиной младенческой смертности, здесь был достигнут уровень, близкий к общероссийскому, а к началу 1990-х гг. показатель смертности на первом году жизни в Республике Коми оказался ниже, чем по России в целом (16,5 ‰ против 17,3).

Перегибы тенденций младенческой смертности в республике в целом повторяли общероссийские, однако, как правило, с некоторым запаздыванием по срокам. Последний период заметного возрастания показателя также начался немного позже, однако в Коми он оказался и более продолжительным, и гораздо более существенным. По России в целом за 1990–1993 гг. коэффициент младенческой смертности увеличился на 14,4 % (до 19,9 ‰), в Республике Коми за 1991–1995 гг. он возрос более чем в 1,5 раза, составив в 1995 г. 25,3 ‰. При этом нарастание темпов прироста его уровня наблюдалось здесь вплоть до 1995 г. Особенно значительно коэффициент младенческой смертности увеличился в сельской местности республики, достигнув в 1995 г. 28,0 на 1000 родившихся (см. рис.). Его рост начался здесь на год раньше и за пять лет с 1990 по 1995 г. составил 73,9 %. В городской местности уровень смертности детей до 1 года увеличился за 1991–1995 гг. на 51,9 %.

После 1995 г. в Республике Коми наблюдается в целом позитивная динамика показателя младенческой смертности. За 1995–2008 гг. его уровень сократился в 3,8 раз, составив в 2008 г. 6,6 на 1000 родившихся. Это заметно ниже общероссийского уровня (8,5 ‰). Здесь следует подчеркнуть, что если за весь послевоенный период до начала 1990-х гг. лишь в отдельные годы (в 1984 и 1986 гг.) республиканские показатели смертности на первом году жизни оказывались ниже среднероссийского уровня, то на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. они ниже, как правило. Лишь в 1994–1995 и 1998 гг. коэффициент младенческой смертности в Республике Коми превысил уровень в целом по стране.

В 1998 г. разница была совсем незначительной, и ее можно отнести на действие случайных факторов. А в 1994–1995 гг. наблюдалось весьма заметное превышение республиканскими показателями общероссийского уровня. Обусловлено оно было в основном аномально высокими в эти годы показателями смертности детей от состояний, возникших в перинатальном (до седьмых суток жизни) периоде, и врожденных аномалий (табл. 2). Поэтому можно предположить, что чрезвычайно высокие показатели младенческой смертности 1994–1995 гг.

были определены – по крайней мере, отчасти – некоторой «постепенностью» перехода в Республике Коми к новым критериям живорождения.

Динамика коэффициента младенческой смертности в городской и сельской местности Республики Коми, на 1000 родившихся.

Таблица 2

Динамика уровня младенческой смертности в Республике Коми по основным классам причин смерти, на 10000 родившихся живыми

Годы	1990	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Умершие в возрасте до 1 года от всех причин	165,2	213,8	252,8	169,1	167,4	168,8	166,7	129,8	93,7	109,4	93,8	86,2	86,6	69,8	76,4
В том числе от:															
Инфекционных и паразитарных болезней	8,3	4,2	11,6	4,6	3,8	3,7	6,1	2,0	3,9	5,5	4,4	1,7	6,3	1,8	3,5
Болезней органов дыхания	14,8	22,7	16,1	11,0	9,6	12,1	7,1	7,1	5,9	4,6	3,5	2,6	3,6	–	1,8
Болезней органов пищеварения	–	–	–	–	–	–	1,0	–	1,0	–	–	1,7	–	–	–
Врожденных аномалий	32,5	46,3	42,9	40,2	42,1	35,4	34,5	31,4	21,5	19,1	19,0	22,6	13,5	18,4	15,8
Состояний, возникших в перинатальном периоде	94,5	110,2	159,0	93,3	90,9	89,5	91,5	58,8	44,9	54,7	47,3	39,2	46,0	31,2	34,2
Несчастных случаев, отравлений и травм	10,6	11,8	14,3	9,1	9,6	14,9	17,3	12,2	3,9	6,4	4,4	7,8	8,1	2,8	10,5

Смертность детей от состояний, возникших в перинатальном периоде, составляет сегодня около половины случаев младенческой смертности. В настоящее время это основная группа причин смертности детей до 1 года. На первое место она вышла в стране в середине 1980-х гг., потеснив болезни органов дыхания, которые до конца указанного десятилетия оставались на второй позиции. К началу 1990-х гг. на второе место вышли врожденные аномалии. Таким образом, 1980-е гг. – это период активных позитивных сдвигов в структуре младенческой смертности по причинам, в результате которых в России была достигнута структура, характерная для промышленно развитых стран: смертность на первом году жизни стала определяться преимущественно эндогенными причинами. Переход к современной структуре младенческой смертности, на наш взгляд, в основном завершился

эпидемиологический переход, первый этап которого закончился в стране к середине 1960-х гг. с выходом болезненной системы кровообращения на первое место среди причин смертности взрослого населения.

В последнем десятилетии XX в. в России развернулся беспрецедентный по глубине кризис смертности населения, который сопровождался реставрацией традиционной патологии смертности – по мнению ряда ученых, в стране произошел обратный эпидемиологический переход. При этом в некоторых регионах он сопровождается неблагоприятными изменениями и в структуре младенческой смертности по причинам. Так, в Республике Коми во второй половине 1990-х гг. на третье место после причин перинатальной смерти и врожденных аномалий устойчиво вышли несчастные случаи, отравления и травмы, которые еще в середине 1980-х гг. были на пятой позиции, пропуская вперед не только болезни органов дыхания, но и инфекционные и паразитарные заболевания. По стране в целом структура младенческой смертности в эти годы изменений не испытала. Главные причины смерти на первом году жизни в России – это состояния, возникшие в перинатальном периоде, врожденные аномалии и болезни органов дыхания. Четвертую и пятую позицию занимают инфекционные и паразитарные болезни и несчастные случаи, отравления и травмы [9, с.50].

Показатели младенческой смертности от причин перинатальной смерти, врожденных аномалий и болезней органов дыхания, а также от инфекционных и паразитарных заболеваний, от болезней органов пищеварения в Республике Коми в настоящее время заметно ниже среднероссийского уровня. Однако устойчивый выход на третье место смертности детей до 1 года от несчастных случаев, уровень которой зависит от доступности и своевременности медицинской помощи, но в еще большей степени от образа жизни семьи, желания и возможности уделять малышам достаточно внимания – это очень неблагоприятное явление, свидетельствующее о неблагоприятии в развитии и жизнедеятельности современной семьи в Республике Коми. И особенно негативно это выглядит на фоне чрезвычайно низкой рождаемости, характерной для последнего десятилетия, лишней раз подтверждая, что в годы популяционного кризиса количественное ухудшение демографической ситуации – будь то процессы смертности или процессы рождаемости – сопровождается ее качественным ухудшением.

В заключение отметим, что коэффициент младенческой смертности в последние годы в стране довольно невысок: Россия замыкает первую треть государств с наиболее низкими значениями его уровня, занимая 71-73 места среди 205 стран [11]. Безусловно, при этом следует учесть, что в Европе уже в середине 1970-х гг. было немало стран, в которых показатель младенческой смертности был ниже 15 ‰. В некоторых из них он уже тогда опустился ниже 10 ‰. В 1990 г. 10 смертей до 1 года на 1000 родившихся в Западной Европе считались уже признаком неблагоприятия, а в начале 2000-х гг. во многих европейских странах этот показатель опустился ниже 5 ‰ [12]. Иными словами, отставание России, которая лишь в 2007 г. пересекла отметку в 10 ‰, остается еще очень значительным. В начале XXI в. уровень младенческой смертности в России (8,5 ‰ в 2008 г.) все еще в несколько раз выше, чем в развитых странах мира: Норвегия – 3,2 ‰, Финляндия, Швеция – 3,1 ‰, Япония – 2,8 ‰, Исландия – 2,4 ‰, Сингапур – 1,9 ‰ [13]. И, тем не менее, несмотря на некоторые колебания, младенческая смертность, в отличие от смертности взрослого населения, в России достаточно устойчиво сокращается.

Ее парадоксальное снижение на фоне глубочайшего демографического кризиса, очень во многом обусловленного неблагоприятным социально-экономическим контекстом, характерным для послереформенной России, позволяет поставить под сомнение считающийся бесспорным тезис, что уровень младенческой смертности является интегральной характеристикой развития общества и качества жизни населения. А в ситуации, когда в регионах России, характеризующихся более значительным снижением уровня и качества жизни населения и большей глубиной проявления демографического кризиса, уровень младенческой смертности, бывший до этого выше среднероссийского уровня, зачастую опускается ниже, чем по стране в целом, можно даже утверждать о проявлении нового «парадокса младенческой смертности». Парадокса, на этот раз связанного не со значительными показателями смертности на первом году жизни, а, наоборот, с ее невысоким уровнем. И обусловлен он, скорее всего, или современной структурой младенческой смертности по причинам, или низким уровнем рождаемости. Или и тем, и другим одновременно.

При этом нельзя сказать, что снижение уровня рождаемости в стране сопровождалось повышением ее качества, которое и привело к снижению младенческой смертности. Об этом очень ярко свидетельствует тот факт, что огромное количество детей периода низкой рождаемости оказались не нужны своим родителям. В настоящее время около 200 тыс. российских детей живут в детских домах. Эта цифра прозвучала в Послании Президента России Федеральному собранию 10 мая 2006 г. Подсчитать более или менее точно количество беспризорников – задача практически невыполнимая. По данным бывшего вице-премьера В.И. Матвиенко, на начало 2002 г. число беспризорных в стране составляло 1 млн. чел., к этому следует прибавить 100-130 тыс. безнадзорных [14]. В то же время, по оценкам МВД и Генпрокуратуры, их число в начале XX века достигло 2-2,5 млн. чел., а по оценкам Совета Федерации и независимых экспертов – 3-4 млн., приближаясь к количеству беспризорных в 1921 г. (4,5-6 млн. чел.), появившихся в России вследствие разрушительных и кровопролитных бедствий [14]. Практически все из этих детей – представители малочисленных поколений периода низкой рождаемости. Большинство имеют живых родителей.

Таким образом, снижение уровня младенческой смертности не могло быть обусловлено повышением качества рождаемости, которого, к сожалению, не произошло при снижении ее уровня. Скорее всего, в период низких уровней рождаемости и современной структуры младенческой смертности по причинам, когда величина ее показателя определяется преимущественно состояниями, возникающими в перинатальном периоде и врожденными аномалиями, уровень смертности детей до 1 года все больше замыкается на качество системы родовспоможения. Он уже не столько отражает социально-экономическое благополучие страны или региона и качество жизни населения, сколько самоотверженные усилия медицинских работников по своевременному выявлению патологий беременности и сохранению жизни каждого рожденного ребенка.

Источники и литература

1. Харченко В.И., Акопян А.С., Михайлова Р.Ю., Михайлов А.Ю. Уровень смертности в России в сравнении с развитыми странами // Проблемы прогнозирования, 2002. – № 1. – С. 78–92.
2. <http://demoscope.ru/weekly/021/tema01.php>.
3. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. – Петроград: Тип. МВД, 1916.
4. Прохоров Б.Б. Здоровье населения России в прошлом, настоящем и будущем // Проблемы прогнозирования, 2001. – № 1. – С. 148–163.
5. Демографический ежегодник России. Статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 2000.
6. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 2002 году. – М.: ГЕОТАР-МЕД, 2003.
7. <http://demoscope.ru/weekly/2006/0239/index.php>.
8. Захарова О.Д., Акопян А.С., Харченко В.И. Эволюция рождаемости в России во второй половине XX века: история, современность и перспективы // Проблемы прогнозирования, 2002. – № 6. – С. 94–106.
9. Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования, 2003. – № 6. – С. 47–55.
10. Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. – М.: Статистика, 1979. – С. 50–60.
11. <http://demoscope.ru/weekly/2005/0227/barom03.php>.
12. <http://www.demoscope.ru/weekly/031/barom02.php>.
13. <http://demoscope.ru/weekly/2003/0113/tema01.php>.
14. Сколько в России беспризорных? // Комсомольская правда, 2002. – 24 января. – С. 9.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 100 экз. Заказ № 11 (124).

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36
